

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Мазуренко М.А.</i> Принцип процессуальной экономии в практике арбитражных судов Российской Федерации.....	4
<i>Вэй Цянь.</i> Позиция Европейского суда по правам человека по вопросу слежки за встречами сторон дела и адвокатами: обобщение практики правоприменения	10
<i>Краснов А.В.</i> Эволюция правовой модели противодействия семейному насилию в России до 1917 года.....	14
<i>Пономаренко К.С.</i> Из истории становления и развития института высшего государственного аудита в России	18
<i>Иванов А.М., Лещинская К.Д., Пузанова Д.А., Федоскин Н.Н.</i> Правовые особенности реализации национальных проектов в области экологии.....	23
<i>Эрбоев М.Н.</i> Историко-правовой аспект формирования конституционного регулирования деятельности исполнительной власти Таджикистана	28
<i>Ядрев И.В.</i> Национально-этнические традиции при территориальной организации местного самоуправления	33
<i>Пономаренко К.С.</i> Соблюдение принципов открытости и гласности счетной палатой РФ, как условие развития стратегического аудита.....	37

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Блинова Ю.В.</i> О правах чужеземцев в Древней Руси (частноправовой аспект)	41
<i>Тимохов В.П., Гомонов Н.Д., Труш В.М.</i> Правовые и организационные меры санкционной адаптации судостроения России.....	45
<i>Денькович В.С.</i> Конфликт интересов при правоприменении законодательства о банкротстве	50
<i>Зайцева Н.В.</i> Презумпция вины юридического лица как способ формирования стандарта поведения	53
<i>Зуева К.А.</i> Ограничения правового регулирования трудовых отношений между исполнителями услуг и цифровыми платформами.....	57
<i>Лашков А.П.</i> Развитие института реорганизации юридических лиц: обобщение правоприменительной практики	62
<i>Лузан С.Н.</i> Сопоставление правового регулирования обращения криптовалюты в гражданском праве России и Японии	69
<i>Скучаев А.А.</i> Развитие правовой модели регулирования пассажирских перевозок воздушным транспортом	73

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Мордовец Александр Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **РузакOVA Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 28.02.2023

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

Ханзафарова Г.Р. Развитие нормативного регулирования процедуры отобрания ребенка из семьи как меры его защиты..... 79

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Агошко А.А. Выявление мотива преступления в уголовном судопроизводстве..... 83

Барсэл И.В. Актуальные проблемы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем..... 87

Бессалова Т.Н. Инструментарий общественной опасности и ее измерение..... 91

Вторушина В.В. Квалификация уголовной ответственности за вооруженные нападения на образовательные учреждения в России..... 95

Костина М.И. К вопросу об особенностях процессуального контроля за производством дознания в органах внутренних дел..... 98

Матюшкина А.В. Проблемы использования результатов психофизиологических экспертиз с применением полиграфа в уголовном судопроизводстве..... 102

Рывкин С.Ю. Криминалистическая модель расследований преступлений в Арктической зоне..... 107

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Аратский И.Д. Право на доступ к устойчивым источникам энергии: международно-правовые аспекты..... 111

Карандашева Н.Н. Исполнение иностранных судебных поручений в порядке международной вежливости («*comitas gentium*»)..... 118

Ли Далэн. Международный правовой анализ реализации санкций и контрсанкций в области гражданской авиации в условиях проведения СВО..... 127

Манзанга О.К. Правовые последствия неприменимости срока давности на основе понятия реактивности международного уголовного процесса..... 133

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОРЧЕСТВА

Седова Ж.И. Недопустимость нарушения публичного порядка как вид отрицания недобросовестного поведения в праве..... 139

TABLE OF CONTENTS

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Mazurenko M.A.</i> The principle of procedural economy in the practice of arbitration courts of the Russian Federation	4
<i>Wei Qian.</i> The position of the European Court of Human Rights on the issue of surveillance of meetings of the parties to the case and lawyers: generalization of law enforcement practice	10
<i>Krasnov A.V.</i> Evolution of the legal model of countering family violence in Russia before 1917	14
<i>Ponomarenko K.S.</i> From the history of the formation and development of the Institute of Higher State Audit in Russia	18
<i>Ivanov A.M., Leshchinskaya K.D., Puzanova D.A., Fedoskin N.N.</i> Legal features of the implementation of national projects in the field of ecology	23
<i>Erboev M.N.</i> Historical and legal aspect of the formation of the constitutional regulation of the activities of the executive power of Tajikistan	28
<i>Yadreev I.V.</i> National-ethnic traditions in the territorial organization of local self-government.....	33
<i>Ponomarenko K.S.</i> Compliance with the principles of openness and transparency by the Accounting Chamber of the Russian Federation as a condition for the development of strategic audit.....	37

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Blinova Yu.V.</i> On the Rights of Foreigners in Ancient Rus' (Private Law Aspect).....	41
<i>Timokhov V.P., Gomonov N.D., Trush V.M.</i> Legal and organizational measures of sanctions adaptation shipbuilding in Russia.....	45
<i>Denkovich V.S.</i> Conflict of interest in the enforcement of bankruptcy legislation.....	50
<i>Zaytseva N.V.</i> The presumption of guilt of a legal entity to form a standard of conduct.....	53
<i>Zueva K.A.</i> Limitations of legal regulation of labor relations between service providers and digital platforms.....	57
<i>Lashkov A.P.</i> Development of the institution of reorganization of legal entities: generalization of law enforcement practice	62

<i>Luzan S.N.</i> Comparison of the legal regulation of the circulation of cryptocurrencies in the civil law of Russia and Japan	69
<i>Skuchaev A.A.</i> Development of the legal model for regulation of passenger transportation by air transport.....	73
<i>Khanzafarova G.R.</i> Development of normative regulation of the procedure for removing a child from a family as a measure of his protection	79

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Agoshko A.A.</i> Identification of the motive for a crime in criminal proceedings	83
<i>Barsel I.V.</i> Actual problems of counteraction of legalization of income obtained by criminal means	87
<i>Bessalova T.N.</i> Instrumentation of public danger and its measurement.....	91
<i>Vtorushina V.V.</i> Qualification of criminal liability for armed attacks on educational institutions in Russia.....	95
<i>Kostina M.I.</i> To the question of the features of procedural control over the production of inquiry in the bodies of the internal affairs.....	98
<i>Matyushkina A.V.</i> Problems of using the results of psychophysiological examinations using a lie detector in criminal legal proceedings.....	102
<i>Ryvkin S. Yu.</i> Forensic model of crime investigations in the Arctic zone.....	107

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Aratskiy I.D.</i> The right of access to sustainable energy sources: international legal aspects.....	111
<i>Karandasheva N.N.</i> Execution of foreign letters rogatory as a matter of international comity ("comitas gentium")	118
<i>Li Dapeng.</i> Study on the legitimacy of the anti-sanctions measures imposed by Russia in civil aviation industry in the context of the Special Military Operation	127
<i>Manzanga O.K.</i> Legal consequences of the inapplicability of the statute of limitations based on the concept of reactivity of the international criminal process	133

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

<i>Sedova Zh.I.</i> Inadmissibility of violation of public order as a type of denial of bad faith conduct in the law.....	139
---	-----

Принцип процессуальной экономии в практике арбитражных судов Российской Федерации

Мазуренко Максим Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, Кубанский государственный университет
E-mail: mazurenko.maxim@yahoo.com

Принцип процессуальной экономии не имеет нормативно-закрепления, однако, согласно доктринальным подходам, он неразрывно связан с судебным процессом и является его принципом фактически. В конце 2021 года Пленум Верховного Суда РФ обратил внимание арбитражных судов на соблюдение принципа процессуальной экономии при разрешении дел. Вместе с тем разъяснения Пленума не содержат определения и условий применения данного принципа. Цель настоящей статьи – определить понятие процессуальной экономии, выявить случаи и критерии использования данного принципа. В статье приведены доктринальные подходы к пониманию проблематики, осуществлен анализ практики арбитражных судов, начиная с 1 января 2022 года. Результаты исследования показали, что применение арбитражными судами принципа процессуальной экономии в большинстве случаев не отражает доктринального подхода к его определению. Закрепление процессуальной экономии как самостоятельного принципа арбитражного процесса не создало новых подходов в практике его применении, за некоторыми исключениями. Однако отдельные судебные постановления, в которых принцип процессуальной экономии применялся для снижения формализации процесса, свидетельствуют о перспективах использования данного принципа арбитражными судами

Ключевые слова: арбитражный процесс, цивилистический процесс, арбитражный суд, процессуальная экономия, принципы процессуального права, судебная практика.

Введение

23 декабря 2021 года Пленум Верховного Суда РФ принял постановление № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» (далее – постановление Пленума № 46). Предыдущие разъяснения высшей судебной инстанции по данной теме были опубликованы в 1996 году [14], что свидетельствует о важности и значимости нового постановления для развития арбитражного процессуального права. За более чем двадцатипятилетний период арбитражный процесс претерпел значительные изменения, в связи с чем новые разъяснения должны заполнить возникшие в результате реформ пробелы правового регулирования и разрешить процессуальные коллизии. Постановление Пленума № 46 затронуло и фундаментальные основы применения принципов процессуального права. Так в нем содержится указание на то, что при рассмотрении дела арбитражным судом следует учитывать, в том числе принцип процессуальной экономии. В современной доктрине цивилистического процесса отмечается, что его принципами являются нормативно установленные основополагающие начала гражданского (арбитражного) процессуального права, определяющие построения процесса, его природу и методы осуществления правосудия [11, с. 120]. Принцип процессуальной экономии не имеет нормативного закрепления и легального толкования, вместе с тем дискуссии о фактическом наличии данного принципа в цивилистическом процессе ведутся отечественными учеными-юристами с дореволюционных времен. Необходимость соблюдения процессуальной экономии неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ [15]. В этой связи указание в постановлении Пленума № 46 на процессуальную экономию как на принцип арбитражного процессуального права может иметь большое практическое значение, а его значимость для судебного процесса будет зависеть от того, в какой мере арбитражные суды воспримут новые разъяснения и какие конкретные процессуальные действия они будут совершать исходя из этого принципа. Постановление Пленума № 46 не дает определения и не раскрывает сути процессуальной экономии, поэтому для ответа на данный вопрос в настоящей статье приводятся результаты анализа практики арбитражных судов округов в области применения принципа процессу-

альной экономии, проведенного спустя год после публикации новых разъяснений.

Целью настоящего научного исследования является поиск ответов на следующие вопросы:

1) что следует понимать под термином «процессуальная экономия» согласно доктринальным подходам?

2) применяются ли арбитражными судами положения постановления Пленума № 46 о процессуальной экономии?

3) что арбитражные суды понимают под «процессуальной экономией» и в каких случаях применяют этот принцип?

В статье приводится обзор научных трудов юристов дореволюционного и советского периодов: Васильковского Е.В., Клеймана А.Ф., Гурвича М.А.; анализ современных доктринальных подходов к пониманию принципа процессуальной экономии на основании работ Беляковича Е.В., Жестовской Д.А., Бортниковой Н.А., Долотина Р.Р., Дрозда Д.О., Шакирьянова Р.В., Филатовой М.А.; анализ правовых позиций высших судебных инстанций и обзор судебной практики арбитражных судов РФ на уровне постановлений окружных судов, а также Суда по интеллектуальным правам. Поиск судебных актов осуществлен в СПС «КонсультантПлюс» по текстам, содержащим фразу «процессуальная экономия». Во внимание приняты документы, изданные позднее 01.01.2022.

С помощью методов обобщения и сравнения получены данные о понимании выбранной для изучения проблематики со стороны дореволюционной, советской и современной доктрины, а также толкования высших судебных инстанций и арбитражных судов, рассматривающих конкретные дела.

Источники получения информации: научная электронная библиотека eLIBRARY.ru; СПС «Консультант Плюс», сервис Картотека арбитражных дел URL: <https://kad.arbitr.ru/>.

Основная часть

Доктринальный подход к пониманию принципа процессуальной экономии отмечается в работах многих отечественных процессуалистов от дореволюционного периода до современности. Например, Васильковский Е.В. под процессуальной экономией понимал создание таких условий, при которых судебный процесс становился бы удобным для суда и лиц, участвующих в деле. При этом удобство процесса должно быть напрямую связано с доступностью правосудия лицам, права, свободы и законные интересы которых нуждаются в защите, а для суда – в возможности без излишних трудовых и финансовых затрат предоставить защиту нарушенного или оспариваемого субъективного права [3, с. 143]. Клейман А.Ф. считал, что процессуальная экономия связана рационализацией и быстротой гражданского процесса, при соблюдении его основных начал и принципов [9, с. 11]. По мнению Гурвича М.А. процессуальная экономия заключается в быстром и эффективном разре-

шении дела, исключающем излишнюю волокиту и бюрократизм [5, с. 24].

Подходы современных исследователей проблематики в целом совпадают с мнением классиков. Белякович Е.В. считает, что принцип процессуальной экономии заключается в достижении максимальной производительности и результата – качественного и всестороннего рассмотрения судом дел, при минимальных затратах временных, процессуальных, кадровых, финансовых ресурсов. Реализация данного принципа обеспечивается за счет разумного смягчения процессуальных формальностей, отказа от избыточных и неоправданных процессуальных процедур, что не должно влиять на правильность принятых судебных решений (совершенных процессуальных действий) [1, с. 25]. Шакирьнов Р.В. полагает, что в процессуальной экономии должны найти свое отражение как нормы о быстром и правильном рассмотрении дела, так и необходимость рационального использования участниками процесса предоставленных законом процессуальных прав. Сам принцип должен быть определен как начало, с помощью которого судом, другими участниками процесса с наименьшими затратами труда за счет эффективного, рационального использования процессуальных средств и регламентированных законом процессуальных гарантий обеспечивается своевременное и правильное разрешение гражданско-правовых споров [13, с. 46].

Если говорить о конкретных примерах реализации принципа процессуальной экономии, то в научных работах указываются следующие мнения.

Жестовская Д.А. отмечает, что в делах о несостоятельности (банкротстве) принцип процессуальной экономии может выражаться в необходимости рассмотрения всех споров, связанных с несостоятельностью должника исключительно в суде, рассматривающем дело о банкротстве [8, с. 111].

Бортникова Н.А. в качестве реализации принципа процессуальной экономии указывает на необходимость выявления оснований для отвода судьи до начала рассмотрения дела по существу [2].

По мнению Филатовой М.А. принцип процессуальной экономии реализован законодателем путем установления ограниченных случаев возможности самостоятельного обжалования определений суда первой инстанции [12, с. 24].

Говоря о соотношении принципов непосредственности судебного разбирательства и процессуальной экономии, Дрозд Д.О. отмечает, что, руководствуясь последним принципом судья должен исследовать все имеющиеся группы доказательств по делу, но не каждый элемент внутри этих групп. Предпочтение следует уделять тем доказательствам, которые имеют значение для рассмотрения дела [7, с. 87].

Проявлением принципа процессуальной экономии Долотин Р.Р. считает упрощенное судопроизводство, которое характеризуется минималистическим режимом процессуально-правового регулирования. Например, при упрощенном произ-

водстве в арбитражном процессе осуществляется изъятие таких характерных или допускаемых для искового производства элементов, как предварительное заседание, вызов сторон в судебное заседание, исследование судом доказательств, представленных с нарушением сроков [6, с. 212].

Обобщив приведенные подходы к понятию принципа процессуальной экономии и примеры его реализации, можно прийти к выводу о том, что для исследуемого принципа характерна отступление от формальных правил судопроизводства с целью наиболее эффективного и быстрого разрешения спора. Достижение указанных целей актуально как для суда, так и для лиц, участвующих в деле, однако это не должно каким-либо образом снижать процессуальных гарантий участников процесса. Правильное и быстрое рассмотрение дела безусловно является главной целью любого судебного процесса. Вместе с тем конкуренция понятий «быстро» и «правильно» выглядит вполне очевидной. В этой связи актуальным остается вопрос о том, от каких «перегружающих» судебный процесс правил суд может отступить, чтобы создать условия не только для оперативного разрешения дела, но и для исключения ошибок при его рассмотрении. С целью понимания того, как данные правила реализуются в практической деятельности арбитражных судов, с учетом закрепления принципа процессуальной экономии в постановлении Пленума № 46, проведен анализ постановлений арбитражных судов кассационных инстанций.

Перед обсуждением результатов исследования практики арбитражных судов следует отметить, что к анализу не приняты судебные акты по делам о банкротстве, в связи с определенной спецификой данных правоотношений, требующих отдельного научного исследования.

Большинство постановлений арбитражных судов округов, опубликованных в период с начала 2022 года и содержащих указание на применение принципа процессуальной экономии, связаны с тремя группами фактов:

- 1) недопустимость рассмотрения тождественных исков [17, 26, 30];
- 2) запрет на опровержение фактов, ранее установленных вступившими в законную силу судебными актами, по делам, в которых участвуют те же лица (преюдициальность) [18, 19, 27];
- 3) недопустимость отказа в иске со ссылкой на неверный выбор истцом способа защиты нарушенного права [24, 25, 29, 32].

Следует отметить, что приведенные примеры нельзя назвать случаями самостоятельного использования принципа процессуальной экономии, поскольку порядок совершения данных процессуальных действий урегулирован самостоятельными нормами, применение которых не находится напрямую в зависимости от исследуемого принципа. Так действия арбитражного суда в случае предъявления тождественных исков регламентированы п. 2 ч. 1 ст. 127.1, п. 1 ч. 1 ст. 148, п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, не допускающими возможность повторного

рассмотрения спора о том же предмете, по тем же основаниям и между теми же лицами.

Преюдициальные факты относятся к категории обстоятельств, не подлежащих доказыванию в силу ч. 2 ст. 69 АПК РФ. Отмечая преюдициальность как результат реализации принципа процессуальной экономии, арбитражные суды ссылаются на постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П, в котором дается толкование положений ч. 2 ст. 69 АПК РФ. Вместе с тем преюдициальность обусловлена так же свойством обязательности судебных актов и процессуальной определенности, поэтому сама по себе процессуальная экономия не может являться достаточным основанием для применения или отказа в применении указанной нормы.

Недопустимость отказа в иске по мотивам избрания истцом ненадлежащего способа судебной защиты безусловно связана с принципом процессуальной экономии, однако, данный подход появился в судебной практике достаточно давно. Например, он изложен в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Поэтому его применение в контексте постановления Пленума № 46 не является значимым для настоящего исследования.

В других постановлениях арбитражные суды ссылаются на принцип процессуальной экономии при необходимости приостановления производства по делу (п. 1 ч. 1 ст. 143 АПК РФ) [33], а также соединения и разъединения нескольких требований [20].

Во всех перечисленных случаях арбитражные суды упоминали принцип процессуальной экономии, уже заложенный в действующие нормы процессуального права. В постановлении от 13.01.2022 № 2-П Конституционный Суд РФ указал, что именно законодатель должен устанавливать такие институциональные и процедурные условия осуществления процессуальных прав, которые отвечали бы требованиям процессуальной эффективности и экономии в использовании средств судебной защиты. С другой стороны, как уже отмечалось, процессуальная экономия может быть обусловлена отступлением от формальных правил судопроизводства. Приведенные же примеры с такими действиями не связаны.

Наиболее характерным примером реализации исследуемого принципа являются разъяснения, изложенные в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса РФ при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» и п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса РФ при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции». Так, если кассационная (апелляционная) жалоба подана непосредственно в арбитражный суд кассационной (апелляционной)

инстанции после возбуждения в нем апелляционного производства по жалобе другого лица, то суд в целях соблюдения принципа процессуальной экономии решает вопрос о принятии этой жалобы к производству, не возвращая ее заявителю. Данное правило является отступлением от норм, предусматривающих подачу жалоб на судебные акты через суд первой инстанции. Именно реализация принципа процессуальной экономии позволяет суду проверочной инстанции не возвращать жалобу заявителю, а рассмотреть вопрос о ее принятии к производству.

В некоторых случаях арбитражные кассационные суды ссылались на принцип процессуальной экономии при отказе в удовлетворении кассационных жалоб по мотивам нарушения правил о досудебном порядке урегулирования спора [31] и общей территориальной подсудности [28]. Вместе с тем, представляется, что данные подходы более применимы к правилу процессуального эстоппеля [4, с. 61].

Далее приводятся некоторые случаи принятия судами решений, которые наиболее согласуются с доктринальными подходами к признакам процессуальной экономии и положениям, изложенным в постановлении Пленума № 46:

1) отказ в отмене судебных актов по процессуальным (формальным) основаниям [16];

2) приобщение к материалам делам документов, поступивших в суд после оглашения резолютивной части судебного акта [23];

3) отказ в привлечении к участию в деле всех собственников общего имущества, если это является крайне затруднительным, а потенциальные издержки участников процесса могут стать несоизмеримыми имущественным благам, полученным в результате восстановления нарушенного права [21, 22].

В указанных случаях суды отказывались от применения «формальных норм» процессуального права, отдав приоритет принципу процессуальной экономии. Например, приобщение к материалам дела доказательств, не исследованных в ходе рассмотрения дела, противоречит принципу непосредственности судебного разбирательства [10, с. 26]. Вместе с тем приобщая документы к делу суд сослался именно на принцип процессуальной экономии.

Обобщив полученные в результате исследования данные можно прийти к выводу о том, что применение арбитражными судами принципа процессуальной экономии в большинстве случаев не отражает доктринального подхода к определению данного принципа. Закрепление процессуальной экономии в качестве самостоятельного принципа арбитражного процессуального права в постановлении Пленума № 46 не создало новых подходов в практике его применении, за исключением некоторых случаев. Упоминание судами процессуальной экономии в большей степени связано с использованием действующих норм процессуального права, а не с отказом в их применении в конкрет-

ных случаях, требующих соблюдения исследуемого принципа. Вместе с тем наличие отдельных постановлений, отмечающих использование процессуальной экономии в качестве средства деформализации процесса, может свидетельствовать о перспективах использования данного принципа арбитражными судами. На развитие процессуальной экономии как принципа арбитражного процессуального права может положительно повлиять более широкое его применение арбитражными судами и, вероятно, конкретизация случаев его использования на уровне разъяснений Верховного Суда РФ. По этой причине данный принцип требует дальнейшего научного исследования во временной перспективе.

Литература

1. Белякович Е.В. Проявление темпоральности в принципах административного процесса // Административное право и процесс. 2021. № 10. С. 25–30.
2. Бортникова Н.А. Замена судьи в различных видах судопроизводства // СПС Консультант-Плюс. 2022 (дата обращения: 21.02.2022).
3. Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., Издание Бр. Башмаковых. 1914. С. 143–144.
4. Володарский Д.Б., Кашкарова И.Н. Процессуальный эстоппель в практике российских судов (эмпирический анализ) // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 61–110.
5. Гурвич М.А. Принципы советского гражданского процессуального права (Система и содержание) // Советское государство и право. 1974. № 12. С. 24.
6. Долотин Р.Р. Исследование процессуальной формы упрощенного судопроизводства в контексте проблемы реализации принципа процессуальной экономии // Вестник гражданского процесса. 2021. № 3. С. 212–223.
7. Дрозд Д.О. Непосредственность судебного разбирательства при использовании искусственного интеллекта // Российский юридический журнал. 2022. № 4. С. 87–98.
8. Жестовская Д.А. Противопоставимость судебных актов в банкротстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 10. С. 111–145.
9. Клейман А.Ф. Участие третьих лиц в советском гражданском процессе. Иркутск: Изд. Иркутского университета, 1927. С. 11.
10. Мазуренко М.А. О процессуальной судьбе документов, поступивших в арбитражный суд после оглашения резолютивной части решения // International Law Journal. 2021. Т. 4. № 5. С. 26–30.
11. Свиринов Ю.А. Размышления о гражданском процессе: Монография. М., Прометей, 2022.
12. Филатова М.А. Перспективы применения нового апелляционного производства в гражданском процессе (комментарий к главе 39 ГПК

РФ) // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 5. С. 24–27.

13. Шакирьянов Р.В. Действие принципа процессуальной экономии в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2012. № 4. С. 46–67.
14. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции: Постановление Пленума ВАС РФ от 31.10.1996 № 13 (утратило силу – 22.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2022).
15. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.11.2018 № 40-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго части третьей статьи 445 Гражданского Процессуального Кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.С. Волосникова» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2022).
16. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10.06.2022 по делу № А28–3058/2011 // Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).
17. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 04.03.2022 по делу № А74–2460/2020 // Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).
18. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11.08.2022 по делу № А19–16924/2019 // Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).
19. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 09.01.2023 по делу № А73–2285/2022 // Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).
20. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.12.2022 по делу № А27–26185/2021 // Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).
21. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.10.2022 по делу № А81–8628/2020 // Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).
22. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.08.2022 по делу № А67–3551/2021 // Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).
23. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.11.2022 № по делу № А46–19573/2021 // Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).
24. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.12.2022 по делу № А03–18096/2021 // Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).
25. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.08.2022 по делу № А75–19454/2021 // Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).
26. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.01.2023 № А27–6995/2022 // Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).
27. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.12.2022 по делу № А40–217443/2021 // Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).
28. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.06.2022 по делу № А40–217360/2021 // Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).
29. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.11.2022 по делу № А40–133804/2021 // Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).
30. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.12.2022 по делу № А40–149299/2022 // Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).
31. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.04.2022 по делу № А72–6299/2021 // Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).
32. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06.12.2022 по делу № А32–7410/2018 // Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).
33. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 31.08.2022 № С01–1942/2021 по делу № А50–1628/2021 // Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).

THE PRINCIPLE OF PROCEDURAL ECONOMY IN THE PRACTICE OF ARBITRATION COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Mazurenko M.A.
Kuban State University

The principle of procedural economy has no normative consolidation, however, according to doctrinal approaches, it is inextricably linked with the judicial process and is its principle in fact. At the end of 2021, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation drew the attention of arbitration courts to compliance with the principle of procedural economy in resolving cases. At the same time, the explanations of the Plenum do not contain definitions and conditions for the application of this principle. The purpose of this article is to define the concept of procedural economy, to identify cases and criteria for the use of this principle. The article presents doc-

trinal approaches to understanding the issues, analyzes the practice of arbitration courts, starting from January 1, 2022. The results of the study showed that the application of the principle of procedural economy by arbitration courts in most cases does not reflect a doctrinal approach to its definition. The consolidation of procedural economy as an independent principle of the arbitration process has not created new approaches in the practice of its application, with some exceptions. However, hotel court rulings, in which the principle of procedural economy was applied to reduce the formalization of the process, indicate the prospects for the use of this principle by arbitration courts.

Keywords: arbitration process, civil procedure, arbitration court, procedural economy, principles of procedural law, judicial practice.

References

1. Belyakovich E.V. Manifestation of temporality in the principles of administrative process // *Administrative law and process*. 2021. № 10. pp. 25–30.
2. Bortnikova N.A. Replacement of a judge in various types of legal proceedings // *SPS ConsultantPlus*. 2022 (application: 21.02.2022).
3. Vaskovsky E.V. Textbook of civil procedure. M., Edition Br. Bashmakov. 1914. pp. 143–144.
4. Volodarsky D.B., Kashkarova I.N. Procedural estoppel in the practice of Russian courts (empirical analysis) // *Bulletin of Civil Procedure*. 2019. № 5. pp. 61–110.
5. Gurvich M.A. Principles of Soviet civil procedural law (System and content) // *Soviet State and law*. 1974. № 12. p. 24.
6. Dolotin R.R. Investigation of the procedural form of simplified legal proceedings in the context of the problem of implementing the principle of procedural economy // *Bulletin of Civil Procedure*. 2021. № 3. pp. 212–223.
7. Drozd D.O. The immediacy of judicial proceedings when using artificial intelligence // *Russian Law Journal*. 2022. № 4. pp. 87–98.
8. Zhestovskaya D.A. Opposability of judicial acts in bankruptcy // *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2021. № 10. pp. 111–145.
9. Kleiman A.F. Participation of third parties in the Soviet civil process. Irkutsk: Ed. Irkutsk University, 1927. P. 11.
10. Mazurenko M.A. On the procedural fate of documents received by the arbitration Court after the announcement of the operative part of the decision // *International Law Journal*. 2021. Vol. 4. № 5. pp. 26–30.
11. Svirin Yu.A. Reflections on civil procedure: Monograph. M., Prometheus, 2022.
12. Filatova M.A. Prospects for the application of new appeal proceedings in civil proceedings (commentary to Chapter 39 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation) // *Arbitration and civil procedure*. 2012. № 5. pp. 24–27.
13. Shakiryaynov R.V. The effect of the principle of procedural economy in civil proceedings // *Bulletin of Civil Procedure*. 2012. № 4. pp. 46–67.
14. On the application of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation when considering cases in the Court of First Instance: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation № 13 of 31.10.1996 (expired – 22.12.2021) // *SPS “ConsultantPlus”* (application: 21.02.2022).
15. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 40-P dated 12.11.2018 “On the case of checking the constitutionality of the second paragraph of the third part of Article 445 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.S. Volosnikov” // *SPS “ConsultantPlus”* (application: 21.02.2022).
16. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of 10.06.2022 in case no. A28–3058/2011 // Electronic justice. The file of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (application: 21.02.2022).
17. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District of 04.03.2022 in case no. A74–2460/2020 // Electronic justice. The file of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (application: 21.02.2022).
18. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District of 11.08.2022 in case no. A19–16924/2019 // Electronic justice. The file of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (application: 21.02.2022).
19. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of 09.01.2023 in case no. A73–2285/2022 // Electronic justice. The file of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (application: 21.02.2022).
20. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of 02.12.2022 in case no. A27–26185/2021 // Electronic justice. The file of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (application: 21.02.2022).
21. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of 06.10.2022 in case no. A81–8628/2020 // Electronic justice. The file of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (application: 21.02.2022).
22. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of 08.08.2022 in case no. A67–3551/2021 // Electronic justice. The file of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (application: 21.02.2022).
23. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 11/14/2022 No. in case no. A46–19573/2021 // Electronic justice. The file of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (application: 21.02.2022).
24. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of 12/20/2022 in case no. A03–18096/2021 // Electronic justice. The file of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (application: 21.02.2022).
25. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of 24.08.2022 in case no. A75–19454/2021 // Electronic justice. The file of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (application: 21.02.2022).
26. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of 31.01.2023 No. A27–6995/2022 // Electronic justice. The file of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (application: 21.02.2022).
27. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 12/15/2022 in case no. A40–217443/2021 // Electronic justice. The file of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (application: 21.02.2022).
28. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 21.06.2022 in case no. A40–217360/2021 // Electronic justice. The file of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (application: 21.02.2022).
29. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 11/22/2022 in case no. A40–133804/2021 // Electronic justice. The file of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (application: 21.02.2022).
30. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 12/27/2022 in case no. A40–149299/2022 // Electronic justice. The file of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (application: 21.02.2022).
31. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District of 27.04.2022 in case no. A72–6299/2021 // Electronic justice. The file of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (application: 21.02.2022).
32. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of 06.12.2022 in case no. A32–7410/2018 // Electronic justice. The file of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (application: 21.02.2022).
33. Resolution of the Intellectual Property Rights Court of 31.08.2022 No. C01–1942/2021 in case No. A50–1628/2021 // Electronic justice. The file of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (application: 21.02.2022).

Позиция Европейского суда по правам человека по вопросу слежки за встречами сторон дела и адвокатами: обобщение практики правоприменения

Вэй Цянь,

аспирант школы административного права Юго-Западного университета политических наук и права
E-mail: weiqian20051006@163.com

Для эффективного осуществления права на защиту необходимо, прежде всего, гарантировать конфиденциальность юридических консультаций, предоставляемых адвокатами сторонам дела, особенно частных бесед адвокатов с задержанными подозреваемыми и обвиняемыми по уголовным делам во время их встреч. В отличие от этого, тайное слежение за встречами адвокатов с задержанными под стражей с помощью подслушивания, слежения и присутствие сотрудников полиции, являются открытой или полукрытой полицейской практикой в различных странах, например, в Великобритании. В данной статье на основе примера пятилетнего и юридически спорного дела «R.E. против Великобритании» проводится глубокий анализ основных взглядов Европейского суда по правам человека на тайное слежение за встречами адвокатов с задержанными в помещениях учреждения лишения свободы, а также описывается практика «слежения без подслушивания» за встречами адвокатов и задержанных в Китае. «Дело R.E. против Великобритании» дает представление об основных взглядах Европейского суда по правам человека на тайное слежение за встречами адвокатов с задержанными.

Ключевые слова: встреча с адвокатами, стороны дела, подслушивание и слежение.

Основные факты и разбирательства

15 марта 2009 года, R.E., гражданин Северной Ирландии 1989 г. рождения, был арестован по подозрению в убийстве полицейского совместно с одним республиканцем. На момент ареста R.E. был поставлен судебным врачам как психически «уязвимое лицо» по смыслу Положения о применении Закона о борьбе с терроризмом. Согласно пункту 11.9 Положения о применении Закона о борьбе с терроризмом, R.E. не может быть допрошен при отсутствии подходящего взрослого, за исключением определенных обстоятельств, а в делах с психически уязвимыми лицами подходящим взрослым может быть родственник, опекун или лицо, имеющее опыт общения с психически растерянными и психически уязвимыми лицами. Адвокаты R.E. получили заверения от полиции Северной Ирландии, что они не будут тайно следить за встречей адвоката, но полиция Северной Ирландии, по-прежнему, следила за встречей R.E. с адвокатом.

R.E. немедленно подал внутригосударственный иск против тайного слежения за их встречей с адвокатом, который был отклонен Высоким судом Северной Ирландии и Верховным судом Великобритании. Исчерпав внутренние средства правовой защиты, R.E. 7 октября 2011 года подал жалобу в Европейский суд по правам человека, утверждая, что правовые положения о скрытом слежении британской полиции за консультациями адвоката не соответствуют статье 8.2 Европейской конвенции по правам человека с точки зрения «законности» и «необходимости». Во-первых, закон на момент рассмотрения дела был грубым и не соответствовал условиям исключительных обстоятельств по статье 8 Европейской конвенции по правам человека [1]. Во-вторых, процедуры обработки материалов, полученных в результате слежения, были неясны в отечественном законодательстве Великобритании. В ответ правительство Великобритании заявило, что в принципе, юридическая привилегия для адвокатов не является абсолютным правом и может быть нарушена в соответствии с законом. В данном случае, разрешение на слежение было разумным использованием дискреционных полномочий и соответствовало принципу необходимости [4].

Основания для решения Европейского суда по правам человека

Законные стандарты скрытого подслушивания: необходимость, законность и проводить в соответствии с законом

Во-первых, в данном деле конечно существовало нарушение неприкосновенности частной жизни в соответствии со ст. 8.1 ЕКПЧ, что признают и Р.Е., и правительство Великобритании, но ключевой вопрос заключается в том, является ли вмешательство оправданным и соответствует ли оно отечественному закону в соответствии со ст. 8.2 ЕКПЧ, оба из которых должны быть удовлетворены следующим образом: меры должны быть подкреплены в отечественном законодательстве, отечественное законодательство должно соответствовать принципу верховенства права, заинтересованное лицо должно иметь возможность быть в полном объеме осведомленным, а заинтересованное лицо должно иметь возможность предвидеть последствия применения отечественного законодательства.

Во-вторых, Европейский суд по правам человека в своем деле о скрытом слежении в деле Вебер и Саравиа против Германии, установил следующие минимальные гарантии, которые должны быть включены в законодательные акты, чтобы избежать злоупотребления властью [5]: характер правонарушения, которое может привести к изданию приказа о перехвате, ограничение на объем прослушивания телефонных разговоров, ограничение по времени прослушивания телефонных разговоров, процедуры проверки, использования и хранения полученных данных, гарантии против возможности доступа других лиц к полученным данным и конкретные обстоятельства, при которых соответствующие записи могут или должны быть удалены из протокола или уничтожены кассеты.

Степень сложности законов об отслеживании зависит от степени вмешательства в право на неприкосновенность частной жизни в конкретных обстоятельствах

Во-первых, Европейский суд по правам человека в деле «Беков против России», которое касалось использования беспроводных передающих устройств для записи конфиденциальных разговоров указал, что степень точности, требуемая законом, зависит, в частности, от конкретного субъекта дела. В силу характера и масштабов вторжения в запись разговора, которое «де-факто идентично» с прослушиванием, должны применяться одинаковые принципы, используемые в делах о прослушивании.

Во-вторых, поскольку дело касалось слежения встречи и консультации адвокатов в полиции, Европейский суд по правам человека считал, что оно было аналогично перехвату телефонных переговоров между адвокатами с их сторонами. Европейский суд по правам человека признал, что статья 8 Европейской конвенции по правам человека, которая защищает конфиденциальность общения между сторонами, должна обеспечивать «усиленную защиту» общения между адвокатами и их сто-

ронами, поскольку адвокаты не могут защищать своих клиентов, если они не могут гарантировать конфиденциальность общения. Поэтому Европейский суд по правам человека постановил, что слежение консультации адвоката представляет собой чрезвычайно высокий уровень вторжения в жизнь и переписку человека. При таких случаях должны быть приняты соответствующие и эквивалентные меры защиты, чтобы защищать человека от нарушения прав, закрепленных в ст. 8 Европейской конвенции по правам человека. Сомнительно, что слежение при перехвате переписки совместимо с этими принципами.

Исполнение решения и оценка дела

Исполнение решения

Возвращаясь к анализу первоначально рассматриваемого дела, отметим, что ни правительство Великобритании, ни Р.Е., не подали апелляцию в течение трехмесячного периода обжалования и решение вступило в силу с 27 января 2016 года. При этом правительство Великобритании выплатило 1500 евро в качестве компенсации морального вреда и 15000 евро в качестве судебных расходов, что в общей сложности составило 16500 евро. После этого Европейским судом по правам человека не было рассмотрено ни одного дела по жалобам на слежение за консультацией с адвокатами из Великобритании [3].

С введением в действие Положения о процедурах работы полиции в Северной Ирландии, которое вступило в силу 22 июня 2010 года, Великобритания осознала проблему и постепенно совершенствует закон о скрытом слежении, устанавливает процедуры безопасного обращения, хранения и уничтожения материалов, полученных в результате скрытого слежения. После вынесения решение по этому делу, полиция Северной Ирландии, извлекая опыт из данного дела и совершенствуя систему, 19 января 2017 года опубликовала «Брошюру по обзору услуг по тайному слежению за юридическими консультациями», состоящую из восьми глав по восемь страниц, в том числе введения, цели, конкретных помещений, определений, юридически конфиденциальных материалов, сохранения и уничтожения материалов, обращения с юридически конфиденциальными материалами и роль прокуратуры. Отмечалось, что целенаправленное слежение за беседами и консультациями между адвокатом и стороной должно рассматриваться как вторжение и регулироваться частью 2 «Закона о регулировании полномочий по проведению расследований». Можно сделать вывод о том, что когда полиция Северной Ирландии проводит скрытое слежение за консультациями адвоката со стороной в соответствии с Руководством по скрытому слежению за юридическими консультациями, это соответствует ст. 8 Европейской конвенции по правам человека.

Оценка дела

Европейский суд по правам человека рассматривает индивидуальные жалобы граждан государств-

участников Европейской конвенции по правам человека и в рамках отдельных решений не только рассматривает конкретные правоприменительные акты и судебные решения, но и, исходя из общих принципов верховенства права, проверяет соответствие отечественному законодательству, особенно положениям, ограничивающим основные права граждан, требованиям Европейской конвенции по правам человека, представляя собой всесторонний судебный обзор, в ходе которого рассматриваются все аспекты, раскрываемые в отдельных делах и связанные с правонарушением человека. Данный европейский механизм гарантий прав человека, с одной стороны, продвинул верховенство закона на континенте, а с другой – внес институциональный вклад в укрепление гарантий прав человека на международном уровне. Как и в деле R.E., Европейский суд по правам человека оценил положения части 1 Закона Великобритании о регулировании следственных полномочий 2000 г. о перехвате переписки и части 2 о тайном слежении, хотя первое представляет более детализированным, чем второе, важность доступа адвоката к задержанной стороне и степень вторжения в частную жизнь человека. Тайное слежение за допросами должно, по крайней мере, применяться к перехвату сообщений, которое определяется подробно, а не к техническому определению, согласно которому, определяется степень вмешательства в право на частную жизнь, а перехват переписки или тайное слежение представляется неважным.

Дело R.E. демонстрирует, что право адвоката на общение с задержанной стороной дела не является абсолютным и может контролироваться конфиденциально на основании отечественного законодательства, что соответствует принципам верховенства права и предсказуемости правовых последствий. В ряде случаев, право основано на существовании внутреннего закона о скрытом слежении в соответствии с принципом верховенства закона, т.е. условия скрытого слежения по этому закону должны соответствовать принципам необходимости, пропорциональности и быть достаточными для предотвращения вторжения, а правовые последствия являются предсказуемыми, т.е. правовые положения закона (даже если это внутренние полицейские кодексы практики) открыты и доступны для общественности, особенно для потенциальных объектов слежения.

Опыты из Европы для Китая

Китай прошел путь от строгого законодательного регулирования до постепенного смягчения правил, регулирующих слежение встречи между адвокатами и их сторонами, находящимися под стражей.

Статья 37.4 Уголовно-процессуального закона КНР 2012 г. предусматривает, что адвокаты не должны подвергаться слежению при встрече с подозреваемыми и обвиняемыми по уголовным делам, в том числе не должны подвергаться электронному, искусственному слежению или присут-

ствию сотрудника. На практике, по требованиям безопасности, в помещении встречи и комнатах для допросов в местах лишения свободы обычно устанавливается электронное оборудование для слежения, которое можно только снимать на видео, но не записывать разговоры, что формируют практику слежения без прослушивания в Китае, которые являются более продвинутыми, чем положение о слежении и прослушивании при определенных обстоятельствах в Великобритании [2].

История развития уголовно-процессуальной системы представляет собой историю непрерывного расширения прав обвиняемого на защиту. Если говорить о том, что органы, ведущие дело, сделали все возможное, чтобы ограничить встречу адвоката со стороной, исходя из понимания того, что встреча адвоката влияет на ход расследования полицией, то необходимо глубоко проанализировать решение Европейского суда по правам человека по делу R.E.

Проведя сравнительный анализ соответствующего законодательства Великобритании, следует рассмотреть ряд аспектов законодательства КНР и правоприменения и улучшить эти процедуры. Один из них заключается в переосмыслении правила «слежение без прослушивания».

Во-вторых, правила, ограничивающие встречи адвокатов с задержанными, должны соответствовать принципу верховенства права, быть максимально подробными и открытыми. Встреча адвоката со стороной, находящейся под стражей, в принципе не должна быть ограничена из-за лишения личной свободы. Даже если она была ограничена, это должно быть сделано по юридически четко определенной и разумной причине и в соответствии со строгими юридическими процедурами. Поэтому, для контроля за адвокатами и задержанными необходимо усовершенствовать законодательство, чтобы сделать компетенции органа максимально четкой и действенной.

И, наконец, в-третьих, можно следить за содержанием переписки. В отличие от содержания встречи между адвокатами и их клиентами, письма, написанные задержанными и их содержание, часто проверяются центрами содержания под стражей и подразделениями по расследованию дел по причине следственной необходимости.

Таким образом, рассмотренный вопрос все равно является дискуссионным, однако опыт КНР в данном аспекте представляется наиболее продвинутым.

Литература

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 20. – С. 2143.
2. Борченко, В.А. Проблемные вопросы обеспечения адвокатской тайны в уголовном судопроизводстве / В.А. Борченко // Вестник Са-

марского государственного университета. – 2014. – № 11–2 (122). – С. 95–100.

3. Шатохин, И.Д. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности: монография. – Барнаул: Изд-во Барнаульского юридического института, 2020. – 208 с.
4. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 октября 2015 года. Дело «R.E. против Соединенного Королевства». Жалоба № 62498/11 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека (Российское издание). № 2/2016.
5. Решении Европейского Суда по правам человека от 29 июня 2006 года по делу «Вебер и Саравия (Weber and Saravia) против Германии (жалоба N54934/00) [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=274367#LqKdf-WTRoT99UVb> (дата обращения: 23.02.2023).

THE POSITION OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS ON THE ISSUE OF SURVEILLANCE OF MEETINGS OF THE PARTIES TO THE CASE AND LAWYERS: GENERALIZATION OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Wei Qian

Southwestern University of Political Science and Law

For the effective exercise of the right to defense, it is necessary, first of all, to guarantee the confidentiality of legal advice provided by lawyers to the parties to the case, especially private conver-

sations of lawyers with detained suspects and criminal defendants during their meetings. In contrast, surreptitious monitoring of lawyers' meetings with detainees through eavesdropping, surveillance and the presence of police officers is an overt or semi-overt police practice in various countries, such as the UK. In this article, based on the example of a five-year and legally controversial case "R.E. v. Great Britain" provides an in-depth analysis of the main views of the European Court of Human Rights on the secret surveillance of meetings between lawyers and detainees in the premises of a detention facility, and also describes the practice of «surveillance without eavesdropping» on meetings between lawyers and detainees in China. «The case of R.E. v. Great Britain» gives an idea of the main views of the European Court of Human Rights on secret monitoring of meetings between lawyers and detainees.

Keywords: Attorney's Meeting, Client, Surveillance.

References

1. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded in Rome on November 4, 1950) (as amended on June 24, 2013) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1998. – No. 20. – P. 2143.
2. Borchenko, V.A. Problematic issues of ensuring lawyer secrecy in criminal proceedings / V.A. Borchenko // Bulletin of the Samara State University. – 2014. – No. 11–2 (122). – P. 95–100.
3. Shatokhin, I.D. The principle of respect and observance of the rights and freedoms of man and citizen in the operational-search activity: monograph. – Barnaul: Publishing House of the Barnaul Law Institute, 2020. – 208 p.
4. Judgment of the European Court of Human Rights of October 27, 2015. The case of R.E. against the United Kingdom". Complaint No. 62498/11 // Bulletin of the European Court of Human Rights (Russian edition). No. 2/2016.
5. Decision of the European Court of Human Rights of June 29, 2006 in the case of Weber and Saravia v. Germany (complaint N54934/00) [Electronic resource] URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=274367#LqKdf-WTRoT99UVb> (accessed 02/23/2023).

Эволюция правовой модели противодействия семейному насилию в России до 1917 года

Краснов Александр Валерьевич,

аспирант, Московский финансово-юридический университет (МФЮА)

E-mail: alex.mos409@gmail.com

В статье осуществлена историко-правовая реконструкция эволюции мер правового противодействия семейно-бытовому насилию на дореволюционном этапе развития российского государства. На основании ключевых памятников древнерусского, средневекового и имперского законодательства рассмотрены обстоятельства формирования отраслевых мер правового воздействия на сферу внутрисемейных отношений. На протяжении длительного периода истории российского государства доминировало представление о праве главы семейства на осуществление наказания членов семьи, что часто служило основанием для внутрисемейного произвола и насилия. В статье продемонстрировано, что государство стремилось дистанцироваться от внутрисемейных вопросов, не посягая на власть мужа. Выход за границы внутрисемейного регулирования происходил, как правило, в исключительных случаях семейно-бытового насилия, предававшихся публичной огласке. В этом случае ответственность субъекта домашнего насилия осуществлялась на общих началах юридической ответственности, устанавливаемой за различные деликты, связанные с причинением вреда здоровью, увечьем или даже убийством. Отмечается значение отдельных социальных факторов, ограничивающих вмешательство государства в рассматриваемую сферу. Выделены основные обстоятельства социального и правового характера, препятствующие развитию полноценной системы административной профилактики семейно-бытового насилия в дореволюционный период.

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие, административно-профилактическое воздействие, полицейская служба, сдерживание.

На протяжении преобладающей части истории российского государства различные проявления семейно-бытового насилия на частном уровне редко становились предметом внимания со стороны государства по целому ряду причин. Дореволюционный период российской истории является самым продолжительным этапом эволюции государственной формы существования населения на территории современной России, охватывающим события с момента возникновения древнерусского государства и формирования архаичного правопорядка до революционных событий 1917 года, которыми пресеклась история монархической государственности. Одной из отличительных черт архаичных правопорядков является отсутствие отраслевой дифференциации правового регулирования, а также слабая развитость инструментария правового воздействия на регулируемые общественные отношения. С одной стороны, это не позволяет проследить обособление мер административно-профилактического воздействия на проявления семейно-бытового насилия, отграничивая их от смежных инструментов правового сдерживания. С другой стороны, заметное смещение «центра тяжести» системы правового регулирования в архаичных правопорядках в сторону публичных отношений часто оставляло за пределами внимания семейно-бытовую сферу, в которой доминировали нормы обычного права и религии.

Ограниченность инструментария правового воздействия, применяемого для пресечения девиантного поведения личности, обуславливала доминирование правового запрета как основного средства профилактического воздействия. Публично провозглашенное в древнерусском государстве наказание за те или иные виды деликтов выступало фактором правового сдерживания антисоциального поведения личности, направленным на «ограничение собственных, утилитарных интересов субъекта и одновременно на удовлетворение общественных интересов» [3, с. 17].

Древнейший период истории русской государственности не знал развитого института публичной администрации, необходимость функционирования которой требовала надлежащего административно-правового оформления деятельности. Разветвленный аппарат публичного администрирования выступает важнейшим фактором обособления административного права в качестве автономной отрасли законодательства, содержание которой образуют разнообразные по своему функционалу инструменты регулирующего воздействия на общественные отношения. В связи

с данным обстоятельством вплоть до эпохи петровских преобразований в истории российского права не принято выделять обособленный инструментарий административно-профилактического воздействия. Вместо этого в древнерусском правопорядке присутствовала достаточно синкретичная система регуляции внутрисемейных отношений, в которой нормы обычного и религиозного права сочетались с исключительно ограниченным объемом вмешательства государства в семейно-бытовую сферу.

Архаичный правопорядок древнерусского государства опирался в своей основе на типичные для патриархального уклада общественных отношений традиции и нормы, устанавливающие определенное распределение внутрисемейных ролей и правила поведения отдельных членов семьи. Сфера семейно-бытовых отношений в данный период пользовалась почти беспрекословным церковным покровительством, а разрешение внутрисемейных конфликтов осуществлялось либо посредством применения власти главы семейства, либо посредством вовлечения представителей духовенства, применяющего меры церковно-религиозного дисциплинирования личностного поведения. Участие церкви как основного социального института в урегулировании внутрисемейных конфликтов прямо предусматривалось древнейшими памятниками истории русского права, в частности Уставом князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных [6] (конец X–XII вв., Оленинская редакция). Данный документ относил вопросы разрешения отдельных дел о семейно-бытовых спорах к юрисдикции митрополита и подчиненных ему церковных людей.

Несколько позже происходит более обстоятельное разграничение власти князя и митрополита в разрешении отдельных случаев семейно-бытового характера. В Уставе князя Ярослава Владимировича о церковных судах (XI–XIII вв., Пространная редакция) [7] отдельные категории внутрисемейных конфликтов предполагают применение светского наказания, дополняемого уплатой штрафа в пользу митрополита. Ответственность была установлена, в частности, за принудительную женитьбу или выдачу замуж юноши или девушки, но только в том случае, если он или она предполагали что-либо «учинить над собою» (ст. 29). Хотя данная норма фактически предполагала наказание для случаев самоубийства ли попытки самоубийства юноши или девушки, тем не менее древнерусское право уже явным образом осознавало недопустимость принуждения к вступлению в брак и роль психологического воздействия на личность человека, способного довести его до суицида. Предполагалось существование санкций за избивание женой своего мужа в форме штрафа, который, вероятно, уплачивался самим мужем как главой семьи в пользу митрополита (ст. 40). Также была предусмотрена ответственность сыновей за избивание своих родителей (ст. 43). Светское наказание было предметом дискреции княжеской власти,

а церковное наказание предполагало помещение правонарушителя в монастырь.

Распределение власти в древнерусском государстве не только предполагало разграничение юрисдикции светского и церковного управления, но и рассматривало сферу семейно-бытовых отношений как область осуществления власти мужа как главы патриархального семейства. Представление о суверенитете власти мужа дополнялось также суверенитетом родительской власти, если речь заходила о необходимости воздействия на поведение детей. До того предела, пока власть мужа или родителей не посягала на полномочия церкви или государства, публичная власть не видела необходимости вмешиваться во внутрисемейные вопросы.

Отсутствие отраслевой дифференциации правового воздействия в древнерусском государстве сводил весь объем инструментов правового сдерживания к установлению запретов уголовно-правового характера, предполагавших наказание за их нарушение. В результате древнейшие памятники истории русского права не содержат четкого различия уголовно-правовых и административно-правовых деликтов в семейно-бытовых отношениях.

Формирование первых кодифицированных актов русского законодательства в средневековый период не привнесло существенных изменений в вопросы административно-профилактического противодействия семейно-бытовому насилию. Наряду с общей недифференцированностью мер правового сдерживания первые кодифицированные акты игнорировали проблему внутрисемейного насилия, ограничивая объем регулирующего воздействия на данную область общими запретами увечья и причинения вреда здоровью. Лишь в тексте Соборного уложения 1649 года [4] можно обнаружить нормы о насилии детей в отношении родителей, а также об оскорблении родителей, что можно рассматривать как форму психологического насилия внутри семьи (ст. 4 гл. XXII). Учитывая относительно щадящий объем наказания за оскорбление родителей в виде ударов кнутом, данный запрет можно рассматривать как прообраз меры административно-профилактического воздействия на проявление семейно-бытового насилия. Родители не только не привлекались к ответственности «за физическое или психическое насилие против детей, но и обладали правом наказания их розгами» [2, с. 137].

Как уже указывалось выше, автономизация административного права как самостоятельной отрасли правового регулирования происходит в эпоху петровских преобразований, послуживших фактором формирования разветвленной бюрократической системы публичного управления, в основу «которой был заложен отраслевой принцип и разграничение компетенций» [9, с. 67].

К этому же периоду восходит и создание административной юстиции как самостоятельной формы разрешения возникающих правовых конфлик-

тов. К 1718–1721 годам восходит история возникновения института полицмейстерства и первых попыток организации полицейской службы как органа правопорядка. Существование полицейской службы предполагало необходимость наделения ее кругом публично-властных полномочий в области административно-профилактического воздействия на противоправное поведение личности. Эволюция института полицейского надзора стала важным фактором формирования общественного представления о фигуре полицейского как публичного представителя государства, уполномоченного разрешать конфликты между гражданами. Хотя урегулирование конфликтов внутри семьи всё еще прямо не предусматривалось законодательством, на штатных сотрудников полицейской службы часто возлагалась и данная обязанность при поддержании общественного порядка и спокойствия на определенном административном участке.

Как важнейший этап развития законодательства об административно-профилактическом воздействии на общественные отношения необходимо выделить разработку и принятие Устава о предупреждении и пресечении преступлений 1832 года [8] (далее – Устав 1832 года). Указанный нормативно-правовой акт оформил разветвленную систему должностных лиц публичного управления, ответственных за поддержание общественного порядка и спокойствия, а также пресечение противоправного поведения. Устав 1832 года представлял собой кодекс, регулирующий административные правонарушения, так как «нормы, содержащиеся в этом нормативном акте, в современном понимании представляли собой административно-правовые нормы» [10, с. 76].

Хотя данный документ ввёл запрет на вмешательство должностных лиц в частную сферу отношений между супругами, он осуществил деликтацию личной обиды между родственниками, а также оскорбительных действий в отношении родителей и иных родственников по прямой восходящей линии. Лишение присвоенных прав и ссылка в Сибирь за данные противоправные деяния выступали явным примером административного наказания. Среди прочих инструментов административно-профилактического воздействия полиция наделялась отдельными полномочиями по пресечению противоправного поведения, в том числе учет неблагонадежных лиц и увещательные беседы. При этом сфера семейно-бытовых отношений не предполагала наличие специальных инструментов административной профилактики.

Отраслевая дифференциация юридической ответственности личности за противоправные посягательства на отдельные сферы общественных отношений наиболее явным образом прослеживается в тексте Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [5] (далее – Уложение 1845 года). Структура данного нормативно-правового акта прямо разграничивала преступления и проступки. Проступки рассматривались как злоупотребление правом, что позволяет терминологически

логически различить предусмотренные данным документом уголовно-правовые и административно-правовые запреты.

Уложение 1845 года предусматривало злоупотребление супружескими правами. Содержание административно-правовых запретов составляли нормы о жестоком обращении с супругой (статья 2075), а также о причинении увечья супругу со стороны жены (статья 2076). Вводились административно-правовые запреты в отношении случаев злоупотребления родительской властью, которые предполагали деликтацию принуждения к вступлению в брак или пострижение в монашество (статья 2078), а также моральное развращение детей (статья 2080). Жестокое обращение с детьми прямо не наказывалось, однако существовала возможность внушения в судебном порядке за закрытыми дверями [1, с. 262]. Это стало достаточно важным шагом на пути эволюции инструментария административной профилактики семейно-бытового насилия. Иные случаи проявления семейно-бытового насилия рассматривались имперским законодателем как преступления, что выводило их за границы административно-правового регулирования.

Последующее развитие административного законодательства Российской империи не привнесло существенных изменений в инструментарий административно-профилактического противодействия семейно-бытовому насилию. В силу данного обстоятельства органы публичного управления вплоть до революционных событий 1917 года руководствовались общими правилами пресечения противоправного поведения, посягающего на общественный порядок и спокойствие, установленные нормами Устава 1832 года. На сотрудников полицейской службы Российской империи часто неформально возлагались обязанности по пресечению наиболее явных форм насилия в быту. В условиях дефицита мер административно-профилактического противодействия сотрудники полиции прибегали к беседам и увещаниям как основным формам воздействия на поведение субъектов семейно-бытового насилия. В исключительных случаях, когда поведение субъекта семейно-бытового насилия сопрягалось с совершением иных административных или уголовных деликтов, данные дела могли становиться предметом отдельного рассмотрения в органах публичной администрации. «Неурядицы» в семьях дворянского происхождения, как правило, рассматривались в исключительном порядке III Отделением императорской канцелярии.

Можно сделать вывод, что эволюция административного законодательства России о профилактике семейно-бытового насилия в дореволюционный период подчиняло нескольким ключевым факторам. Во-первых, это явное доминирование обычаев патриархального уклада общественного строя, предоставлявших значительный объем власти мужу как главе семьи и ограничивающих стремление государства вмешиваться в семейно-бытовые кон-

фликты. Во-вторых, необходимо констатировать отсутствие дифференциации отраслевого регулирования на протяжении преобладающей части дореволюционного этапа развития российского государства, что обуславливало слабую развитость инструментов административно-правового воздействия на общественные отношения. Наконец, относительно недавнее по историческим меркам обособление административного права как самостоятельной отрасли системы законодательства Российской империи и доминирование административно-правовых запретов как основной формы регулирования общественных отношений привели к дефициту мер административной профилактики насилия в быту. Неблагоприятная констелляция способствовала недостаточной развитости аппарата мер административно-профилактического противодействия семейно-бытовому насилию на протяжении всего дореволюционного периода истории российского государства.

Литература

1. Гарцева Ю.Ю. Ответственность членов семьи за ненадлежащее выполнение обязанностей и злоупотребление правом в Российской империи в XVIII – начале XX века // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2 (34). – С. 260–265.
2. Дидрих М.П. Охрана несовершеннолетних от насилия в семье в истории русского уголовного права // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2015. – № 2 (5). – С. 136–142.
3. Тиганов А.И., Ларина О.Г. Принцип правового сдерживания как базовая ценность правовой культуры в России // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2011. – № 6–1 (39). – С. 13–17.
4. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. Учебное пособие для высшей школы. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1961. – 444с.
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X–XX веков. – Том 6. – М., 1988. – С. 174.
6. Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных // Российское законодательство X–XX веков. – Т. 1. – М., 1984. – С. 139–140.
7. Устав князя Ярослава Владимировича о церковных судах // Российское законодательство X–XX веков. – Т. 1. – М., 1984. – С. 140–141.
8. Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Полный свод законов Российской империи. – Т. 6. – № 4047. – СПб., 1830. – С. 426–436.
9. Хохлова А.А. Становление бюрократии в петровское время // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2006. – № 5 (34). – С. 65–68.

10. Яковлева М.А., Марченко Е.М. Исторические предпосылки правового регулирования профилактики преступлений, реализуемой органами внутренних дел России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 2 (86). – С. 72–81.

EVOLUTION OF THE LEGAL MODEL OF COUNTERING FAMILY VIOLENCE IN RUSSIA BEFORE 1917

Krasnov A.V.

Moscow University of Finance and Law

The article provides a historical and legal reconstruction of the evolution of measures of legal counteraction to domestic violence at the pre-revolutionary stage of the development of the Russian state. On the basis of the key monuments of ancient, medieval and imperial legislation, the circumstances of the formation of sectoral measures of legal influence on the sphere of intra-family relations are considered. For a long period of the history of the Russian state, the idea of the right of the head of the family to punish family members has dominated, which often served as the basis for intra-family arbitrariness and violence. The article demonstrates that the state sought to distance itself from intra-family issues without encroaching on the power of the husband. Going beyond the boundaries of intra-family regulation occurred, as a rule, in exceptional cases of domestic violence, which were publicly disclosed. In this case, the responsibility of the subject of domestic violence was carried out on the general principles of legal responsibility, established for various torts related to causing harm to health, injury or even murder. The importance of certain social factors limiting state intervention in the sphere under consideration is noted. The main social and legal circumstances hindering the development of a full-fledged system of administrative prevention of domestic violence in the pre-revolutionary period are highlighted.

Keywords: family and domestic violence, administrative and preventive impact, police service, deterrence.

Reference

1. Gartseva Yu. Yu. Responsibility of family members for improper performance of duties and abuse of law in the Russian Empire in the XVIII – early XX century // Legal Science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – № 2 (34). – Pp. 260–265.
2. Diedrich M.P. Protection of minors from domestic violence in the history of Russian criminal law // Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2015. – № 2 (5). – Pp. 136–142.
3. Tiganov A.I., Larina O.G. The principle of legal restraint as the basic value of legal culture in Russia // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 6–1 (39). – Pp. 13–17.
4. Tikhomirov M.N., Epifanov P.P. The Cathedral Code of 1649. Textbook for higher school. – М.: Publishing House of the Moscow University, 1961. – 444s.
5. The Code of Criminal and correctional punishments of 1845 // Russian legislation of the X–XX centuries. – Volume 6. – М., 1988. – p. 174.
6. Charter of Prince Vladimir Svyatoslavich on tithes, courts and church people // Russian legislation of the X–XX centuries. – Vol. 1. – М., 1984. – pp. 139–140.
7. Charter of Prince Yaroslav Vladimirovich on church courts // Russian legislation of the X–XX centuries. – Vol. 1. – М., 1984. – pp. 140–141.
8. The Charter on the prevention and suppression of crimes // The Complete code of Laws of the Russian Empire. – Vol. 6. – No. 4047. – St. Petersburg, 1830. – pp. 426–436.
9. Khokhlova A.A. The formation of bureaucracy in Peter's time // Bulletin of the Astrakhan State Technical University. – 2006. – № 5 (34). – Pp. 65–68.
10. Yakovleva M.A., Marchenko E.M. Historical prerequisites for the legal regulation of crime prevention implemented by the internal affairs bodies of Russia // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 2 (86). – Pp. 72–81.

Из истории становления и развития института высшего государственного аудита в России

Пономаренко Кирилл Сергеевич,

преподаватель кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: p.kirill333@mail.ru

Научная статья посвящена исследованию истории становления и развития высшего органа внешнего государственного аудита в России, изучение которой подтверждает, что органы государственного финансового контроля от Великого князя Древней Руси до председателя Счетной палаты РФ, несмотря на давление различных объективных обстоятельств, развивались и совершенствовались. При этом, на каждом этапе исторического развития, целью органов государственного финансового контроля являлось развитие российского общества и благополучие жизни человека, на основании обеспечения ими справедливого и ответственного государственного управления. Поэтому актуальность исследования обоснована активной позицией Счетной палаты РФ в содействии развитию системы государственного управления для реализации национальных целей и задач стратегического развития, а также в проведении ею просветительской работы. Новизна исследования заключается в утверждении деятельности Счетной палаты РФ в обеспечении гражданам конституционного права – управления делами государства, посредством рассмотрения ею как индивидуальных, так и коллективных предложений, заявлений, жалоб граждан и организаций по результатам их наблюдений за деятельностью органов власти и организаций, финансируемых из государственного бюджета.

Ключевые слова: аудит; финансовый контроль; казна; финансовая дисциплина; государственный контроль; государственное управление; федеральный бюджет; Счетная палата.

В современной России высшим органом внешнего государственного аудита (контроля) является её Счетная палата, которая для реализации национальных целей и задач стратегического развития, способствует развитию всей системы государственного управления.

Что подтверждается целями, задачами, приоритетными направлениями развития для решения поставленных задач, общесистемными направлениями развития Счетной палаты, определенными Стратегией развития Счетной палаты Российской Федерации на 2018–2024 годы.

На наш взгляд, пока еще нет достаточных знаний у многих граждан нашей страны о Счетной палате РФ, о том, чем она занимается, какова её история, хотя с 2020 года об этом ведется активная просветительская работа.

Поэтому считаем актуальным исследовать историю становления и развития высшего органа внешнего государственного аудита в России.

Целью научной статьи является освещение миссии органов финансового контроля от Великого князя древней Руси до Счетной палаты РФ – формирование условий устойчивого развития российского общества, установление в нем справедливости и достойной жизни человека посредством устранения не целевого и не эффективного использования государственных ресурсов, содействия организации ответственного государственного управления.

Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства является их конституционным правом [1], реализации которого в определенной степени содействует Счетная палата РФ, в результате осуществления ею, на основе Федерального закона от 05.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О Счетной палате Российской Федерации» [2], внешнего государственного аудита (контроля).

Счетная палата РФ своей деятельностью, результатами проверок финансовой дисциплины добивается персональной ответственности перед обществом должностных лиц ведомств, государственных организаций и компаний, финансируемых из государственного бюджета за не целевое использование бюджетных средств.

Счетная палата РФ не на словах, а на деле становится эффективным критиком пороков и недостатков органов власти, ориентируясь в своей деятельности на обращения рядовых граждан, которые тщательно анализируются.

Так, например, по результатам двух экспертно-аналитических и контрольных мероприятий, про-

веденных в 2020–2021 годах, учтены обращения граждан по вопросам не рационального управления федеральным имуществом, и направлены 22 рекомендации в адрес Правительства Российской Федерации и Минфина России. В настоящее время 12 рекомендаций являются предметом мониторинга Счетной палаты и находятся в процессе выполнения, а 10 рекомендаций, по состоянию на 31 декабря 2022 года, выполнены [15].

Ежегодно в Счетную палату РФ от граждан поступают тысячи обращений о фактах коррупции, а также с просьбой проверки подозрений в нецелевом использовании бюджетных средств и с просьбой проинформировать, как расходуются бюджетные средства при строительстве, например, каких-либо объектов здравоохранения, или образования. Реагируя на обращения граждан, Счетная палата РФ информирует их – на деньги какого бюджета запланировано строительство объекта. Если при проверке выясняется, что объект должен быть построен не на деньги федерального бюджета, а за счет местного бюджета, тогда Счетная палата РФ пересылает обращение граждан в счетную палату соответствующего субъекта РФ.

Аудиты счетных палат субъектов РФ, также как и внешний государственный аудит (контроль) Счетной палаты РФ, касаются всех юридических лиц, получающих финансы из соответствующего бюджета.

И если в какой-либо организации в результате аудита (контроля) выявляются нарушения требований финансовой дисциплины, счетные палаты выносят руководителям этих организаций предписания по устранению выявленных нарушений, которые в установленные сроки должны быть устранены. В противном случае материалы аудита передаются в правоохранительные органы для привлечения виновных в нарушении финансовой дисциплины к уголовной ответственности.

Таким образом, Счетная палата Российской Федерации и счетные палаты ее субъектов способствуют обеспечению гражданам конституционного права – управления делами государства.

На аудит счетных палат, руководители проверяемых организаций не могут оказывать какое-либо негативное давление, чем и подтверждается независимость аудита счетных палат – основной принцип их работы, установленный законами.

Именно независимая проверка финансовой отчетности и деятельности аудируемого лица в целях выражения мнения о достоверности такой отчетности и о соблюдении требований финансовой дисциплины признается Федеральным законом от 30.12.2008 № 307-ФЗ (ред. от 16.04.2022) «Об аудиторской деятельности» аудитом [3].

То есть, согласно этого закона аудит заказывают тогда, когда, например, нужно проверить финансовую отчетность какой-либо компании с целью выявления злоупотреблений, махинаций. И специалисты из аудиторской фирмы проводят аудит.

По сути, Счетная палата РФ, занимается тем же, только осуществляет аудит федерального бюджета,

та, органов власти, государственных учреждений и даже коммерческих компаний, если они профинансированы из федерального бюджета.

Положительные результаты аудита Счетной палаты РФ, полученные с участием граждан, о чем свидетельствуют многочисленные факты [15], подтверждают, что внешний государственный аудит (контроль) в лице его высшего органа – Счетной палаты РФ, по праву является гарантом обеспечения конституционного права граждан – управления делами государства.

Таким образом, обосновав статус Счетной палаты РФ, как гаранта обеспечения конституционного права граждан на управление делами государства, считаем необходимым изучить предысторию становления и развития института высшего государственного аудита в России, которая, по нашему мнению, начинается с Русской Правды времен X–XI веков.

Итак, из истории известно, что в Древней Руси первым нормативно-правовым документом являлась Русская Правда и согласно ее норм финансовый (денежный) контроль закреплялся за князем, как высшим должностным лицом, с целью обеспечения между общинами и государством справедливого баланса [4, ст. 35,36,37].

В одном из разделов Русской Правды, который включал в себя Устав правящего князя Владимира Всеволодовича Мономаха (1113–1125 г.г.) содержались нормы, придавшие финансовому контролю упорядоченный и более строгий характер, ослабляющие влияние ростовщиков на низшие сословия [5].

Изучение истории древнерусского государства в период 1016–1478 годов свидетельствует об опыте функционирования Новгородского демократического государства в форме самоуправления, основанного на принципе народовластия, в виде вече. В этот период именно Новгородское вече осуществляло руководство финансами и устанавливало над ними полный финансовый контроль [6].

Во времена построения Московского государства финансовый контроль до 1497 года возлагался на Ивана III (1462–1506) – Великого князя, который и был фактическим создателем этого государства [7].

Такая централизация власти постепенно привела к необходимости формирования, как местных, так и правительственных органов управления, получивших название «приказы», юридически оформленные Судебником 1497 года, которые в той или иной мере осуществляли финансовый контроль.

Сложившаяся система учреждений в виде приказов нуждалась в едином общегосударственном финансовом органе и таким органом становится казна, которая вела не только финансовые дела (сбор налогов, финансовый контроль), но и была хранителем архива, печати, драгоценностей, денег.

С конца 15 века стал действовать первый орган государственного финансового контроля Боль-

шая казна. Один из создателей юридической науки в России, известный русский юрист-правовед Неволин К.А. в своих исследованиях [8] относит учреждение Приказа Большой казны ко времени Ивана III (1462–1506), хотя достоверно известно его существование только в царствование первого царя всея Руси Ивана Грозного (1533–1584 г.г.) [10].

Во время правления русским государством Романовым Алексеем Михайловичем (1645 по 1676 г.г.) был издан Указ от 10.03.1656 г. об учреждении Приказа Счета Большой казны (Счетный приказ) с целью организации системы финансового контроля и определения полномочий бояр, ведавших Счетным приказом [9].

Счетный приказ, просуществовавший более 50 лет до 1717 года, не только вел учет доходов и расходов государства, но и осуществлял финансовый контроль, проверяя отчеты местных финансовых органов. Результаты исследования деятельности Счетного приказа позволяют нам считать его в какой-то степени родоначальником Счетной палаты РФ.

В 1717 году в ходе реформ Петра I Счетный приказ был заменён Штатс-контор-коллегией – органом центрального управления государственными финансами России.

В результате реформы государственного управления, проведенной императрицей и Самодержицей Всероссийской Екатериной II (1762–1796), Штатс-контор-коллегия была упразднена в 1780 году, а функции её подразделений были переданы новым органам центрального управления – казначействам учрежденным в Петербурге и Москве, а также губернским учреждениям – губернским казенным палатам и уездным казначействам [10].

Однако следует отметить, что проведенная реформа государственного управления в XVIII веке не привела к независимости указанных финансовых контрольных органов, что отрицательно сказывалось на эффективности их деятельности [11].

Реформа государственного управления и государственного финансового контроля была продолжена в начале XIX века императором Александром I (1777–1825 г.г.), её возглавил Сперанский М.М. (1772–1839 г.г.), известный в истории России как выдающийся государственный деятель, законодатель и реформатор.

В основу реформы был положен «План финансов» разработанный Сперанским М.М. на 1810 год, по которому обозначались три органа управления государственными доходами и расходами:

- финансовый, определяющий все источники государственных доходов;
- казначейский, контролирующий движение сумм поступивших доходов и сумм расходов;
- контрольно-ревизионный, возглавляющийся Государственным Контролером – бароном Балтазаром Кампенгаузеном [12] (1772–1823 г.г.), под началом которого в 1811 году, получивший статус Главного управления ревизии государственных счетов.

На протяжении 13 лет выдающийся государственный деятель, член Государственного совета, сенатор Балтазар Кампенгаузен возглавлял Государственный контроль Российской империи как учреждение на правах министерства, осуществлявшее функции:

- в сфере прихода, расхода и хранения капиталов государственного бюджета;
- в сфере прихода, расхода и хранения капиталов бюджетов всех министерств и ведомств [12].

Аналогичные функции в современной России закреплены за Счетной палатой Российской Федерации, осуществляющей государственный контроль (аудит).

Осуществляя свои функции, учреждение государственного контроля Российской империи исторически стояло на защите экономических интересов страны, тесно соприкасаясь со всеми отраслями государственного хозяйства.

Таким образом, проведенный исторический анализ становления и развития государственного финансового контроля в России позволяет нам констатировать, что Государственный контроль Российской империи, как ведомство комитета министров империи, осуществлявшее государственный финансовый контроль, можно по праву считать прообразом современной Счетной палаты Российской Федерации.

Следует обратить особое внимание на то, что в 30-х годах XIX века из-за наступившего финансового кризиса Главное управление ревизии государственных счетов оказалось в тяжелой стагнации, которая стала причиной его преобразования 30 декабря 1836 года в Государственный контроль [10].

В годы правления Российской империей Александром II (1855–1881 г.г.) вошел в историю Татаринов В.А. (1816–1871 г.г.), как основной проводник его реформ, исполнявший должность Государственного контролера с 1864 года по 1871 год и определивший основные функции и направления деятельности Государственного контроля до революции 1917 года [13].

Государственный контроль Российской империи в 1906–1917 годах проводил ревизии финансовых оборотов в пределах предоставленных ему полномочий по установленным правилам. Однако, преследуя расточителей государственных финансов, Государственный контроль в отношении них мог провести соответствующее расследование только после получения согласия со стороны начальства ответственных за финансы лиц [10].

После февральской революции должность Государственного контролера занимали чиновники без опыта работы в органах финансового контроля, и последним из них в 1917 году стал Смирнов С.А. (1883–1956 г.г.) – российский предприниматель [13].

Декретом Совнаркома от 31 января 1918 года Государственный контроль был трансформирован в Центральную контрольную коллегия, а затем Постановлением ВЦИК от 2 мая 1918 года преобра-

зован в Народный комиссариат государственного контроля. Местными советами стали создаваться учётно-контрольные коллегии, заменившие местные контрольные палаты.

7 февраля 1920 года, то есть спустя полтора года, систему органов власти, занимавшуюся вопросами государственного контроля, возглавляет Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции, руководителем которой до 1922 года становится Сталин И.В.

Народный комиссариат государственного контроля занимал важное положение в системе органов власти, имея властное преимущество, он осуществлял наблюдение за работой народных комиссариатов и всех органов Советской власти [14].

11 февраля 1934 года Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции был преобразован в Комиссию советского контроля при СНК СССР.

Комиссия советского контроля при СНК СССР 6 сентября 1940 года была преобразована в союзно-республиканский Наркомат государственного контроля, который в 1946 году был реорганизован в одноименное Министерство.

Министерство государственного контроля 23 августа 1957 года было вновь реорганизовано в Комиссию советского контроля Совета Министров СССР. За весь период существования вплоть до 1991 года этот орган финансового контроля также претерпел немало изменений, переформленный, в конечном итоге, в Комитет народного контроля СССР.

Верховный Совет СССР упразднил Комитет народного контроля СССР, приняв 16 мая 1991 года закон «О Контрольной палате СССР» с одновременным учреждением Контрольной палаты СССР, одной из главных задач которой была оценка эффективности использования государственного бюджета.

В 1992 г. по причине прекращения существования СССР и изменения принципов государственного управления, сложилась новая экономическая ситуация, которая настоятельно требовала изменения системы государственного финансового контроля. Поэтому Контрольная палата СССР была ликвидирована наряду с другими органами государственного управления Советского государства в соответствии постановления Президиума Верховного Совета РФ от 3 февраля 1992 г. [14].

7 февраля 1992 года при Верховном Совете Российской Федерации создается Контрольно-бюджетный комитет с численностью 150 человек, контролирующих расходования государственных средств.

Контрольно-бюджетный комитет существовал 2 года, его курировали правительство, затем Государственная Дума Российской Федерации.

30 декабря 1994 г. Контрольно-бюджетный комитет был ликвидирован в связи с созданием 14 января 1995 года Счетной палаты РФ, полномочия которой регулировались Федеральным законом от 11.01.1995 № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации».

Изучая историю становления и развития системы государственного финансового контроля в советский период, следует подчеркнуть, что обязательной формой реализации контроля являлось назначение на руководящие должности органов этой системы только членов или кандидатов в члены коммунистической партии, так как воплощение в жизнь политики партии являлось основной целью финансового контроля.

В настоящее время функционал и сфера влияния Счетной палаты РФ существенно расширены действующим Федеральным законом от 05.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О Счетной палате Российской Федерации».

Данный закон определил главную функцию Счетной палаты РФ – обеспечение контрольной деятельности по исполнению федерального бюджета, с целью достижения экономической безопасности и благополучия граждан посредством совершенствования государственного аудита в России [16].

Таким образом, в процессе изучения истории становления и развития института высшего органа внешнего государственного аудита в России, можно проследить, каким образом происходило изменение функций органов финансового контроля, повышение их самостоятельности, несмотря на давление различных объективных обстоятельств и приобретение им статуса гаранта по обеспечению гражданам конституционного права – управления делами государства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.12.2022).
2. Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 41-ФЗ «О счетной палате Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 8 апреля.
3. Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ (ред. от 16.04.2022) «Об аудиторской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 05.01.2009. № 1, ст. 15.
4. Юшков С.В. Русская правда. М., 1950; 2-е изд. М.: 2009.
5. Зимин А.А. Правда русская. М.: Древлехранилище. 1999. Глава третья. Пространная Правда и реформы Владимира Мономаха. Архивная копия от 6 апреля 2019.
6. Лукин П.В. Новгородское вече / Отв. ред. В.А. Кучкин. Институт российской истории РАН. М.: Индрик. 2014. 608 с.
7. История Отечества с древнейших времен до наших дней: Энциклопедический словарь /

сост. Б.Ю. Иванов, В.М. Карев и др. М.: Большая Российская Энциклопедия. 2010.

8. История российских гражданских законов / К.А. Неволин. М.: Статут; Консультант плюс. 2005.
9. Василенко Н.П. Приказы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
10. Высшие органы государственной власти и управления России в IX–XX вв.: Справочник / Ред. А.С. Тургаев. СПб.: Издательство СЗАГС. 2000. 368 с.
11. Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб. 1906.
12. Управленческая элита Российской Империи (1802–1917). Коллектив авторов СПбГУ под ред. акад. Фурсенко А.А. СПб.: Лики России. 2008. С. 366–368.
13. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. СПб., 2002 С. 718.
14. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991 гг. Историко-биографический справочник. / Сост. В.И. Ивкин. М.: РОССПЭН. 1999.
15. Отчет о результатах контрольного мероприятия // Бюллетень Счетной палаты. 31 января. 2023. № 1 (302).
16. Стратегия развития Счетной палаты Российской Федерации на 2018–2024 годы. Утверждена Коллегией Счетной палаты Российской Федерации, протокол от 03.08. 2018 № 39К (1260) // Российская газета. 2018. 05 августа 2018.

FROM THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF HIGHER STATE AUDIT IN RUSSIA

Ponomarenko K.S.

O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

The scientific article is devoted to the study of the history of the formation and development of the supreme body of external state audit in Russia, the study of which confirms that the bodies of state financial control from the Grand Duke of Ancient Russia to the chairman of the Accounting Chamber of the Russian Federation, despite the pressure of various objective circumstances, developed and improved. At the same time, at every stage of historical development, the goal of the state financial control bodies was the development of Russian society and the well-being of human life, on the basis of ensuring fair and responsible public administration by them. Therefore, the relevance of the study is justified by the active position of the Accounts Chamber of the Russian Federation in promoting the development of the public administration system for the implementation of national goals and objectives of strategic development, as

well as in its educational work. The novelty of the study lies in the approval of the activities of the Accounts Chamber of the Russian Federation in providing citizens with constitutional law – the management of state affairs, through its consideration of both individual and collective proposals, applications, complaints of citizens and organizations based on the results of their observations of the activities of authorities and organizations funded from the state budget.

Keywords audit; financial control; treasury; financial discipline; state control; public administration; federal budget; Accounting Chamber.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7- FKZ, dated 05.02. 2014 No. 2 FKZ, dated 01.07.2020 No. 11-FKZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 01.07.2020, No. 31, Article 4398; Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of appeal: 01.12.2022).
2. Federal Law No. 41-FZ of April 5, 2013 “On the Accounts Chamber of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta. 2013. April 8.
3. Federal Law No. 307-FZ of 12/30/2008 (as amended on 04/16/2022) “On Auditing activities” // Collection of Legislation of the Russian Federation. Russian Russian Truth. M., 1950; 2nd ed. M.: 2009. 5. Zimin A.A. Russian Truth. M.: Drevlekhranishche. 05.01.2009. No. 1, art. 15.
4. Yushkov S.V. Russkaya pravda. M., 1950; 2nd ed. M.: 2009.
5. Zimin A.A. Pravda russkaya. M.: Drevlekhranishche. 1999. Chapter three. The Extensive Truth and reforms of Vladimir Monomakh. Archived copy of April 6, 2019.
6. Lukin P.V. Novgorodskoe veche / Ed. V.A. Kuchkin. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. M.: Indrik. 2014. 608 p.
7. The history of the Fatherland from ancient times to the present day: An Encyclopedic dictionary / comp. B. Yu. Ivanov, V.M. Karev et al. M.: The Great Russian Encyclopedia. 2010.
8. The history of Russian civil laws / K.A. Nevolin. M.: Statute; Consultant plus. 2005.
9. Vasilenko N.P. Orders // Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 t. (82 t. and 4 add.). St. Petersburg., 1890–1907.
10. The highest bodies of state power and administration of Russia in the IX–XX centuries.: Handbook / Ed. A.S. Turgaev. St. Petersburg.: Publishing House SZAGS. 2000. 368 p.
11. Chechulin N.D. Essays on the history of Russian finance in the reign of Catherine II. St. Petersburg. 1906.
12. The managerial elite of the Russian Empire (1802–1917). The team of authors of St. Petersburg State University ed. acad. Fursenko A.A. St. Petersburg: Faces of Russia. 2008. pp. 366–368.
13. Shilov D.N. Statesmen of the Russian Empire. St. Petersburg., 2002 p. 718.
14. State power of the USSR. The highest authorities and management and their leaders. 1923–1991 Historical and biographical directory. / Comp. V.I. Ivkin. M.: ROSSPEN. 1999.
15. Report on the results of the control event // Bulletin of the Accounting Chamber. January 31st. 2023. № 1 (302).
16. Development strategy of the Accounts Chamber of the Russian Federation for 2018–2024. Approved by the Board of the Accounts Chamber of the Russian Federation, Protocol No. 39K (1260) dated 03.08.2018 // Rossiyskaya Gazeta. 2018. 05 August 2018.

Правовые особенности реализации национальных проектов в области экологии

Иванов Александр Михайлович,

к.и.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Смоленского филиала Саратовской государственной
юридической академии
E-mail: info@smolsgua.ru

Лещинская Карина Дмитриевна,

магистрант, Смоленский филиал Саратовской
государственной юридической академии
E-mail: info@smolsgua.ru

Пузанова Дарья Алексеевна,

магистрант, Смоленский филиал Саратовской
государственной юридической академии
E-mail: info@smolsgua.ru

Федоскин Николай Николаевич,

к.п.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Смоленского филиала Саратовской государственной
юридической академии, доцент Смоленского филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при президенте Российской Федерации
E-mail: nnfedoskin@yandex.ru

В данной статье рассматривается концепция зеленой экономики, представленная в трех нормативно-правовых документах Российской Федерации. К ним относятся: План реализации Стратегии экологической безопасности России до 2025 года, Стратегия социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года и национальный проект «Экология», в рамках которых реализуется план эффективного внедрения в регионы федеральных проектов, позволяющих достигнуть устойчивого развития, не смотря на существующие проблемы, связанные с целями и стратегиями по их вводу на различной местности нашей страны. Вопреки мнению о том, что зеленая экономика просто представляет собой «зеленую настройку» существующей экономической системы, в данной статье делается вывод о том, что зеленая экономика обладает потенциалом для осуществления существенных и преобразующих изменений в направлении достижения цели развития политики в области экологии. В ходе проведенного исследования авторами были исследованы аналитические и статистические материалы, данные по федеральным проектам, их реализации на период 2019–2024 гг., в том числе до 2026 года, действующие НПА в области экологии. По мнению авторов, грамотная реализация этих проектов позволит не только внедрить современные наилучшие доступные технологии (НДТ), но и улучшить качество питьевой воды в регионах России, модернизировать системы водоснабжения, улучшить переработку, утилизацию отходов. Зеленая экономика – ключевой механизм экономических, социальных и экологических изменений, поэтому преобразования в системе функционирования данных процессов во многом повысят качество жизни россиян.

Ключевые слова: экологическое право, «зеленая экономика», национальный проект «Экология», цифровизация, мониторинг.

В мире ограниченных ресурсов и емкости экосистем преобладающая модель экономического роста, основанная на постоянно растущем потреблении ресурсов и выбросах загрязняющих веществ, больше не может поддерживаться. В этом контексте концепция «зеленой экономики» предоставила возможность изменить то, как общество управляет взаимодействием экологической и экономической областей. Чтобы дать обществу возможность строить и поддерживать зеленую экономику, были разработаны и введены в действие национальные проекты, планы, направленные на создание процессов, а именно модели, которая является наиболее экологически эффективной, а также экономически устойчивой к преобразованиям, особенно в век компьютерных технологий и цифровизации. Ожидается, что эти проекты во многом помогут и окажут влияние на широкий спектр секторов экономики, таких как производство и хранение энергии, технологии очистки каналов водоснабжения, а также строительство и смежные отрасли инфраструктуры. Это поможет в дальнейшем создать надежную, эффективную и безопасную систему, что обеспечит лучшие условия для жизни граждан России.

Для обеспечения конкурентоспособности и устойчивого экономического роста в России Правительство утвердило Стратегию социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, что связано с нарастающими проблемами глобального энергоперехода. С 2023 года в России планируется запустить систему обязательной углеродной отчетности для предприятий [1].

Пятый год в нашей стране реализуется национальный проект «Экология», который включает в себя следующие узкоспециализированные федеральные проекты: «Чистая страна», «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами», «Инфраструктура для обращения с отходами I–II классов опасности», «Чистый воздух», «Чистая вода» – часть нацпроекта «Жилье и городская среда», «Оздоровление Волги», «Сохранение озера Байкал», «Сохранение лесов», «Внедрение наилучших доступных технологий» и др. На все эти проекты, с привлечением средств федерального и местного бюджета планируется использовать свыше 4,041 трлн рублей.

Самым затратной частью выступает проект «Внедрение наилучших доступных технологий», на который фактически предусмотрено использование 60% от всей затратной части. По сути, это первый проект, средства на реализацию которого планируется освоить к концу 2024 года.

Цель проекта – процесс обновления, актуализации промышленности, приведения её в соответствие с новыми требованиями качества и техническими условиями за счет вложения и размещения капитала, а именно притока инвестиций в ее технологическое переоснащение. Подробно изучая процесс перехода российских предприятий на НДТ ученые пришли к неоднозначному и даже печальному выводу – происходит массовое пренебрежение совместным негативным влиянием предприятий на экологическую обстановку и не увеличивается показатель экологической совместимости на определенной территории. По официальным данным до конца 2022 года основными промышленными комплексами, так называемыми «загрязнителями окружающей среды» должно было быть получено минимум 300 комплексных экологических разрешений – документов, содержащих обязательные требования для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в области охраны окружающей среды, подтверждающих, что субъекты хозяйственной деятельности делают все, что возможно, чтобы минимизировать выбросы и сбросы, но на данный момент их выдано лишь 118, а в 2022 году лишь 48 [2].

В настоящее время проект заморожен из-за секвестра бюджета в кризисных условиях.

На второй проект – «Чистый воздух» предусмотрены затраты в размере 5001 39,8 млн руб. Затраты рассчитывались исходя из данных мониторинга и наблюдений за загрязнением атмосферного воздуха в наиболее проблемных промышленных городах. Многие жители промышленных центров недовольны качеством воздуха, в котором уровень загрязнения оценивается как высокий и очень высокий, в связи с этим и был разработан проект «Чистый воздух» Выбросы загрязняющих веществ различаются по регионам страны, поскольку прибрежные районы имеют относительно более длительный период безудержного экономического развития – 12 регионов. Разрабатывая федеральный проект Правительство рассматривало растущее число случаев загрязнения не только как срочный сигнал о том, что динамично развивающиеся регионы должны отказаться от недорогого, загрязняющего окружающую среду и ресурсоемкого производства, но и как возможность перенести такое производство с более энергозатратных способов на высвобождение пространства и ресурсов для экологически чистого производства. При эффективном применении даже с более высокой стоимостью при одновременном стимулировании экономического развития в менее развитых городах России.

Стоит отметить, что именно улучшение качества воздуха влечет за собой высокие выгоды для сотрудников фирм и организаций. Во-первых, фирмы, расположенные в загрязненном воздухом регионах, демонстрируют готовность предоставлять улучшенное лечение, заработную плату и другие блага, чтобы мотивировать сотрудников в обмен на их усилия в профессиональной сфере и сфе-

ре предоставления услуг, в том числе повышения лояльности с их стороны к эффективности производительности труда, что, в свою очередь, может повысить ценность и работоспособность фирм. Во-вторых, кроме того, если загрязнение воздуха делает местность менее привлекательной для работы, фирмы и индивидуальные предприниматели будут испытывать трудности с привлечением новых сотрудников с сопоставимой квалификацией при сопоставимых ставках вознаграждения по сравнению с фирмами в регионах с чистым воздухом, в том числе и это является одной из причин существования государственной поддержки городов-участников.

Нужно отметить, что большая часть городов, участвующих в проекте, находятся в Сибири. Например, в Новокузнецк, Норильск – города с высокими объемами выбросов крупных металлургических комбинатов, Красноярск, Чита – города, находящийся в зонах высокого ПЗА, Зима, Кемерово – города с выбросами повышенной токсичности от химических или целлюлозных комбинатов.

В рамках реализации программы, планируется провести усовершенствование методик исследования чистоты воздуха, замены необходимого оборудования и т.д. Планируется модернизировать систему информационного мониторинга с учётом оценки рисков для здоровья людей, что является серьёзной задачей на современном этапе. Необходимо совершенствовать и систему подготовки квалифицированных кадров.

Открытой проблемой остаётся реализация экологического, правового механизма связанная с обязанностями самих предпринимателей снизить уровень выбросов в атмосферу до экологически приемлемых стандартов. Не стоит забывать, что большой вклад в действенность и эффективность реформы будут вносить и региональные власти, которые посредством перераспределения бюджета смогут реализовать политику по переводу общественного транспорта преимущественно на газомоторное топливо, реализовывать проекты использования электрифицированного транспорта. Кроме того, следует учитывать, что необходимой частью благоприятного развития каждого региона являются меры по озеленению территории субъекта. Однако существуют недостатки, которые отметила Счетная палата России, проведя мониторинг исполнения федеральной программы «Чистый воздух». Как отмечает, Михаил Мень: «Два года подряд наблюдается низкое исполнение расходов по проекту «Чистый воздух», в связи с этим уже в 2019 году финансирование на программные мероприятия было сокращено, в 2020-м расходы также снижены на 65% от запланированных ранее, в 2022 году снижение ожидается на 60%» [1]. При таких подходах, отметил аудитор, «очень высокий уровень загрязнения останется во всех городах».

Практически, отсутствует единая методика определения экологического вреда, а штрафы за экологический вред незначительны.

При этом важность проблемы определения правового механизма регулирования данной сферы как отдельного аспекта данного вопроса, а именно организации и выполнении не только федерального проекта, но и политики государства в целом, недооценивается российским законодателем. Отношения в сфере власти-подчинения должны быть урегулированы и чётко обозначены, для этого предлагаем ужесточить законодательство, ведь методики определения вреда так и не сформировано, эта деятельность не имеет отдельной административно-правовой защиты и рассматриваются в рамках общих составов. На наш взгляд, подобное выделение является перспективным направлением развития гражданско-правовой и административно-правовой политики в данной сфере. Порядок расчета и взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду с 2003 по 2016 гг. был определен постановлением Правительства РФ «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия» [1], а нормативы платы указаны в постановлении Правительства РФ «О нормативах платы за выбросы в атмосферный воздух загрязняющих веществ стационарными и передвижными источниками, сбросы загрязняющих веществ в поверхностные и подземные водные объекты, в том числе через централизованные системы водоотведения, размещение отходов производства и потребления» [2]. Рассматриваемые НПА, по сути определяли порядок возмещения вреда при загрязнении атмосферного воздуха, водных объектов и почвы, включая аварийные выбросы и сбросы, которые нередки на многих предприятиях из-за несовершенной системы очистки.

Из методики расчета в последние годы изъяли коэффициенты, отражающие экологическую значимость регионов. Остался только коэффициент для особо охраняемых территорий равный двум. Это привело к тому, что плата предприятия за одни и те же выбросы уменьшилась. Все вновь введенные изменения явно противоречат целям защиты окружающей среды от различных форм деградации и загрязнения.

В имеющихся на настоящий момент методических указаниях нет корректно обозначенных условий применения вспомогательных коэффициентов для проведения количественной оценки поступающих в окружающую среду загрязняющих веществ, отмечаются низкие базовые ставки платежей за различные формы негативного воздействия на окружающую природную среду. Одной из задач Правительства РФ в данной сфере должна стать необходимость разработки именно чёткой и понятной методики с учётом прежде всего окружающей среды.

Важным является и отсутствие в программе целей по созданию установок и системы, направленных на целенаправленное очищение воздуха от вредных и опасных примесей. Одной из наиболее

успешных программ в данной сфере, является мероприятия, проводимые КНР. Столкнувшись с критической экологической ситуацией, был сделан вывод о невозможности преодолеть её только с помощью снижения выбросов – в силу чего было начато строительство многочисленных установок по очистке воздуха. Создание их аналогов, в тесном сотрудничестве с китайскими специалистами – является, на наш взгляд, одним из наиболее эффективных методов решения экологической ситуации в городах с сильным загрязнением воздуха. Внесение соответствующих предложений в программу «Чистый воздух», является необходимым элементом, направленным на её успешное завершение.

На четвёртый проект «Чистая вода» предусмотрено финансирование в 2450 50 млн руб. Целью выступает эффективное и рациональное использование водных ресурсов, их очистка, введение в эксплуатацию новейшего оборудования, обеспечение населения водой отвечающей всем нормативам. Мониторинг ситуации с водными ресурсами, показал «превышение гигиенических нормативов по санитарно-химическим показателям в республике Калмыкия (66,83%), Карелия (41,39%) и Дагестан (39,11%), Смоленская (39,01%) и Новгородская (35,24%) области, Еврейская автономная область (33,68%), Курганская область (33,57%) и Республика Мордовия (33,16%)» [3, с. 32].

В том числе рост доли проб, не соответствующих установленным законодательством гигиеническим нормативам по содержанию вредных веществ, нормируемых по санитарно-токсикологическому признаку в период с 2012 по 2021 г. зафиксирован на территории 41 субъекта Российской Федерации, из них максимальный – в Новгородской (с 1,88% до 32,39%) и Смоленской (с 0% до 22,23%) областях [3, с. 34]. Стоит отметить, что в 21 субъекте Российской Федерации значения целевого показателя, запланированные федеральным проектом «Чистая вода» на 2021 г., не достигнуты, из них в Смоленской области (на 7,93%).

Тем не менее, опираясь на анализ Государственного доклада «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2021 году», можно заключить, что качество воды в России постепенно улучшается. Так, 87,35% составила доля населения, обеспеченного качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения. Основной сложностью при реализации данного проекта является ухудшения водопроводных сетей и внутридомовых коммуникаций в ходе естественного течения времени. Их обновление не ведет к качественному изменению ситуации, а полноценная модернизация с частичной заменой – осложняется крайне высокой стоимостью как самих элементов водопроводных сетей, так и работ необходимых для этого. С учетом явной сложности в выборе добросовестного подрядчика, при отсутствии приемлемого института исполнительного контроля у местных властей. Имеющая штрафная ответ-

ственность слишком мала для полноценного воздействия на подрядчиков. В силу чего, очевидным кажется увеличение возможностей местных властей по наложению ответственности на организации, выполняющие муниципальные и региональные контракты. Для исполнения предписаний закона необходим действенный контроль со стороны государственных надзорных органов [4, с.74].

Будет способствовать решению проблемы внесение подрядчиков в реестр ФАС, по жалобе и запросу местных и региональных властей.

Таким образом, цели на реализацию национального проекта установлены высокие, мотивирующие справляться со всевозможными возникающими рисками невыполнения целевых показателей, в случае возникновения которых Минприроды России на федеральном и региональном уровнях эффективно справляется. Немаловажным является факт того, что в современных условиях произошли задержки поставок заказанного и предложенного оборудования, которое способствует исполнению проектов по модернизации производства.

Федеральные проекты предполагают, что уже в ближайшие 3–4 года в стране: существенно улучшится экологическая обстановка, в том числе на 22% улучшится качество воздуха, будут разработаны и внедрены новые технологии очистки и переработки отходов, своевременно обновлена и реализована программа модернизации водоснабжения населения. Все эти меры указывают на изменение подходов ко всем процессам управления в сфере экологических процессов, но и совершенствуется система организации и проведения необходимых мероприятий для эффективной реализации основополагающего права каждого гражданина нашей страны на благоприятную окружающую среду.

Таким образом, одним из важнейших факторов успеха данного проекта, является выполнение подрядчиками своих обязательств по созданию и обновлению необходимой для проекта инфраструктуры. Возможным решением является облегчение возможностей региональных и местных властей, по внесению информации в реестры добросовестных и недобросовестных поставщиков. Путем изменения соответствующий статьи ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [5], с добавлением возможностей органов муниципальной и региональной власти непосредственно внести не выполняющих свои обязательства поставщиков в данный реестр, как часть судебного решение по делам о неисполнении контрактных обязательств.

По всем направлениям нацпроекта качественные изменения очевидны уже на данном этапе: качество атмосферного воздуха улучшается во многих регионах, очищаются берега и водные объекты, восстанавливается экосистема Байкала, модернизируется процесс выброса, утилизации и переработки отходов.

В совокупности, стоит отметить, что экологические проекты должны бороться не только с причиной загрязнений в виде установления фильтров, снижение выбросов и замены существующих производственных систем, но и быть направленными на устранение загрязнений прямо сейчас.

Литература

1. Правительство утвердило Стратегию социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года // Правительство Российской Федерации – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/news/43708/> (дата обращения 12.12.2022).
2. Экология России // Национальный проект «Экология» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ecologyofrussia.ru/proekt/> (дата обращения 06.12.2022).
3. Перечень объектов негативного воздействия на окружающую среду, на которые выданы комплексные экологические разрешения. Официальный сайт – Федеральная служба по надзору в сфере природопользования. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://rpn.gov.ru/opendata/7703381225-objectkey> (дата обращения: 10.12.2022).
4. Земельный надзор как средство обеспечения рационального использования и охраны земель в Российской Федерации / А.М. Иванов, К.В. Купченко, О.Н. Лазаренко [и др.] // Юридическая наука. – 2022. – № 1. – С. 74–77. – EDN ZRVACX.
5. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N 44-ФЗ//СПС «Консультант Плюс».
6. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2021 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2022. М., –340 с.

LEGAL FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS IN THE FIELD OF ECOLOGY

Ivanov A.M., Leshchinskaya K.D., Puzanova D.A., Fedoskin N.N.
Smolensk Branch of the Saratov State Law Academy

This article discusses the concept of a green economy, presented in three regulatory documents of the Russian Federation. These include: the Plan for the implementation of the Strategy of Environmental Security of Russia until 2025, the Strategy of socio-economic Development of Russia with low greenhouse Gas Emissions until 2050 and the national project “Ecology”, which implements a plan for the effective implementation of federal projects in the regions that allow achieving sustainable development, despite the existing problems associated with with goals and strategies for their introduction in various areas of our country. Contrary to the opinion that the green economy is simply a “green tuning” of the existing economic system, this article concludes that the green economy has the potential to implement significant and transformative changes in the direction of achieving the goal of environmental policy development. In the course of the study, the authors examined analytical and sta-

tistical materials, data on federal projects, their implementation for the period 2019–2024, including up to 2026, existing environmental regulations. According to the authors, the competent implementation of these projects will not only introduce modern best available technologies (BAT), but also improve the quality of drinking water in the regions of Russia, modernize water supply systems, improve recycling, waste disposal. The green economy is a key mechanism of economic, social and environmental changes, therefore, transformations in the system of functioning of these processes will greatly improve the quality of life of Russians.

Keywords: environmental law, “green economy”, national project “Ecology”, digitalization, monitoring.

References

1. The Government has approved the Strategy of socio-economic development of Russia with low greenhouse gas emissions until 2050 // The Government of the Russian Federation – [Electronic resource]. – Access mode: <http://government.ru/news/43708/> (accessed 12.12.2022).
2. Ecology of Russia // National project “Ecology” – [Electronic resource]. – Access mode: <https://ecologyofrussia.ru/proekt/> (accessed 06.12.2022).
3. The list of objects of negative impact on the environment for which comprehensive environmental permits have been issued. The official website is the Federal Service for Supervision of Nature Management. [Electronic resource] – Access mode: URL: <https://rpn.gov.ru/opendata/7703381225-objectker> (date of application: 10.12.2022).
4. Land supervision as a means of ensuring the rational use and protection of land in the Russian Federation / A.M. Ivanov, K.V. Kupchenko, O.N. Lazarenko [et al.] // Legal science. – 2022. – No. 1. – pp. 74–77. – EDN ZRVACX.
5. Federal Law “On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs” dated 05.04.2013 N 44-FZ//SPS “Consultant Plus”.
6. On the state of sanitary and epidemiological welfare of the population in the Russian Federation in 2021: State Report. M.: Federal Service on supervision in the field of consumer rights protection and human well-being, 2022. M., –340 p.

Историко-правовой аспект формирования конституционного регулирования деятельности исполнительной власти Таджикистана

Эрбоев Муhibджон Ниёзматович,

аспирант кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства юридического института, Российский университет дружбы народов
E-mail: emuhibjon@gmail.com

Конституционно-правовые основы деятельности центральных органов исполнительной власти в Таджикистане зародились на протяжении определённого исторического периода. Данному событию повлияли прежде всего политические события в том числе присоединения Средней Азии к Российской Империи, образования СССР и создания на этой территории национальных социалистических республик. Поскольку конституционализм впервые зародился в капиталистических странах, то в Таджикистане, где государственное управление до присоединения Средней Азии к Российской Империи был основан на феодальных устройствах и догматических нормах шариата данное явление происходило не в процессе естественного общественного развития, а путём внедрения передового опыта развитых стран. Этот факт стал важным показателем в процессе формирования рассматриваемого вопроса. При исследовании становления и развития центральных органов исполнительной власти на территории исторического Таджикистана крайне важно учитывать фактические отношения, реально сложившиеся на тот момент, в частности, общественные процессы и тенденции.

Ключевые слова: конституция, управление, центральные органы, исполнительная власть, государства, правительства.

История современного конституционализма начинается с принятия первой конституции в США в 1787 года. Однако истории известно это слово со времён римского права, где под словом конституции императора понимались все принимаемые императором правовые акты. И так впервые в истории Таджикистана на втором Всетаджикском Съезде Советов 28 апреля 1929 г. была принята Конституция Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики [9, с 362–363]. В Конституции Таджикской АССР было указано, что для общего управления Республикой, Центральный Исполнительный Комитет Советов Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики образует исполнительный и распорядительный орган – Совет Народных Комиссаров, а для руководства отдельными отраслями образует народные комиссариаты.

На основе указанной нормы Народные Комиссариаты являлись исполнительно-распорядительными органами государства. На наш взгляд, каждый Комиссариат представлялся как отдельный исполнитель по отношению к Центральному Исполнительному Комитету и Правительству республики, а по отношению к объектам управления выполнял распорядительные функции.

В мае 1929 года, правительство Таджикской АССР, с учетом пожеланий таджикского народа, с просьбой обратилось в Президиум ЦИК СССР о преобразовании Таджикской АССР в союзную социалистическую республику [3, с 33]. После того, как Политбюро ЦК РКП (б) одобрило постановку вопроса о выделении Таджикской АССР из состава Узбекской ССР и преобразовании ее в союзную республику, Президиум ЦИК СССР 12-го июня 1929 года постановил своё мнение «... Президиумам ЦИК Узбекской ССР и Таджикской АССР в двухмесячный срок сообщить Президиуму ЦИК свои заключения по вопросу о выделении Таджикистана из Узбекской ССР» [10, с 131]. Следующий этап развития центральных органов исполнительной власти в Таджикистане связан с образованием Таджикской ССР.

Так, после преобразования Таджикской ССР¹, 25 февраля 1931 года IV Всетаджикский Съезд

¹ 15–16 октября 1929 года, в городе Душанбе состоялся третий Чрезвычайный Всетаджикский Съезд Советов Таджикистана, на данном Съезде была принята Декларация «Об образовании Таджикской Союзной Советской Социалистической Республики», 5 декабря 1929 года II сессия ЦИК СССР утвердил решение III Чрезвычайного Съезда Советов Таджикистана об образовании Таджикской ССР, 5 декабря считался днем образования Таджикской ССР; Имомов А.И. Конституционное право Республики Таджикистан. – Душанбе, 1997. – С. 63;

Советов принял Конституцию, в которой юридически было закреплено создание Таджикской Союзной Республики и ее непосредственное вхождение в СССР. Данная Конституция была принята на основе Конституции СССР 1924 г., и являлась основным законом республики, отображала законодательно советское общественное, государственное устройство и принципы организации и деятельности исполнительных власти.

Конституция 1931 г. в отличие от Конституции 1929 г. ставила своей задачей не «обеспечить», а «гарантировать» диктатуру пролетариата [11, с 167]. Она имела и свои обусловленные историческими, национальными и политическими особенностями государства специфические особенности.

Согласно Конституции СССР 1924 г. каждая союзная республика имела свое Правительство. Для общего управления делами республики, – отмечалось в Конституции Таджикской ССР 1931 г., – Центральный Исполнительный Комитет Советов Таджикской Советской Социалистической Республики образует Совет Народных Комиссаров, который является высшим органом исполнительной и распорядительной власти [7, с 303]. Если на основе Конституции РСФСР 1918 г., Конституции Туркестанской АССР 1918 г. Совет Народных Комиссаров утверждался как орган общего управления государством, то уже в соответствии с этой Конституцией (Конституцией СССР 1924 г., Конституцией Таджикской ССР 1931 г.) рассматривался как орган Центрального Исполнительного Комитета.

Следует подчеркнуть, что на основе Конституции СССР все союзные республики закрепили в своем государственном устройстве принципы социалистического общественного и государственного устройства СССР. «Указанные принципы, таким образом, являются общими и едиными для всех народов Советского Союза» [5, с 69].

Для Таджикистана указанный период истории имеет свои особенности, поскольку орган власти Таджикистана как полноправный член СССР, больше не был подотчетен и ответственен перед ЦИК Узбекской ССР.

С организацией Таджикской ССР, как непосредственного члена СССР ее высший орган государственного управления, с начала перехода с Совета Назиров к Совету Народных Комиссаров (1924 года), от ревкомов к советам, и особенно от автономной Республики к Республику, стали основой для дальнейшего развития государственного управления и формирования конституционально-правовых основ его деятельности.

Изменения в структуре центрального органа государственного управления наблюдались не только с внесением изменений в Конституцию, но и с быстрым темпом развития общества и приближением к победе социализма, а также значительным прогрессом в законодательстве СССР и союзных республик. В то же время, в соответствии с постановлением ЦИК СССР, в 1934 году

Д. Фаньян. К истории советского строительства в Таджикистане. Сб. документов. – Сталинабад, 1941. – С. 37, 147.

в Таджикистане был образован общесоюзный Народный Комиссариат Внутренних Дел республики [6, с 239]. Несмотря на значимую роль данная структура не была отражена в Конституции 1931 г. Таджикской ССР. Позже аналогичные изменения наблюдались и в структурах Центрального органа государственного управления Таджикской ССР.

Таким образом, в период 1931–1935 гг. в системе центрального органа государственного управления Таджикской ССР произошли большие изменения и были созданы новые структуры, которые внесли важный вклад в развитие центрального органа государственного управления.

В контексте того, что Таджикская ССР должна была произвести все изменения в структуре центрального органа государственной власти на конституционном уровне, Комиссия по редактированию Конституции Таджикской ССР 16 января 1935 г. предложила проект поправок к Конституции, который после обсуждения был утверждён V Съездом Советов Таджикской ССР и был введен в новую редакцию Конституции Таджикской ССР [2, с 56–65]. Указанный факт законодательно закрепил изменения, происшедшие в органах государственного управления в период 1931–1935 гг. в Конституции Таджикской ССР в редакции 1935 г. Эти изменения в Конституции включали в себя также изменения в составе Народного Комиссариата образования, Комиссариата коммунального хозяйства и Комиссариата местной промышленности (ст. 45). Статья 46 Конституции Таджикской ССР предусматривала разделение Народных Комиссариатов внутренней торговли, финансов, земледелия, и внутренних дел Таджикской ССР, преобразовав их в Союзно-республиканские. Народные Комиссариаты в своей деятельности осуществляли декреты соответствующих Народных Комиссаров СССР. Следует также подчеркнуть, что они подчинялись Центральному Исполнительному Комитету Советов Таджикистана, его Президиуму и Совету Народных Комиссаров Таджикской ССР. По результатам внесения изменений в Конституцию, в отличие от Конституции 1931 г., следует отметить, что ключевые задачи Таджикской ССР как государства, входящего в состав СССР, решались не «напрямую», а «лишь через предметы ведения высших органов Таджикской ССР» [11, с 171].

В 1936 г. в СССР была принята новая Конституция. Данная Советская Конституция, как по своему содержанию, так и по форме, во многом отличалась от первой Конституции СССР. Все указанные отличия были вызваны конкретными историческими условиями формирования советского общества, а главное, принятие указанной Конституции для СССР было периодом завершения строительства социализма и постепенным переходом к новому строю, то есть переходом к коммунизму.

В новой Конституции Центральный орган государственного управления получил новый статус. Если в Конституции СССР 1924 г. Совет народных Комиссаров СССР определен как исполнительный и распорядительный орган ЦИК СССР, то в но-

вой принятой Конституции 1936 г. Совет Народных Комиссаров получил альтернативное наименование – «Правительство СССР». то есть статус высшего исполнительного и распорядительного органа государственного управления Советского Союза. Основное заключение состояло в том, что по Конституции 1936 г. СССР сохранила свою классовую сущность и воплощала диктатуру пролетариата через закрепление руководящей роли Коммунистической партии.

После этого Таджикской ССР также было необходимо принять Конституцию в новой форме на основе Конституции СССР 1936 г., которая впервые должна была регламентироваться как Конституция построенного социализма. Указанный новый основной закон Таджикской ССР по своей юридической форме приобретал более современный вид. В данной Конституции были кратко изложены основные государственно-правовые институты, систематизированные на базе конституционных норм.

Новый переходный период от победы социализма к коммунизму вызвал много изменений. В период 1937–1940 гг. вся система органов государственной власти и управления на уровне Советской республики была преобразована в социалистическую и основывалась на новой Конституции. Начиная с 1938 г. Совет Народных Комиссаров СССР (Правительство СССР) – формировался Верховным Советом СССР и подчинялся указанной структуре. В частности, в соответствии с этими изменениями Правительство Таджикской ССР было сформировано Верховным Советом Таджикской ССР. Согласно Конституции Таджикской ССР 1937 г. руководителями отдельных Народных Комиссариатов являлись члены Совета Народных Комиссаров Таджикской ССР. При каждом Народном комиссаре, под его председательством, должны были быть созданы Советы. В составе Совета необходимо было иметь не менее половины представителей местных организаций и предприятий. Члены этого Совета назначались Советом Народных Комиссаров Таджикской ССР.

После начала Великой Отечественной Войны деятельность народных комиссариатов СССР находилась под контролем и в подчинении Государственного комитета обороны – чрезвычайного органа управления под руководством Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталина.

В 1946 году в структуре государственного управления произошли изменения, что потребовало поправки и внесения изменений в Конституцию СССР 1936 г. 15 марта 1946 г. Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик принял Закон «О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР, а Советы Народных Комиссаров союзных и автономных республик – в Советы Министров союзных и автономных республик». Соответственно, Народные Комиссариаты СССР были заменены на Министерства СССР, а Народные Комиссары на Министров. В то же время часть вторая Закона

показывает, что изменения также касались союзных и автономных республик. В соответствии с изменениями в Законе указывалось «преобразовать Советы Народных Комиссаров союзных и автономных республик в Советы Министров союзных и автономных республик, а Народные комиссариаты союзных и автономных республик – в Министерства союзных и автономных республик» [7]. В данный период Совет Народных Комиссаров сложил свои полномочия перед Верховным Советом СССР нового созыва, а после четырех дней принятия Закона был сформирован Совет Министров.

Министерства, также как Советы Народных Комиссаров, осуществляющие руководство определенных отраслей Советской Республики, представляли собой группу центральных органов власти и осуществляли особые полномочия, относящиеся к любой сфере государственного управления. Как отмечал И.Н. Ананов «Министерства – это центральные отраслевые органы государственного управления» [1, с 287]. Соглашаясь с мнением автора, отметим, что на самом деле в социалистическом государстве, Правительство считался высшим центральным органом управления, и на основе «демократического централизма» руководило всеми подчиненными ему органами управления. При этом, министерства считались отдельными отраслевыми центральными органами государственного управления. В подтверждении указанных заявлений, в другом месте И.Н. Ананов отмечает, что «Советские министерства – это части социалистического госаппарата. Они построены и действуют на основе демократического централизма, проводят в жизнь принципы социалистической законности, государственного планирования, равноправия наций и учета национальных особенностей, широкого участия масс в государственном управлении» [1, с 288].

Таким образом, на наш взгляд, взаимоотношения как с высшими, так и с нижестоящими органами власти в некоторых из них проявляется двойное подчинение министерств, что выражает принцип демократического централизма. Это позволяет системе обеспечить руководство соответствующими министерствами одновременно из двух центров: по вертикали – со стороны вышестоящего органа отраслевого управления; по горизонтали – со стороны соответствующего органа управления общей компетенции.

Указанный вывод из принципа демократического централизма можно интерпретировать в ином свете, который привел к распаду СССР. Так, централизованную структуру управления СССР и других стран с коммунистическим режимом можно рассматривать как управление в условиях тоталитарной политической организации общества и, главное, монополия на идеологию.

Таким образом, последующее развитие системы центральных органов государственного управления бывшего СССР осуществлялось в соответствии с принятой в 1977 году новой Конституцией СССР. Это оказало влияние и на другие союзные респу-

блики, так на её основе в 1978 году Таджикская ССР также приняла свою конституцию. Следует отметить, что компетенция Совета Министров Таджикской ССР в Конституции 1978 г. была рассмотрена намного шире, чем в Конституции 1937 г. После принятия Конституции произошли значительные изменения в законодательной системе государственного управления, поскольку другие функции и деятельность Совета Министров Таджикской ССР включали передачу их полномочий союзно-республиканским и республиканским министерствам, а также государственным комитетам Таджикской ССР. Что касается структуры и перечня министров, то Конституция 1937 г. предусматривала полную и законченную систему министерств и других республиканских органов государственного управления, а Конституция 1978 г. не предусматривала такой полной системы и была интерпретирована в отдельном законе. В этом Законе более подробно определялись полномочия и организация Совета министров, а также министерств и других органов управления, входящих в систему центрального правительства.

Многолетний опыт работы министерств показал, что в условиях союзного социалистического государства, целесообразно более полно отражать деятельность центральных органов отраслевого управления в отдельном законе. В этом контексте 15 декабря 1978 г. был принят Закон «О Совете Министров Таджикской ССР». На момент вступления в силу Закона Таджикской ССР, Совет Министров первоначально состоял из 19 союзно-республиканских министерств и 5 республиканских министерств. Уже через десять лет после принятия этого закона, в преддверии распада СССР, количество союзно-республиканских министерств увеличилось до 21. Такая тенденция увеличения числа отраслей и органов их управления наблюдалась во всех союзных республиках.

Согласно Конституции Совет Министров Таджикской ССР был подотчетен только Верховному Совету Таджикской ССР и его Президиуму. Что касается прокурорского надзора, следует отметить, что, хотя прокуратура осуществляла прокурорский надзор за деятельностью министерств и ведомств, Совет министров находился вне прокурорского надзора. Формирование новой структуры в жизни общества – это, прежде всего, признак развития государственного управления. С нашей точки зрения, Советские Министерства – это подлинно демократические органы управления.

Совет министров Таджикской ССР был таким органом управления республики, решающим все вопросы государственного управления Таджикской ССР, осуществляющим исполнительную и распорядительную деятельность, и являлся одной из форм единой в республике государственной власти.

В советское время для организации деятельности государственного управления в Таджикской ССР был характерен глубокий разрыв между моделью управления, установленной союзной и республиканской Конституциями, и реальностями

управленческой системы. Что касается конституционной модели, то она вообще не оперировала понятием, «исполнительная власть», поскольку официальная догма полновластия Советов отрицала возможность разделения властей. При этом в системе управления обеспечивался чрезвычайно высокий уровень централизации: местные органы управления состояли в двойном подчинении – своему Совету и вышестоящим органам управления.

Литература

1. Ананов, И.Н. Министерства в СССР / ин-т права АН СССР. Москва: Госюриздат, 1960. – 377 с.
2. Имомов, А. Конституционное право Республики Таджикистан. – Душанбе, 1997. – 215 с.
3. Искандаров, М. Из истории советского строительства в Таджикистане (1929–1937 гг.). – Душанбе, 1983. – 342 с.
4. История советского государства и права. Советское государство и право в период строительства социализма (1921–1935 гг.) кн. 2. – Москва: Наука, 1968. – 214 с.
5. Ронин, С.Л. Конституция СССР 1936 года / Акад. наук СССР. Ин-т права им. А.Я. Вышинского. – Москва: Госюриздат, 1957. – 95 с.
6. Собрание Законов СССР, 1993. – № 40. – 836 с.
7. Советские конституции. Хрестоматия. В 4 частях. Часть 2. СССР, 1922–1936 гг. / Сост. Д.В. Кузнецов. [Электронный ресурс]. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. – 375 с.
8. Союз Советских Социалистических Республик. Закон от 15 марта 1946 года. О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов народных комиссаров союзных и автономных республик в Советы Министров союзных и автономных республик // Ведомости Верховного Совета СССР: сб. 1946. – № 10.
9. Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических Республик: Сборник документов. 1923–1937 гг.: В 7 т. / [Ред. коллегия: М.П. Георгадзе (глав. ред.) и др.]; Ин-т права Акад. наук СССР. – Москва: Госюриздат, Т 7–1965. – 836с.
10. Фаньян, Д.К. К истории советского строительства в Таджикистане (1920–1929 гг.). Сб. док. – Сталинабад, 1940. – 315 с.
11. Хакимов Ш.К. Конституционализм в Таджикистане: историко-культурные основы, специфика становления и эволюции: дисс. д-ра. юрид. наук. – Москва, 2012. – 367 с.

HISTORICAL AND LEGAL ASPECT OF THE FORMATION OF THE CONSTITUTIONAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF THE EXECUTIVE POWER OF TAJIKISTAN

Erboev M.N.
Peoples' Friendship University of Russia

The constitutional and legal foundations of the activities of the central executive authorities in Tajikistan originated during a certain historical period. This event was influenced primarily by political events, including the annexation of Central Asia to the Russian Empire, the formation of the USSR and the creation of national socialist republics on this territory. Since constitutionalism was first born in capitalist countries, in Tajikistan, where public administration before the annexation of Central Asia to the Russian Empire was based on feudal devices and dogmatic sharia norms, this phenomenon occurred not in the process of natural social development, but through the introduction of advanced experience of developed countries. This fact has become an important indicator in the process of forming the issue under consideration. When studying the formation and development of the central executive authorities on the territory of historical Tajikistan, it is extremely important to take into account the actual relations that actually developed at that time, in particular, social processes and trends.

Keywords: constitution, governance, central bodies, executive power, states, governments.

References

1. Ananov, I.N. (1960) Ministries in the USSR / Institute of Law of the USSR Academy of Sciences. Moscow: Gosyurizdat, – 377 p.
2. Imomov, A. (1997) Constitutional Law of the Republic of Tajikistan. – Dushanbe, – 215 p.
3. Iskandarov, M. (1983) From the history of Soviet construction in Tajikistan (1929–1937). – Dushanbe, – 342 p.
4. The history of the Soviet state and law. The Soviet State and Law during the Construction of Socialism (1921–1935) Book 2. – Moscow: Nauka, 1968. – 214 p.
5. Ronin, S.L. (1957) The Constitution of the USSR of 1936 / Academy of Sciences of the USSR. Institute of Law named after A. Ya. Vyshinsky. – Moscow: Gosyurizdat, – 95 p.
6. Collection of Laws of the USSR, 1993. – No. 40. – 836 p.
7. Soviet constitutions. A textbook. In 4 parts. Part 2. USSR, 1922–1936 / Comp. D.V. Kuznetsov. [electronic resource]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2015. – 375 p.
8. Union of Soviet Socialist Republics. The Law of March 15, 1946. On the transformation of the Council of People's Commissars of the USSR into the Council of Ministers of the USSR and the Councils of People's Commissars of the Union and Autonomous Republics into the Councils of Ministers of the Union and Autonomous Republics // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR: sat. 1946. – № 10.
9. Congresses of Soviets of the USSR, Union and Autonomous Soviet Socialist Republics: Collection of documents. 1923–1937: In 7 volumes / [Editorial Board: M.P. Georgadze (chief editor), etc.]; Institute of Law of the Academy of Sciences of the USSR. – Moscow: Gosyurizdat, T 7–1965. – 836 p.
10. Fanyang, D.K. (1940) On the History of Soviet Construction in Tajikistan (1920–1929). Sat. doc. – Stalinabad, – 315 p.
11. Khakimov Sh.K. (2012) Constitutionalism in Tajikistan: historical and cultural foundations, specifics of formation and evolution: dissertation of Dr. jurid. sciences'. – Moscow, – 367 p.

Национально-этнические традиции при территориальной организации местного самоуправления

Ядреев Иван Васильевич,

аспирант, кафедра государственного строительства и права Университета Генеральной прокуратуры Российской Федерации; прокурор Хангаласского района Республики Саха (Якутия), старший советник юстиции,
E-mail: kutlug@mail.ru

В статье анализируются выделяемые в науке муниципально-го права принципы территориальной организации местного самоуправления, в том числе в связи с новой редакцией Конституции Российской Федерации 2020 года. Отмечается, что национально-этнические традиции населения можно рассмотреть в качестве вида исторических и иных местных традиций, которые подлежат учету при территориальной организации местного самоуправления. Делается вывод, что национальный фактор на уровне местного самоуправления способствует принятию местным сообществом консолидированных решений и обеспечивает устойчивость существования муниципальных образований. Национальные муниципальные образования могут быть фундаментом обеспечения защиты культурной самобытности народов России, гарантией сохранения этнокультурного и языкового многообразия

Ключевые слова: принципы территориальной организации местного самоуправления, исторические и иные местные традиции, федерализм, национальные отношения, защита прав коренных народов, национальное муниципальное образование

Вопрос определения и формулирования принципов территориальной организации местного самоуправления всегда занимал и занимает существенное место в муниципальном праве.

Так, на основании норм Конституции Российской Федерации А.Н. Максимов выделяет поселенческий, территориальный принципы и принцип учета исторических и иных местных традиций при территориальной организации местного самоуправления [9]. Причем первые два принципа связаны с осуществлением местного самоуправления в городских и сельских поселениях, а также на иных территориях, определенных законом.

К.Ф. Шеремет выделяет следующие принципы: поселенческо-территориальный; учета мнение населения при преобразовании и изменении границ муниципального образования; возможность одно- и двухуровневой организации муниципальных образований; равенство их условий институционализации [21].

В.В. Трубников дополнительно выделяет принцип оптимального определения территории поселений; принцип соотношения муниципально-территориального и административно-территориального устройства регионов России; принцип определения регионами границ и статуса муниципальных образований; принцип интересов учета населения, в том числе в сфере экономики, культуры и обеспечения социальных прав [17].

Также Н.В. Винник считает обязательным учет необходимости повышения обеспечения финансовой самостоятельности муниципальных образований [5]. Однако О.Л. Савранская считает, что рассмотрение только экономических факторов при формировании территории местного самоуправления может нарушить право жителей небольших поселений на местного самоуправления [15]. Г.Г. Шафиров перечисляет географические, демографические, этнические, экономические другие факторы, лежащие в основе формирования территорий муниципальных образований [20].

Таким образом, в науке выделяется множество различных принципов территориальной организации муниципальных образований, основной целью которых является обеспечения длительного устойчивого существования муниципальных образований в целях решения населением местных вопросов.

Вместе с тем, новая редакция статьи 131 Конституции Российской Федерации [22], исключила упоминание о поселениях, как о первичных территориях осуществления местного самоуправления, тем самым основным конституционным принци-

пом территориальной организации местного самоуправления в настоящее время является принцип учета исторических и иных местных традиций.

В юридической науке единого определения категории «исторические и иные местные традиции» не сформировалось.

Так, Р.М. Усманова связывают эту категорию с необходимостью приближения местной власти к населению, сохранения его культурных традиций и обеспечения стабильного существования местного самоуправления [18].

А.С. Милосердов считает местные традиции особенностями исторической традиции местного самоуправления на конкретной обособленной территории, которые отличаются от других какой-то своей существенной характеристикой [10].

Исходя из этого можно определить, что историческими и иными местными являются такие традиции совместного проживания людей, которые сформировались за определенный период времени на конкретной территории и отражают общее желание населения по совместному решению местных вопросов.

Исторические и иные местные традиции могут быть национальными, так как они являются историческими, то есть сформированными в течение продолжительного времени и местными, характерными для этой конкретной местности проживания конкретной этнической общности.

Тот же А.С. Милосердов подчеркивает, что местные традиции, определяемые особенностями менталитета часто имеют национальную окраску [10]. Т.З. Мисроков же прямо указывает, что влияние национально-этнических факторов на изменение территориальной организации местного самоуправления осуществляется через категорию учета исторических традиций [11].

Он же подчеркивает, что желание превратить муниципальное образование в самоуправляемую национальную территорию очень характерно для этнических меньшинств [11]. Это объясняется неразрывной связью, существующей между этническими общностями и их определенной территорией проживания.

А.Н. Кокотов определяет этнос как «первичную социальную группу, представляющую собой основную социальную нишу индивидов и отличающуюся сравнительно высоким уровнем внутригруппового доверия» [8]. Также под этносом понимается «исторически сложившаяся группа людей, обладающая общим самосознанием, самоназванием (антонимом), общностью происхождения и культуры (чаще всего языка)» [12], а также «совокупность людей, самоидентифицирующих себя с данной общностью, осознающих себя ее частью, принимающих народную культуру» [6]. Л.Н. Гумилев отмечает особую связь этносов с территорией, на которой они сформировались [7]. Роль территории в вопросе существования этноса также отмечали Х.М. Росалес [14], А.С. Панарин [13] и другие.

Исходя из определения этноса как общности, имеющей в первую очередь единый стереотип по-

ведения, необходимо признать, что местное сообщество, проще и лучше всего организуется населением, имеющим единое этническое происхождение, так как они имеют навыки совместного проживания, во много имеют общность интересов, общее мировоззрение и язык. Более того, это отвечает государственным интересам, в части большего вовлечения населения в решение вопросов местного значения.

А.Н. Чертков отмечает, что специфические запросы населения, связанные с развитием самобытной культуры и родного языка, сохранения традиционного образа жизни и промыслов возможно удовлетворять путем создания этническим сообществом на определенной территории органа местного самоуправления [18].

Л.В. Андриченко также высказывает мнение о возможности создании территориального самоуправления этнических меньшинств относительно коренных малочисленных народов. Она указывает, что такое территориальное самоуправление может рассматриваться как дополнительная гарантия защиты интересов коренных малочисленных народов [1].

При этом И.С. Астахова отмечает, что система национальных муниципальных образований не только предоставит этническим сообществам, возможность самостоятельно решать местные вопросы, но и через институты самоуправления вести диалог с властью [3].

А.А. Акмалова пишет, что муниципальный уровень, это оптимальный уровень, на котором интересы этносов приобретают не только коллективный, но и территориальный характер. Предоставление права народам на местное самоуправление – это механизм разрешения национальных конфликтов [2].

Аналогично А.В. Бредихин обоснованно отмечает, что национальные районы выступают институтом борьбы с проявлениями этносепаратизма, несут функцию смягчения межэтнического напряжения в многонациональных регионах России, дают возможность малым народам на самоуправление и сохранение традиций, гарантии самобытного социально-экономического и культурного проживания [4].

Также нельзя не согласиться с мнением В.В. Трубниковой о том, что стремление местных сообществ сохранить свою самобытность нельзя сравнивать с сепаратизмом [17]. Самоуправленческие притязания муниципальных образований не могут представлять угрозы государственности, напротив, они ее фундамент [16].

Таким образом, национально-этнические традиции можно рассмотреть как вид исторических и иных местных традиций при территориальной организации местного самоуправления. Эти национально-этнические традиции могут быть учтены путем создания национальных муниципальных образований, то есть при обеспечении определенного совпадения этнических границ расселения

коренных народов России и границ муниципальных образований в субъектах Федерации.

Перенос национального вопроса на местный уровень позволит снять его остроту на уровне регионов и страны в целом. Общее стремление всех народов России выражается в сохранении этнической идентичности, языка и культуры, которые лучше всего охраняются на местном уровне, наиболее близком к населению уровню власти. Национальный фактор не мешает решению вопросов местного значения, а способствует принятию консолидированных решений на местном уровне.

Национальная самобытность российских народов нуждается в защите, в том числе в связи с принятием в 2020 году поправок в статьи 68 и 69 Конституции Российской Федерации. Местное самоуправление как вид публичной власти, наиболее приближенный к населению, может путем особой своей территориальной организации создать фундамент для сохранности ее народов и их языков. Национальные муниципальные образования могут стать вариантом такой территориальной организации.

Литература

1. Андриченко Л.В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации. – М.: ОАО Издательский дом Городец, 2005. – С. 287.
2. Акмалова А.А. Особенности правового регулирования и организации местного самоуправления в Российской Федерации: Теоретико-методологический аспект: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003. – С. 340.
3. Астахова И.С. Самоуправление юкагиров Якутии: история становления и современность // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6 // Электронный ресурс: <http://www.science-education.m/113-10937> (дата обращения 19.02.2023).
4. Бредихин А.В. Национальные районы в системе федеративных отношений // Государственная власть и местное самоуправление. – 2006. – № 10. – С. 32–35.
5. Винник Н.В. Проблемы территориальной организации местного самоуправления в России // Административное и муниципальное право. – 2014. – № 11. – С. 1206–1210.
6. Городинец Ф.М., Самарин Н.Ю., Спицнадель В.Б. и др. Народ и право. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 165.
7. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – Москва, 2007. – С. 219.
8. Кокотов А.Н. Русская нация и российская государственность. – Екатеринбург: изд. – во УР-ГЮА, 1994. – С. 11.
9. Максимов А.Н. Территориальная организация местного самоуправления в России: проблемы совершенствования правового регулирования: Дис. ...канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 65.

10. Милосердов А.С. Учет исторических и иных местных традиций, как принцип в системе организации местного самоуправления: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2016. – С. 14, С. 87.
11. Мисроков Т.З. Конституционно-правовые основы становления и развития местного самоуправления в субъектах Российской Федерации: на примере Кабардино-Балкарской Республики: дис. ...канд. юрид. наук. – Москва, 2013. – С. 44.
12. Новый энциклопедический словарь. – Москва, 2002. – С. 1410.
13. Панарин А.С. Испытание глобализмом. – Москва, 2003. – С. 136–137.
14. Росалес Х.М. Воспитание гражданской идентичности: об отношениях между национализмом и патриотизмом // Политические исследования. – 1999. – № 6. – С. 100.
15. Савранская О.Л. Правовые основы местного самоуправления // Социс. – 1997. – № 1. – С. 35.
16. Тимофеев Н.С. Территориальные пределы местного самоуправления в Российской Федерации. – Москва, 2007. – С. 72.
17. Трубников В.В. Совершенствование территориальной организации местного самоуправления как способ повышения его эффективности: муниципально-правовое исследование: дис. ...канд. юрид. наук. – Тюмень, 2012. – С. 34, С. 37.
18. Усманова Р.М. Значение учета исторических и иных местных традиций для муниципально-правового регулирования // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – № 3. – С. 46–50.
19. Чертков А.Н. Правовое регулирование территориального устройства России: концепция и прогноз: дис. ...докт. юрид. наук. – Москва, 2012. – С. 73.
20. Шафиров Г.Г. Территориальные основы местного самоуправления в РФ // Государственной и муниципальное управление. Актуальные проблемы государственного и муниципально-го управления. – 2004. – С. 139.
21. Шеремет К.Ф. Становление правовой базы местного самоуправления в Российской Федерации // Местное самоуправление: современный российский опыт законодательного регулирования: учебное пособие / под ред. К.Ф. Шеремета, И.И. Овчинникова. – Москва, 1998. – С. 41.
22. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с поправками, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Электронный ресурс: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 19.02.2023).

NATIONAL-ETHNIC TRADITIONS IN THE TERRITORIAL ORGANIZATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

Yadreev I.V.

University of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation

The article analyzes the principles of the territorial organization of local self-government highlighted in the science of municipal law, also in connection with the new edition of the Constitution of the Russian Federation of 2020. It is noted, that the national and ethnic traditions of the population can be considered as a type of historical and other local traditions in the territorial organization of local self-government. It is concluded that the national factor at the level of local self-government contributes to the adoption of consolidated decisions by the local community and ensures the sustainability of the existence of municipalities. National municipalities can be the foundation for ensuring the protection of the cultural identity of the ethnic groups of Russia, a guarantee of the preservation of ethno-cultural and linguistic diversity

Keywords: principles of the territorial organization of local self-government, historical and other local traditions, federalism, national relations, protection of the rights of indigenous peoples, national municipality

References

1. Andrichenko L.V. Regulation and protection of the rights of national minorities and indigenous minorities in the Russian Federation. – Moscow: Publishing House Gorodets, 2005. – p. 287.
2. Akmalova A.A. Features of legal regulation and organization of local self-government in the Russian Federation: Theoretical and methodological aspect: dissertation of Dr. of Law. – M., 2003. – p. 340.
3. Astakhova I.S. Self-government of the Yukaghirs of Yakutia: the history of formation and modernity // Modern problems of science and education. 2013. No. 6 // Electronic resource: <http://www.science-education.m/113–10937> (accessed 19.02.2023).
4. Bredikhin A.V. National districts in the system of federal relations // State power and local self-government. – 2006. – No. 10. – pp. 32–35.
5. Vinnik N.V. Problems of territorial organization of local self-government in Russia // Administrative and municipal law. – 2014. – No. 11. – pp. 1206–1210.
6. Gorodinet F.M., Samarin N. Yu., Spitsnadel V.B., etc. The people and the law. – St. Petersburg, 2001. – p. 165.
7. Gumilev L.N. Ethnogenesis and the biosphere of the earth. – Moscow, 2007. – p. 219.
8. Kokotov A.N. The Russian nation and Russian statehood. – Yekaterinburg: Publishing house of the USLA, 1994. – p. 11.
9. Maksimov A.N. Territorial organization of local self-government in Russia: problems of improving legal regulation: Dis. ...cand. jurid. Sciences. – M., 2010. – p. 65.
10. Miloserdov A.S. Taking into account historical and other local traditions as a principle in the system of organization of local self-government: dissertation of Dr. of Law. – Moscow, 2016. – p. 14, p. 87.
11. Misrokov T.Z. Constitutional and legal foundations of the formation and development of local self-government in the subjects of the Russian Federation: on the example of the Kabardino-Balkarian Republic: dissertation of Dr. of Law. – Moscow, 2013. – p. 44/
12. New encyclopedic dictionary. – Moscow, 2002. – p. 1410.
13. Panarin A.S. The temptation of globalism. – Moscow, 2003. – pp. 136–137.
14. Rosales H.M. Education of civic identity: on the relationship between nationalism and patriotism // Political studies. – 1999. – No. 6. – p. 100.
15. Savranskaya O.L. Legal foundations of local self-government // Socis. – 1997. – No. 1. – P. 35.
16. Timofeev N.S. Territorial limits of local self-government in the Russian Federation. – Moscow, 2007. – p. 72.
17. Trubnikov V.V. Improving the territorial organization of local self-government as a way to increase its effectiveness: municipal legal research: dissertation of Dr. of Law. – Tyumen, 2012. – p. 34, p. 37.
18. Usmanova R.M. The importance of taking into account historical and other local traditions for municipal legal regulation // State power and local self-government. – 2014. – No. 3. – pp. 46–50.
19. Chertkov A.N. Legal regulation of the territorial structure of Russia: concept and forecast: dissertation of Dr. of Law. – Moscow, 2012. – p. 73.
20. Shafirov G.G. Territorial foundations of local self-government in the Russian Federation // State and municipal administration. Actual problems of state and municipal management. – 2004. – p. 139.
21. Sheremet K.F. Formation of the legal base of local self-government in the Russian Federation // Local self-government: modern Russian experience of legislative regulation: textbook / edited by K.F. Sheremet, I.I. Ovchinnikov. – Moscow, 1998. – p. 41.
22. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the All-Russian vote on 01.07.2020) // Electronic resource: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (accessed: 19.02.2023).

Соблюдение принципов открытости и гласности счетной палатой РФ, как условие развития стратегического аудита

Пономаренко Кирилл Сергеевич,

преподаватель кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: p.kirill333@mail.ru

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что Счетная палата Российской Федерации, в стремлении обеспечить максимальную степень эффективности внешнего государственного аудита (контроля), для достижения своей стратегической цели – расширение возможностей исполнения Указов Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 и от 14 июля 2020 года № 474, определила основные задачи. В рамках данного исследования рассматривается одна из задач, которой является реализация принципов открытости и гласности в процессах принятия государственных решений посредством информирования общественности через сети «Интернет», а также информационных изданий государственных органов и органов местного самоуправления. Новизной данного исследования является анализ реализации указанных принципов на практике в рамках обозначенной Счетной палатой РФ миссии, предполагающей содействие справедливому государственному управлению, как условию достойной жизни человека и развития гражданского общества.

Ключевые слова: Счетная палата РФ; гражданское общество; федеральный закон; открытые данные; гласность; открытость; публичность; стандарты организации деятельности Счетной палаты РФ; стандарты внешнего государственного аудита (контроля); обращения граждан; мониторинг открытости.

В настоящее время органы государственной власти, государственные учреждения с целью развития гражданского общества и достойной жизни человека стремятся продемонстрировать открытость и гласность в своей деятельности, используя эти принципы, как условия решения поставленных задач, что свидетельствует об актуальности данной проблемы на любом уровне власти.

В современной России высшим независимым органом внешнего государственного аудита (контроля) является Счетная палата Российской Федерации, которая, способствуя реализации национальных проектов и задач социально-экономического развития страны, эффективно содействует при этом совершенствованию системы государственного управления, что и закреплено в качестве стратегической цели Счетной палаты в её Стратегии развития на 2018–2024 годы [10].

Одними из важных принципов, на основе которых Счетная палата РФ осуществляет внешний государственный аудит (контроль), являются принципы открытости и гласности, закрепленных в ст. 4 Федерального закона от 05.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О Счетной палате Российской Федерации» [2].

Поэтому целью настоящей статьи является рассмотрение приоритетных направлений деятельности Счетной палаты РФ в реализации принципов открытости и гласности.

Во исполнение Федерального закона от 05.04.2013 № 41-ФЗ Постановлением Коллегии Счетной палаты РФ от 15.03.2022 года утвержден в новой редакции Регламент Счетной палаты Российской Федерации [11], в ст. 3 которого характеризуются указанные принципы.

Так, полное и своевременное ознакомление должностных лиц объектов аудита (контроля) с целями и результатами контрольных и экспертно-аналитических мероприятий характеризует *принцип открытости*.

При этом следует учитывать, что при соблюдении рассматриваемого принципа аудируемые лица не могут быть ознакомлены с:

- промежуточными результатами контрольных проверок;
- данными экспертно-аналитических мероприятий;
- материалами, содержащими государственную тайну;
- иной тайной, охраняемой законом.

Принцип гласности характеризуется тем, что для всеобщего сведения в средствах массовой информации в установленном законом порядке,

в том числе на официальном сайте Счетной палаты в сети Интернет могут публиковаться:

- отчеты о результатах контрольных и экспертно-аналитических мероприятий, утвержденные Счетной палатой РФ;
- документы, подготовленные или разрабатываемые Счетной палатой в рамках выполнения возложенных на нее задач.

При этом необходимо помнить, что огласке не подлежат материалы, содержащие сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну.

Понятие «гласность», как политический термин впервые стало применяться в России в конце XIX века и означало открытость работы отдельных органов власти, прежде всего судебных, где разрешалось присутствие общественности и прессы, что ассоциировалось с судопроизводственной реформой Александра II (1818–1881 г.г.) [12].

С целью повышения публичности и прозрачности в деятельности правительства и ослабления цензуры этот термин широко использовал, как политический лозунг, руководитель Советского государства Горбачев М.С. в середине 80-х годов XX века [13].

В настоящее время ст. 29 Конституции РФ [1] запрещает цензуру, гарантирует свободу мысли и слова, массовой информации, позволяет распространять её любым законным способом.

Таким образом, в современный период развития государства и общества под гласностью, по нашему мнению, следует понимать свободу информации, распространяемую законным способом и политику максимальной публичности и открытости в деятельности государственных учреждений, как условие в достижении национальных целей России, развития современного гражданского общества и установления справедливости.

14 июля 2020 года Президент РФ Путин В.В. издал Указ № 474, в котором определены национальные цели развития России до 2030 года [8].

Наряду с этим указом продолжает действовать Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [7], за исключением пунктов 1 и 16, как утративших силу.

Во исполнение данных Указов Президента РФ Путина В.В. Коллегией Счетной палаты РФ, протокол от 03 августа 2018 г. № 39К (1260) утверждена Стратегия развития Счетной палаты Российской Федерации на 2018–2024 годы [10], в которой указано, что расширение возможностей достижения национальных целей развития России, является её стратегической целью.

Для достижения этой стратегической цели Счетная палата РФ намерена совершенствовать систему государственного аудита в стране, сосредоточившись на выполнении основных задач, определенных её Стратегией, при соблюдении принципов законности, эффективности, объективности, независимости, открытости и гласности [10].

При этом, чтобы государственные ресурсы направлялись на достижения национальных целей и решения стратегических задач развития России, Счетная палата РФ, используя принципы открытости и гласности, объективно информирует общество о нецелевом и неэффективном использовании ресурсов и злоупотреблениях в сфере финансов.

Итак, Счетная палата РФ, в стремлении обеспечить максимальную степень эффективности внешнего государственного аудита (контроля), для достижения своей стратегической цели – расширение возможностей исполнения Указов Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204[7] и от 14 июля 2020 года № 474[8], определила основные задачи.

В рамках данной темы исследования рассмотрим одну из них, а именно «укрепление культуры публичности и открытости процессов принятия государственных решений» [10].

Сосредотачиваясь на выполнении этой задачи, Стратегией Счетной палаты РФ определены приоритетные направления развития и совершенствования эффективности внешнего государственного аудита (контроля), которые сводятся к следующему:

- для органов власти и организаций, финансируемых из государственного бюджета разработать стандарты открытых данных;
- в целях оценки финансовых, коррупционных и других рисков организовать непрерывность мониторинга открытости, достоверности, полноты и качества данных в государственных информационных системах;
- в целях повышения публичности Счетной палаты РФ предоставлять в открытых источниках информацию о её деятельности на основе регулярной обратной связи с использованием открытых данных;
- в рамках достижения национальных целей и стратегических задач страны содействовать развитию мониторинга открытости в управлении органов власти, государственных организаций;
- развивать механизмы общественного контроля, а также парламентские и гражданские инструменты публичности, подотчетности и экспертизы [10].

Прежде чем рассмотреть понятие «открытые данные» отметим, что в Счетной палате РФ, на основании ст. 35 Федерального закона от 05.04.2013 № 41-ФЗ, разрабатываются и действуют стандарты по организации её деятельности, и стандарты внешнего государственного аудита (контроля), установленные стандартом Счетной палаты, регулирующим методологическое обеспечение по организации конкретной работы,

Указанные стандарты Счетной палаты РФ подлежат опубликованию на её официальном сайте в сети Интернет [2].

В настоящее время Счетной палатой РФ уже накоплен определенный опыт по информированию граждан о собственных правах и предостав-

лению им открытых данных по широкому кругу вопросов использования и расходования бюджетных средств в области здравоохранения, образования, безопасности, экономики и др., во исполнение следующих нормативных правовых актов:

- 1) Федерального закона от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [3];
- 2) Федерального закона от 14 июля 2022 года № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [4];
- 3) Указа Президента Российской Федерации от 07 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [5];
- 4) Указа Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [6].

Исполняя вышеуказанные нормативные правовые акты, Правительство РФ обеспечивает доступ к открытым данным, то есть, к информации, создаваемой госорганами и публикуемой в виде различных машиночитаемых форматов, например, ODS, JSON, CSV, XML и другие, в сети Интернет с целью обеспечения социально-значимых и общественно-полезных проектов [9].

При этом следует обратить внимание на то, что открытые данные могут поступать из различных источников.

С целью повышения активности общественного контроля наибольшие массивы открытых данных публикуются государственными органами, органами местного самоуправления и научным сообществом, на основе принципов открытости и гласности. Работа чиновников по обеспечению открытости деятельности своих органов способствует увеличению объема взаимодействия с гражданами.

Счетной палатой РФ на основе принципов открытости и гласности организован порядок работы с обращениями граждан и организаций, в том числе в форме электронных сообщений. [11, ст.ст. 52–56].

На официальном сайте в сети Интернет и в официальном информационном издании Счетной палаты, каковым является Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации, издаваемый в виде самостоятельного электронного издания, публикуется вся информация, кроме информации, содержащей государственную тайну, о деятельности Счетной палаты РФ [11, ст.ст. 57–59].

Так, например, в Бюллетене Счетной палаты Российской Федерации опубликован отчет о завершённых контрольных и экспертно-аналитических мероприятиях, проведенных в сфере обязательно-го медицинского страхования.

Анализ Счетной палаты показал, что для эффективной работы системы органов обязательного медицинского страхования не хватает прозрачности и достаточного нормативного регулирования [14].

Таким образом, на практике реализуются принципы открытости и гласности, на основе которых Счетная палата РФ стремится проявлять максимальную степень открытости завершённых контрольных и экспертно-аналитических мероприятий, обеспечивая доступность информации для граждан страны и способствуя содействию справедливому государственному управлению, как условию достойной жизни человека.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.12.2022).
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О счетной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.
3. Федеральный закон от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 7. Ст. 776.
4. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Российская газета. 2022. № 154 (8802).
5. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Российская газета. 2012. 10 мая.
6. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.
7. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. Ст. 2817; № 30. Ст. 4717.

8. Указ Президента Российской Федерации от 14.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Российская газета. 15 июля 2020.
9. Постановление Правительства РФ от 10.07.2013 № 583 «Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления на их официальных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных» // Российская газета. 11 июля. 2013.
10. Стратегия развития Счетной палаты Российской Федерации на 2018–2024 годы. Утверждена Коллегией Счетной палаты Российской Федерации, протокол от 03.08. 2018 № 39К (1260) // Российская газета. 2018. 05 августа 2018.
11. Постановление Коллегии Счетной палаты РФ от 15.03.2022 года «Об утверждении Регламента Счетной палаты Российской Федерации» // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. № 3. 2022.
12. Случевский В.К. Гласность // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
13. Высшие органы государственной власти и управления России в IX–XX вв.: Справочник / Ред. А.С. Тургаев. СПб.: Издательство СЗАГС. 2000. 368 с.
14. Суркова А. Государственное управление обязательным медицинским страхованием. М., 2020. 100 с.

COMPLIANCE WITH THE PRINCIPLES OF OPENNESS AND TRANSPARENCY BY THE ACCOUNTING CHAMBER OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A CONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF STRATEGIC AUDIT

Ponomarenko K.S.

O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

The relevance of the research topic is due to the fact that the Accounts Chamber of the Russian Federation, in an effort to ensure the maximum degree of effectiveness of external state audit (control), in order to achieve its strategic goal – expanding the possibilities of executing Presidential Decrees No. 204 of May 7, 2018 and No. 474 of July 14, 2020, has identified the main tasks. Within the framework of this study, one of the tasks is considered, which is the implementation of the principles of openness and transparency in the processes of public decision-making through informing the public via the Internet, as well as information publications of state bodies and local self-government bodies. The novelty of this study is the analysis of the implementation of these principles in practice within the framework of the mission designated by the Accounting Chamber of the Russian Federation, which involves the promotion of fair public administration as a condition for a decent human life and the development of civil society.

Keywords Accounts Chamber of the Russian Federation; civil society; federal law; open data; publicity; openness; publicity; standards

of organization of the Accounts Chamber of the Russian Federation; standards of external state audit (control); appeals of citizens; monitoring of openness.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7- FKZ, dated 05.02. 2014 No. 2 FKZ, dated 01.07.2020 No. 11-FKZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 01.07.2020, No. 31, Article 4398; Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of appeal: 01.12.2022).
2. Federal Law No. 41-FZ of 05.04.2013 “On the Accounts Chamber of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 14. St. 1649.
3. Federal Law No. 8-FZ of February 9, 2009 “On Ensuring access to information on the activities of State bodies and Local Self-Government bodies” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. No. 7. Article 776.
4. Federal Law No. 270-FZ of July 14, 2022 “On Amendments to the Federal Law “On Ensuring Access to Information on the Activities of State Bodies and Local Self-Government Bodies” and Article 10 of the Federal Law “On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta. 2022. № 154 (8802).
5. Decree of the President of the Russian Federation No. 601 dated 07.05.2012 “On the main directions of improving the system of public administration” // Rossiyskaya Gazeta. 2012. May 10.
6. Decree of the President of the Russian Federation No. 203 dated 09.05.2017 “On the Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 15.05.2017. No. 20. St. 2901.
7. Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2018 No. 204 “On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 20. St. 2817; No. 30. St. 4717.
8. Decree of the President of the Russian Federation dated 14.07.2020 No. 474 “On National development goals of the Russian Federation for the period up to 2030” // Rossiyskaya Gazeta. July 15, 2020.
9. Decree of the Government of the Russian Federation No. 583 dated 10.07.2013 “On providing access to publicly available information on the activities of state bodies and local self-government bodies on their official websites on the Internet information and telecommunications network in the form of open data” // Rossiyskaya Gazeta. July 11. 2013.
10. Development Strategy of the Accounts Chamber of the Russian Federation for 2018–2024. Approved by the Board of the Accounts Chamber of the Russian Federation, Protocol No. 39K (1260) dated 03.08.2018 // Rossiyskaya Gazeta. 2018. 05 August 2018.
11. Resolution of the Board of the Accounts Chamber of the Russian Federation dated 03/15/2022 “On approval of the Regulations of the Accounts Chamber of the Russian Federation” // Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation. No. 3. 2022.
12. Sluchevsky V.K. Glasnost // Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 t. (82 t. and 4 add.). St. Petersburg., 1890–1907.
13. The highest bodies of state power and administration of Russia in the IX–XX centuries.: Handbook / Ed. A.S. Turgaev. St. Petersburg.: Publishing House SZAGS. 2000. 368 p.
14. Surkova A. State management of compulsory medical insurance. M., 2020. 100 p.

О правах чужеземцев в Древней Руси (частноправовой аспект)

Блинова Юлия Викторовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры
гражданского права, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный
университет»
E-mail: jblinova@yandex.ru

В настоящей статье рассматриваются частные права чужеземцев в Древней Руси. Следует отметить, что характерной чертой древнерусского права было сравнительно мягкое отношение к иностранцам, которым уже в X веке были предоставлены многие права. Древнерусское право знало две категории чужеземцев: временные гости и оседлые иностранцы; в качестве переходной категории выступали гостинные двory (фактории). Наибольшими правами обладали оседлые иностранцы, которые со временем могли приобретать все движимые имущества, включая холопов, а затем и недвижимость. Для древнерусского периода было характерно предоставление иностранцам более благоприятных прав, чем туземцам, что объяснялось молодостью правовой культуры в Древней Руси, прагматическими целями, религией христианства.

Ключевые слова: древнерусское право, чужеземцы, гостинные двory, более благоприятные права.

Рассмотрению прав иностранцев в Древней Руси следует предпослать три оговорки. Во-первых, источники права древнерусского периода, а также последующая юридическая аналитика по вопросам этого периода проводили, как правило, разграничение понятий «иноземец» (житель другого региона) и «чужеземец» (иностранец). Соответственно, применительно к теме настоящей статьи интерес вызывают исключительно лица, которые сегодня именуются иностранцами. Во-вторых, в настоящей статье понятие «Древняя Русь» согласуется с общепризнанным и распространяется на период с IX по XII века [2, с. 5; 9, с. 7; 8, с. 8; 7, с. 16]. В-третьих, несмотря на не сложившееся в древнерусском законодательстве деление на частное и публичное, предметом настоящей статьи являются преимущественно частные права иностранцев в Древней Руси.

По утверждению многих авторитетных исследователей древнего права, чужеземцы зачастую терпели серьезные ограничения в правах, что являлось распространенной практикой того времени. Например, в Европе вплоть до XVI–XVII веков существовали постановления: *Wildfangsrecht* (право каждого гражданина охотиться за иностранцем и в случае поимки обращать его в рабство); *Strandrecht* (право берегового владельца на вещи и личность иностранца, потерпевшего у его владений кораблекрушение); *droit d'aubain* (право государства наследовать имущество после иностранца) [5, с. 449; 1, с. 3–5; 12, с. 4–5; 16, S. 2]. И вполне резонно, что по мере движения в глубь времен объем прав иностранцев неуклонно снижался, вплоть до нулевого показателя [14, с. 218; 16, S. 1–3].

Ограничение прав иностранцев следует вывести из множества причин: замкнутость, исключительность первобытных социумов [1, с. 2; 13, с. 169–170; 14, с. 218], что препятствовало проникновению в социум всех представителей иных социумов, с одной стороны. Как писал В.Н. Лешков, «соплеменность составляла единственное условие мира и дружбы между народами, первоначально одна давала право на гражданство в древних республиках» [12, с. 2]. Кроме того, не стоит забывать, что немалую долю иностранцев первично составляли побежденные воины или лица, нарушившие нормы в своем социуме, что также не добавляло расположения к иностранцам и не приводило таким образом к уравниванию их в правах. Мимоходом заметим, что изгнание из рода другими родичами («выбитие вон из земли») как члена пороч-

ного и вредного для их спокойствия, как преступника неисправимого Н.В. Калачев называет в качестве одного из оснований изгойства [11, с. 58]. Описывая первоначальную историю государства, И.Е. Андреевский весьма убедительно разъясняет психологию замкнутости обществ того времени: «При семейственном быте народа, при его раздельности, при отсутствии у него городов, всякая другая нация вообще, и каждый член ее в особенности, не могут быть иначе им рассматриваемы, как враги: от них он ничего не может ожидать, кроме набегов и вытеснения с лучших земель на худшие» [1, с. 20].

С другой стороны, ограничения прав иностранцев обуславливаются спецификой права древних народов, включая и Древнюю Русь. По широко разделяемому мнению, в Древней Руси обычай как правовой регулятор имел определяющее значение, соответственно, «все то, что было, имеет тем самым право на существование», а захват, давность владения и труд («куда соха, топор и коса ходили»¹) как основания возникновения права собственности были более доступны пониманию судей и общества, чем юридические конструкции [9, с. 35–36; 2, с. 15; 8, с. 25–26; 15, с. 361]. Поэтому, следуя данной логике, того, кого не было вчера, могло не быть в силу обычая и сегодня, даже если фактически лицо уже находилось внутри социума. В дальнейшем, с появлением и развитием торговли не стала и она исключением в выборе правового регулятора: например, по замечанию Г. Сартриуса, печатных документов о ганзейской русской торговле или привилегиях почти не было в архивах в то время, «но помнили, что торговля в Новгороде была беспошлинная, и потому весьма выгодная» [цит. по: 3, с. I].

В славянском праве, напротив, наблюдалось сравнительно мягкое отношение к иностранцам [5, с. 449; 12, с. 2]. Уже по договорам русских с Византией X века было отменено береговое право по берегам Черного моря; руссы и греки обязывались оказывать друг другу содействие в случае аварии, например: «корабль, занесенный бурей к берегам, провожать в безопасное место, груз с разбитого корабля или вырученные за его продажу деньги возвращать его хозяину с послами или гостями» [3, с. 23–24]. Имущество иностранца, умершего на чужбине и не оставившего завещания, не наследовалось государством, а передавалось его родственникам на родине. Сверх того, по договорам Руси с Константинополем русские купцы могли получать даровое месячное содержание, а также брать в обратную дорогу пищу и все

¹ Д.Х. Биллингтон усматривает особое значение топора в древнерусской культуре как отражение сурового быта и, надо полагать, закона: «Сопряженность борьбы за материальное начало и торжество духа в Древней Руси лучше всего демонстрируют два предмета, традиционно висевшие рядом на стене, в красном углу каждой крестьянской избы: топор и икона. Топор был главным и незаменимым орудием в Великой Руси: с его помощью человек подчинял себе лес. Икона, или священный образ, являлась вездесущим напоминанием о вере, которая хранила жителя беспокойных окраин и указывала высшую цель его земного существования [4, с. 56].

нужное даром [3, с. 24]. Инициатива заключения таких договоров, по мнению Б.Н. Земцова, исходила от греков, потому как русское общество X века оставалось социально единым и гражданских норм в нем быть не могло, что одновременно сигнализировало о более низком уровне правовой культуры Киевской Руси X века [8, с. 26]. Противоположное мнение об уровне правовой культуры высказывают Л.П. Белковец и В.В. Белковец, ссылаясь на уже употребленные в текстах договоров 911 и 944 годов термины «закон русский» и «устав и закон русский». Однако же абзацами ниже про последующие XI и XII века авторы заявляют, что «Русь как прилежная ученица усваивала чужое право, приспособлявая его к условиям местной жизни» [2, с. 15]. Учитывая же социальную однородность общества X века, трудность жизни в Киевской Руси по сравнению с Европой или Востоком, а потому медленный характер изменений, думается, что в обсуждаемом вопросе Б.Н. Земцов ближе к истине.

Сверх того, в древнерусском праве встречались и нормы, ставившие чужеземцев в более выгодное положение по сравнению с туземцами: в статье LV Русской Правды устанавливался приоритет иностранцев при конкурсном взыскании из имущества должника [10, с. 162–163], что М.Ф. Владимирский-Буданов объясняет «экономической пассивностью Древней Руси, получавшей необходимые товары из других стран при посредстве гостей-купцов» [5, с. 450]. Интересно, что по Смоленскому договору 1229 года («Мстиславова Правда») приоритет кредитора-чужеземца устанавливался даже перед князем, а долги распространялись на наследников [3, с. 94–95]. Косвенно мысль о привилегиях для иностранцев больших, чем для самих туземцев, подтверждает в своей работе Ризенкамф, заключая, что торговля для Ганзы была более выгодна, чем для Новгорода [цит. по: 3, с. II]. Еще одним преимуществом иностранцы обладали в судебном процессе: для подтверждения справедливости своих слов они могли ограничиться присягой и не приводить свидетелей [1, с. 37].

Ф.Ф. Витте в зависимости от объема прав иностранцев и источников права выделял три периода правового положения иностранцев в России: 1) с древнейших времен и до 1649 года; 2) с 1649 года по 1832 год; 3) с 1832 года по настоящее время (т.е. по вторую половину XIX века) [16, S. 2–3]. Первый период характеризовался тем, что иностранцам предоставлялись иногда более благоприятные права, чем туземцам; важнейшими источниками права были Русская Правда, древние договоры, Судебники 1497 и 1550 года. Вторым периодом знаменовался переходом к праву иностранцев, в котором содержались необходимые ограничения прав иностранцев; основным источником выступало Соборное уложение Алексея Михайловича 1649 года. Наконец, наступление третьего периода связывалось с появлением свода законов Российской империи 1832 года. Таким образом, предоставление иностранцам более благоприятных прав в первом

периоде (включая и древнерусский), по Ф.Ф. Вите, выступает сущностной характеристикой начального периода древнерусского права. Наделение чужеземцев более благоприятными правами можно объяснить комплексом причин: молодостью правовой культуры в Древней Руси, прагматическими целями (княжьи нужды), религией христианства. О последнем красноречиво высказывается В.Н. Лешков: «С религией христианства идея племени исчезла; народные симпатии и антипатии потеряли свою силу, круг братства расширился на все христианские общества без различия происхождения, обычаев, языка ... Но до реформации одна Россия могла хвалиться своей терпимостью...» [12, с. 2].

Древнерусское право знало две категории чужеземцев: временные гости и оседлые иностранцы. Гости «временно усвоились семьей, принявшей их», к примеру, через прикосновение к домашнему очагу, и становились под кровом семьи неприкосновенными (временная натурализация в семье) [5, с. 449]. Данная процедура чрезвычайно напоминает по смыслу институт частного гостеприимства (патроната) в Древнем Риме [6, с. 57–168], потому правы ученые, кто относят институт к общему праву всех первобытных народов; есть, однако, ученые, отрицающие любое иностранное заимствование Русской Правдой и объясняющие сходство правового регулирования к сходству общественно-экономического строя Руси и соседних стран [15, с. 371]. Постепенно права, предоставленные гостям, становятся недостаточными, и их отсутствие восполняется заключаемыми договорами. Так, в статье 30 Договора с немцами последним разрешается приобретать движимое имущество, вступать в обязательственные отношения с гражданами и иметь определенные привилегии [5, с. 449–450].

Переходную ступень между гостями и оседлыми иностранцами составляли гостиные дворы (фактории) – отдельные замкнутые общины (ганзейский двор в Новгороде, двор Регенбургских купцов в Киеве и др.), где иностранцы могли пользоваться не лично, а коллективно как юридическое лицо (купеческая корпорация) полными правами гражданства, включая правом владения недвижимым имуществом как внутри двора, так и за его пределами. Двор выбирал себе представителя (ольдермана), который обладал правом верховного управления и суда во дворе, а также представлял двор в отношениях с Новгородом и другим немецким купечеством. Кроме ольдермана двора гости выбирали ольдерманов св. Петра, которые собирали штрафы и пошлины, а также вели хозяйственную часть двора и церкви. Население двора менялось два раза в год между зимними и летними гостями. При этом внутренние права и устройство двора были основаны на принципе экстерриториальности [5, с. 450; 3, с. 62, 64]. Соответственно, можно заключить, что гостиные дворы представляли собой прообразы фактических отношений договора простого товарищества либо юридического лица в Древней Руси.

Вторая категория чужеземцев – оседлое население городов из иностранцев – поселялись в особых частях города и соединялись в отдельные общины с внутренним устройством по отечественному образцу, но подчинялись общей системе податей и повинностей. Сначала такие иностранцы пользовались только теми правами и привилегиями, что и гости, но затем получили право приобретать недвижимость в собственность и «положили основание особому классу привилегированных горожан» [5, с. 450–451]. Т. н. привилегированный класс мог владеть домами в городах и ненаселенной землей. А первый пример покупки недвижимого имущества иностранцем датируется началом XII века, когда Преподобный Антоний Римлянин для своего монастыря приобрел земли в Новгороде. Из недвижимых имуществ иностранцы не могли владеть вотчинами иначе, как по особым разрешениям и пожалованиям правительства. Но при владении недвижимыми имуществами иностранцам должны были принадлежать все законные способы распоряжения и отчуждения недвижимости [1, с. 36].

Дарование чужеземцам права приобретать сначала в форме владения, а затем и в собственность недвижимость на территории своего государства является важнейшей привилегией, уравнивающей их в частных правах с туземцами, поскольку таким образом у иностранцев появлялась тесная связь с другим государством со всеми вытекавшими из зачатков международного частного права последствиями. Вместе с тем, право собственности иностранцев (и особенно на недвижимость) выступает всегда первым бастионом, на который летят стрелы при ухудшении международной повестки, ибо как писал С.А. Муромцев, «... существенный прогресс в развитии гражданского права произошел лишь ... тогда, когда гражданские права не только защищались, но также устанавливались и прекращались по инициативе частных лиц» [13, с. 47].

Что касается движимого имущества, то владение им иностранцами осуществлялось по общему правилу в полном объеме, без всяких ограничений [1, 36]. Так, из норм Русской Правды следует, что иностранцы могли приобретать холопов. Единственное исключение здесь было связано с ограничениями из церковного права, которое запрещало приобретать евреям и нехристианам холопов-христиан [Н. Калачев, цит. по: 1, с. 36].

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что распространенной практикой древнего периода являлось значительное ограничение прав иностранцев по сравнению с туземцами. Тем не менее в Древней Руси чужеземцы встречали сравнительно мягкое обхождение, иногда даже превосходившее по привилегиям местное население, что объяснялось молодостью правовой культуры в Древней Руси, прагматическими целями, религией христианства. Древнерусское право знало две категории чужеземцев: временные гости и оседлые иностранцы; в качестве переходной категории вы-

ступали гостинные дворы (фактории). Наибольши-ми правами обладали оседлые иностранцы: нача-лом XII века датировано первое приобретение ино-странцем недвижимости.

Литература

1. Андреевский И.Е. О правах иностранцев в Рос-сии до вступления Иоанна III на престол. СПб.: Типография Я. Трея, 1854. 142 с.
2. Белковец Л.П., Белковец В.В. История госу-дарства и права России: курс лекций. Новоси-бирск: Новосибирское книжное издательство, 2000. 216 с.
3. Бережков М. О торговле Руси с Ганзой до кон-ца XV века. СПб.: Типография В. Безобразова и Комп., 1879. 267 с.
4. Биллингтон Д.Х. Топор и икона. Опыт истолко-вания русской культуры. М.: Рудомино, 2001. 880 с.
5. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Издательский дом «Терри-тория будущего», 2005. 800 с.
6. Гурлянд И.Я. Идея патроната, как идея вну-треннего управления // Временник Демидов-ского юридического лицея. 1898. Кн. 73. С. 57–168.
7. Згоржельская С.С. и др. История отечествен-ного государства и права: учебное пособие. М.: РАП, 2013. 315 с.
8. Земцов Б.Н. История государства и права Рос-сии: учебное пособие. М.: Изд. центр ЕАОИ, 2008. 336 с.
9. Исаев И.А. История государства и права Рос-сии: учебник. М.: Юристъ, 2004. 797 с.
10. Калачев Н. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды: труд. Вып. 1. СПб.: Типо-Литография А.Е. Ландау, 1880. 263 с.
11. Калачев Н.В. О значении изгоев и состоянии изгойства в Древней Руси // Архив историко-юридических сведений, относящихся до Рос-сии, издаваемый Николаем Калачевым. Кн. 1. М.: Типография А. Семена, 1850. С. 55–72.
12. Лешков В.Н. Взгляд на состояние права ино-странцев, по началам европейского народного права вообще, и в особенности по законам от-ечественным // Юридические записки, издава-емые П. Редкиным. 1842. Т. 2. С. 1–29.
13. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима: лекции. М.: Типография А.И. Мамонтова и К, 1883. 697 с.
14. Уляницкий В. Международное право: (вместо литографического издания лекций). Томск: Ти-пография Сибир. Т-ва Печат. Дела, 1911. 460 с.
15. Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М.: Зерцало-М, 2002. 378 с.
16. Witte F.F. Die Rechtsverhältnisse der Ausländer in Russland. Dorpat: Gedruckt bei J.C. Schun- mann's Wittwe, 1847. 94 S.

ON THE RIGHTS OF FOREIGNERS IN ANCIENT RUS' (PRIVATE LAW ASPECT)

Blinova Yu.V.
Altai State University

This article discusses the private rights of strangers in Ancient Rus'. One should note that a characteristic feature of ancient Russian law was a relatively mild attitude towards foreigners, who had got granted many rights already in the 10th century. Old Russian Law divid- ed strangers into two categories: temporary guests and settled fore- eigners; gostiny dvor (factory) was a transitional category. Settled foreigners had the greatest rights, who over time could acquire all movable property, including serfs, and then real estate. The ancient Russian period seems to be defined by the granting of more favora- ble rights to foreigners than to natives, we explain the fact by the youth of the legal culture in Ancient Rus', pragmatic goals, the reli- gion of Christianity.

Keywords: Old Russian Law, strangers (foreigners), gostiny dvor, more favorable rights.

References

1. Andreevsky I.E. On the Rights of Foreigners in Russia before the Accession of John III to the Throne. St. Petersburg: Ya. Trey Printing House, 1854. 142 p.
2. Belkovets L.P., Belkovets V.V. History of the State and Law of Russia: a Course of Lectures. Novosibirsk: Novosibirsk Book Publishing House, 2000. 216 p.
3. Berezhkov M. On the Trade of Rus' with the Hansa until the End of the 15th Century. St. Petersburg: Printing House of V. Bezo- brazov and Komp., 1879. 267 p.
4. Billington D.H. Ax and Icon. Experience in the Interpretation of Russian Culture. M.: Rudomino, 2001. 880 p.
5. Vladimirsky-Budanov M.F. Review of the History of Russian Law. M.: Publishing House «Territory of the Future», 2005. 800 p.
6. Gurlyand I. Ya. The Idea of Patronage as an Idea of Internal Management // Vremnik of the Demidov Legal Lyceum. 1898. Book 73. P. 57–168.
7. Zgorzhelskaya S.S. and other. History of the Domestic State and Law: a Tutorial. M.: RAP, 2013. 315 p.
8. Zemtsov B.N. History of the State and Law of Russia: a Text- book. M.: Ed. Center EAOI, 2008. 336 p.
9. Isaev I.A. History of the State and Law of Russia: a Textbook. Moscow: Yurist, 2004. 797 p.
10. Kalachev N. Preliminary Legal Information for a Complete Ex- planation of the Russkaia Pravda: Work. Issue 1. St. Peters- burg: Type-Lithography A.E. Landau, 1880. 263 p.
11. Kalachev N.V. On the Meaning of Outcasts and the State of Outcasts in Ancient Rus' // Archive of Historical and Legal In- formation Related to Russia, Published by Nikolai Kalachev. Book 1. M.: Printing House A. Semyon, 1850. P. 55–72.
12. Leshkov V.N. A Look at the State of Law of Foreigners, Accord- ing to the Principles of European Folk Law in General, and in Particular According to Domestic Laws // Legal Notes Published by P. Redkin. 1842. Vol. 2. P. 1–29.
13. Muromtsev S.A. Civil Law of Ancient Rome: Lectures. M.: Print- ing House A.I. Mamontova and K, 1883. 697 p.
14. Ulyanitsky V. International Law: (Instead of Lithographic Publi- cation of Lectures). Tomsk: Typography Sibir. T-va Print. Dela, 1911. 460 p.
15. Yushkov S.V. Russkaia Pravda. Origin, Sources, its Signifi- cance. M.: Zertsalo-M, 2002. 378 p.
16. Witte F.F. Die Rechtsverhältnisse der Ausländer in Russland. Dorpat: Gedruckt bei J.C. Schunmann's Wittwe, 1847. 94 S.

Правовые и организационные меры санкционной адаптации судостроения России

Тимохов Виктор Петрович,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: tvp1986@yandex.ru

Гомонов Николай Дмитриевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры юриспруденции Мурманского государственного арктического университета
E-mail: Gomonov_Nikolay@mail.ru

Труш Владимир Михайлович,

кандидат психологических наук, психолог психологической лаборатории ФКУ ИК-16 УФСИН России по Мурманской области
E-mail: krist56@mail.ru

В данной статье авторы проводят анализ мер, направленных на противодействие негативным последствиям санкционной политики Запада на промышленность России, в частности, на судостроение. Констатируется, что принятие адаптационных мер должно быть неотложным, эффективным и адекватным возникшим вызовам. В этой связи понимание сущности организационной и правовой составляющих адаптации судостроения к современным условиям представляется весьма актуальным. В результате предполагается не только компенсировать вред обозначенного воздействия, но и стимулировать сам процесс судостроения. Правовые меры должны состоять не только из изменений отечественного законодательства, но и учитывать особенности юридических систем потенциальных зарубежных государств-контрагентов. Ведущим организационным моментом является наличие крупного гарантированного заказчика в виде российского государства, заинтересованного в строительстве судов различных классов. Комбинация правовых и организационных мероприятий, адаптирующих и стимулирующих отечественное грузовое судостроение, позволит вывести нашу страну в число лидеров этой отрасли, что обеспечит финансово-экономическую устойчивость и суверенитет России.

Ключевые слова: правовые меры, организационные меры, санкции, адаптация, судостроение, заказчик.

Весьма сложная международная обстановка диктует необходимость принятия срочных эффективных и адекватных государственных мер, направленных на компенсацию негативного санкционного воздействия на промышленность нашей страны, в частности, на судостроение. В указанном аспекте возникает потребность в выработке правовых и организационных мероприятий, призванных не только компенсировать вред обозначенного воздействия, но и стимулировать сам процесс судостроения в нашей стране. Практика показала, что с помощью морских перевозок возможна эффективная расшивка искусственно созданных странами Запада «узких мест», направленных на уничтожение и ослабление промышленного потенциала нашего государства. В этой связи понимание сущности организационной и правовой составляющих адаптации отечественного судостроения к современным условиям представляются весьма актуальными.

Односторонние дискриминационные меры в отношении России некорректно называют «санкциями», однако, согласно международно-правовым документам, санкции могут вводиться только решением Совета Безопасности ООН. Уже введенные, а также планируемые к введению странами Запада, они являются инструментом, в первую очередь, экономического уничтожения России.

Девятый по счету санкционный пакет Европейского Союза, принятый на саммите ЕС 16 декабря 2022 г. [1], в очередной раз расширил, в частности, запрет на инвестиции в российский энергетический сектор, доходы которого формируют значительную часть федерального бюджета. Так, по информации от 26 октября 2022 г., доля нефтегазовых доходов в бюджете РФ за 2022 г. должна составить 42,1% (6563,6 млрд руб.), в 2023 году – 34,2%, в 2024 году – 31,8% [2].

Газ, нефть, уголь и производимая из них продукция не только удовлетворяют внутренний спрос, но и широко экспортируются. Для увеличения добычи этих углеводородов и, соответственно, пополнения бюджетов всех уровней за счет налогов на добычу полезных ископаемых, на прибыль организаций и др., российские предприятия не только занимаются извлечением из недр этих сырьевых ресурсов, но и ведут работы по вводу в эксплуатацию различных перспективных месторождений полезных ископаемых.

Так, уже в 2023 году ООО «Северная звезда» холдинга AEON начнет отгружать продукцию с Сырадасайского угольного месторождения, расположенного на севере Красноярского края. «Север-

ная звезда» будет поставлять оттуда качественный коксующийся уголь, цена которого в разы дороже обычного энергетического угля, так как он необходим для производства стали. Разведанных на Сырадасае запасов угля хватит на ближайшие 500 лет добычи. Для полноценной, эффективной и долговременной эксплуатации месторождения там строятся обогатительная фабрика, в устье реки Енисей – морской порт «Енисей», аэропорт «Таймыр», железная дорога и другая инфраструктура [3].

Другим перспективным месторождением углеводородов, к освоению которого приступили в России, является проект «Восток Ойл», объединяющий 13 нефтеносных кластеров, расположенных на территории самого большого российского полуострова Таймыр, также находящегося на севере Красноярского края. Геологоразведочные работы там начали в 2000 году, а уже к сентябрю 2022 года запасы нефти, поставленные на государственный учет по результатам изыскательских работ, выросли с 0,5 млрд тонн [4] до 6,5 млрд тонн [5]. Уникальность этого месторождения состоит не только в его размерах, но и в качестве нефти: содержание серы в ней всего 0,01–0,04%, в то время как у самого распространенного сорта Brent – 0,45%. Такие характеристики позволяют продавать ее по более высокой цене. ПАО «Роснефть», являющееся эксплуатантом «Восток Ойла», уже приступило к промышленной добыче нефти. Отгрузка ее покупателям возможна только по Северному морскому пути со стартом в Бухте Север Енисейского залива, куда и прокладываются нефтепроводы. Длина нефтепровода от Ванкорского месторождения до Бухты Север составляет 770 км, семь километров из которых проложат в туннеле под рекой Енисей [6].

Полноценный ввод в эксплуатацию только двух указанных проектов позволит государству получить значительные финансовые средства в виде налога на добычу полезных ископаемых, налога на прибыль, дивидендов (Россия является крупнейшим акционером Роснефти), и др. Строительство и обустройство промышленных площадок, жилья для работников, транспортной и другой инфраструктуры в нежилых районах Крайнего Севера дает толчок к развитию других смежных российских производств. Так, только у КамАЗа Роснефть приобрела для использования на Таймыре несколько тысяч грузовых автомобилей.

С учетом значимости для экономики и бюджета России эффективной эксплуатации Сырадасайского угольного и Таймырского нефтяного месторождений, государство в обязательном порядке должно оказывать содействие предприятиям, несущим огромные финансовые расходы на разведку месторождений и ввод их в эксплуатацию. Для этого государство располагает различным экономико-правовым инструментарием: предоставлением инвестиционного налогового кредита, государственными гарантиями кредиторам и т.д.

Становится очевидным, что в череде адаптационных мероприятий одним из важнейших, и даже первоочередным, требующим скорейшей реализации, становится доставка значительной по объему и массе продукции покупателям, находящимся на значительном удалении от места выработки. Такие перевозки сейчас возможны только железнодорожным и морским транспортом. Однако неразвитость и загруженность железных дорог, особенно восточного (Китайско-Индийского) направления, определяет необходимость приоритетного использования морских судов, в первую очередь, ледового класса. Кроме того, себестоимость перевозки угля и нефти на большие расстояния судами значительно ниже себестоимости железнодорожных перевозок.

Сегодня экономическая и политическая реальность заставляет российский бизнес уходить из Европы и искать другие рынки сбыта своей продукции. Такими рынками, как нам представляется, являются страны южно-азиатского региона (Вьетнам, Индия, Китай и др.), а также страны других континентов. Так, например, о поставках больших объемов дизельного топлива была достигнута договоренность с Бразилией [7]. Поставки жидкого и твердого углеводородного сырья в названные страны целесообразно и возможно осуществлять только морскими судами.

Однако своих судов у российских компаний очень мало, так как с начала 90-х годов на протяжении длительного времени судостроительная отрасль находилась в стагнации, что приводило к закрытию производств, утрате компетенций по проектированию и строительству судов. Как результат, для перевозки необходимых грузов не только количественно не хватает судов, но и большинство эксплуатируемых российскими предприятиями судов не являются современными, их эксплуатация все более затратна из-за необходимости частого технического обслуживания и ремонта. В настоящее время единственной крупной транспортной компанией России является Совкомфлот, которая была создана на основании Указа Президента РФ в 2007 г. [8]. Но и она ныне вынуждена распродавать несколько десятков «возрастных» судов 1970–80-х годов постройки [9].

Отсутствие собственных судов у российских компаний-экспортеров приводит к значительному снижению уровня доходов от реализации продукции. Из-за опасения попасть под санкции, вводимые правительством США и Еврокомиссией, а также отдельными западными странами, компании-судовладельцы закладывают соответствующие риски в стоимость фрахта судов. Кроме того, судно и перевозимый груз подлежат страховке. В свою очередь, компании-страховщики существенно повышают стоимость такой страховки. Все это приводит к тому, что российский товар вынужденно продолжает торговаться на мировых рынках с существенным дисконтом, который на максимуме доходил до 30–40% от цены аналогичного товара. Так, в апреле 2022 г. у сингапурского трейдера Trafigura

дисконт российской нефти марки Urals составил \$34,8 за баррель [10].

Гражданское судостроение, в отличие от военного, где заказчиком является Министерство обороны РФ, до последнего времени практически не имело заказов на постройку судов от отечественных компаний, которым дешевле было размещать заказы на вервях Южной Кореи, Китая и т.д. Однако ситуация с размещением заказов на отечественных судостроительных вервях резко улучшилась в связи с принятием Правительством РФ двух постановлений [11; 12], согласно которым квота на вылов (добычу) морских биологических ресурсов, предоставляемая рыболовному предприятию, зависела от наличия у него рыболовного судна отечественной постройки или наличия инвестиционного договора на постройку такого судна. Постановлениями также установлены зависимость размера квоты от объекта инвестиции (траулеры-процессоры различной длины, рыбопромысловые суда разной тоннажности, траулеры-свежьювики и др. для ряда рыбохозяйственных бассейнов). Всего на инвестиционные цели государство решило направить 20% квот. Простая идея о предоставлении квоты взамен инвестиционного проекта на строительство судна дала результат: в рамках программы «квоты под киль» начато строительство более ста судов.

Следует отметить, что проекты рыболовецких судов и судов-краболовов являются почти всегда индивидуальными, так как разрабатываются для конкретного заказчика, планирующего вылов данных видов биоресурсов в определенных условиях глубины погружения трала, вида трала, предельного количества улова, места лова, и др. Это затрудняет серийную постройку судов и, соответственно, повышает время их изготовления и себестоимость.

В отличие от рыболовных судов, назначение и район эксплуатации которых обуславливают многочисленность их проектов, типоразмеры нефтеналивных танкеров единичны. Они определяются дедвейтом судна, то есть разностью между полным и порожним водоизмещением, и способностью проходить значимые в мире транспортные каналы. Так, «Panamax» с дедвейтом около 65 000 тонн способен проходить по Панамскому каналу, «Suezmax» с дедвейтом около 150 000 тонн, способен пройти через Суэцкий канал. Самыми востребованными в настоящее время являются «Aframax» (нефтеналивные танкеры с дедвейтом от 80 000 тонн до 120 000 тонн) [13].

Примерно такую же классификацию, определяемую тоннажностью и способностью проходить через каналы, имеют суда для перевозки сыпучих грузов – балкеры, массовое строительство которых по единым проектам значительно дешевле, чем строительство рыболовных судов. Указанные обстоятельства, а также масштабность нефтяных, угольных и газовых месторождений, разрабатываемых вблизи побережья Северного Ледовитого океана, обуславливают необходимость использования для перевозки полезных ископаемых рос-

сийских судов усиленного ледового класса, способных проходить по ледовым полям Северного морского пути. Изготавливать такие грузовые суда можно практически поточным методом по нескольким типовым проектам, разработанным в государственных конструкторских бюро или у других проектировщиков по государственному заказу.

Государству необходимо стимулировать строительство таких судов российскими предприятиями путем установления правил, подобных квотным правилам для рыболовов. Кроме того, государство может не только стимулировать заказчиков различными налоговыми и другими преференциями, но и деятельностью «Объединенной судостроительной корпорации» (акционерное общество, весь пакет акций находится в собственности РФ), которая может взять на себя обязанности по строительству танкеров и балкеров. Востребованность в этих типах судов будет только нарастать. Следует отметить, что прагматизм государственного влияния на судостроение в России проявляется еще и в том, что судостроительная отрасль является системообразующей для других многочисленных видов производства. Так, для кораблестроения нужна судовая сталь, являющаяся металлопродуктом специального назначения (ГОСТ Р 52927–2008), различные двигатели, приборы и т.п. Судостроению необходимы квалифицированные кадры: инженеры-конструкторы и инженеры-технологи, рабочие.

Таким образом, для оперативной и эффективной санкционной адаптации отечественного судостроения необходима срочная разработка комплексных организационно-правовых мероприятий, направленных на создание максимально благоприятных условий производственной деятельности в указанной области. Правовые меры должны содержать не только изменения отечественного законодательства, но и учитывать особенности юридических систем потенциальных зарубежных государств-контрагентов. Ведущим организационным моментом является появление крупного гарантированного заказчика в виде российского государства, который заинтересован в строительстве судов различных классов. Комбинация правовых и организационных мероприятий, стимулирующих отечественное грузовое судостроение, позволит вывести нашу страну в число лидеров этой отрасли, что обеспечит финансово-экономическую устойчивость и суверенитет России.

Литература

1. Совет ЕС утвердил 9-й пакет санкций против России. Какие еще решения были согласованы на саммите в Брюсселе? // Российская газета, 16 декабря 2022 г. – Официальный сайт – [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/12/16/soviet-es-utverdil-9-j-paket-sankcij-protiv-rossii-kakie-eshche-resheniia-byli-soglasovany-na-sammite-v-briussele.html> (Дата обращения – 27.12.2022)

2. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и плановый период 2024 и 2025 годов / Таблица 4.1.1 «Основные характеристики федерального бюджета в 2019–2025 гг.» // Министерство финансов РФ – Официальный сайт – [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=300570-osnovnye_napravleniya_byudzhethnoi_nalogovoi_i_tamozhenno-tarifnoi_politiki_na_2023_god_i_na_planovyi_period_2024_i_2025_godov (Дата обращения – 27.12.2022)
3. Сырадасайское месторождение // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики: Инвестиционный портал Арктической зоны России – Официальный сайт – [Электронный ресурс]. URL: <https://arctic-russia.ru/project/skrytyu-ogon-vechno-merzloty/>. Загл. с экрана. – (Дата обращения: 28.12.2022)
4. «Роснефть» открыла на Таймыре уникальное месторождение на 0,5 млрд т. нефти // Информационная группа «Интерфакс» – Официальный сайт – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/business/741562>. Загл. с экрана. – (Дата обращения: 29.12.2022)
5. «Роснефть» рассчитывает увеличить ресурсную базу на Таймырском кластере до 6,5 млрд. // Информационная группа «Интерфакс» – Официальный сайт – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/business/862262>. Загл. с экрана. – (Дата обращения: 29.12.2022)
6. Нефть таймырского периода: на Пайяхском месторождении пробурили первую эксплуатационную скважину // Ведомости – Официальный сайт – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/07/25/933004-neft-taimirskogo-perioda>. Загл. с экрана. – (Дата обращения: 29.12.2022)
7. Бразилия получила первую партию российского дизельного топлива // Международное информационное агентство «Россия сегодня» – Официальный сайт – [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20221001/dizel-1820790439.html?ysclid=I9zolzdu8g789254345>. Загл. с экрана. – (Дата обращения: 30.12.2022)
8. Указ Президента РФ от 20 июня 2007 г. № 784 «Об открытом акционерном обществе «Современный коммерческий флот» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 26. Ст. 3165.
9. «Совкомфлот» планирует продать часть флота // Ведомости: ежедневная деловая газета, 6 мая 2022 г. – Официальный сайт – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2022/05/06/921138-popavshii-pod-sanktsii-sovkomflot-prodast-chast-flota>. Загл. с экрана. – (Дата обращения: 23.12.2022)
10. Bloomberg сообщил о продаже Urals с рекордным дисконтом // Росбизнескогсалтинг – Официальный сайт – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/04/04/2022/624b4fbb9a794715cf3414f5?ysclid=la13ry9w1649353>. Загл. с экрана. – (Дата обращения: 29.11.2022)
11. Постановление Правительства РФ от 25 мая 2017 г. № 633 (ред. от 12.05.2022) «О требованиях к объектам инвестиций и инвестиционным проектам в области рыболовства, а также о порядке расчета обеспечения реализации указанных инвестиционных проектов» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 23. Ст. 3332.
12. Постановление Правительства РФ от 29 мая 2017 г. № 648 (ред. от 12.05.2022) «О закреплении и предоставлении доли квоты добычи (вылова) водных биологических ресурсов, предоставленной на инвестиционные цели в области рыболовства для осуществления промышленного рыболовства и (или) прибрежного рыболовства» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 23. Ст. 3345.
13. Размеры судов (классификация судов по размерам) // Корабельный портал Корабел & Co, designed by RBJ. – Официальный сайт – [Электронный ресурс]. URL: http://korabley.net/news/klassifikacija_sudov_po_razmeram/2010-11-05-690. Загл. с экрана. – (Дата обращения: 29.11.2022)

LEGAL AND ORGANIZATIONAL MEASURES OF SANCTIONS ADAPTATION SHIPBUILDING IN RUSSIA

Timokhov V.P., Gomonov N.D., Trush V.M.

Ryazan branch of the Moscow Ministry of Internal Affairs University named after V.Y. Kikot; Murmansk State Arctic University; Russian Federal Penitentiary Service in Murmansk region

In this article, the authors analyze measures aimed at counteracting the negative consequences of the Western sanctions policy on the Russian industry, in particular, on shipbuilding. It is stated that the adoption of adaptation measures should be urgent, effective and adequate to the challenges that have arisen. In this regard, understanding the essence of the organizational and legal components of the adaptation of shipbuilding to modern conditions seems to be very relevant. As a result, it is supposed not only to compensate for the harm of the indicated impact, but also to stimulate the shipbuilding process itself. Legal measures should consist not only of changes in domestic legislation, but also take into account the peculiarities of the legal systems of potential foreign counterparty states. The leading organizational moment should be the appearance of a large guaranteed customer in the form of the Russian state, which is interested in building ships of various classes. A combination of legal and organizational measures that adapt and stimulate domestic cargo shipbuilding will make it possible to bring our country among the leaders in this industry, which will ensure the financial and economic stability and sovereignty of Russia.

Keywords: legal measures, organizational measures, sanctions, adaptation, shipbuilding, customer.

References

1. The EU Council approved the 9th package of sanctions against Russia. What other decisions were agreed at the summit in Brussels? // Russian newspaper, December 16, 2022 – Official website – [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2022/12/16/sovet-es-utverdil-9-j-paket-sankcij-protiv-rossii-kakie-eshche-resheniia-byli-soglasovany-na-sammite-v-brussels.html> (Accessed 27.12.2022)
2. The main directions of the budget, tax and customs tariff policy for 2023 and the planning period of 2024 and 2025 / Та-

- ble 4.1.1 “Main characteristics of the federal budget in 2019–2025” // Ministry of Finance of the Russian Federation – Official site – [Electronic resource]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=300570-osnovnye_napravleniya_byudzhetnoi_nalogovoi_i_tamozhenno-tarifnoi_politiki_na_2023_god_i_na_planovyi_period_2024_i_2025_godov (Accessed 27.12.2022)
3. Syrdasayskoye field // Ministry of the Russian Federation for the development of the Far East and the Arctic: Investment portal of the Arctic zone of Russia – Official site – [Electronic resource]. URL: <https://arctic-russia.ru/project/skrytyy-ogon-vechnoy-merzloty/>. Title from the screen. – (Accessed: 12/28/2022)
 4. “Rosneft” discovered a unique field in Taimyr for 0.5 billion tons of oil // Information group “Interfax” – Official site – [Electronic resource]. URL: <https://www.interfax.ru/business/741562>. Title from the screen. – (Date of treatment: 12/29/2022)
 5. Rosneft expects to increase the resource base in the Taimyr cluster to 6.5 billion // Interfax Information Group – Official website – [Electronic resource]. URL: <https://www.interfax.ru/business/862262>. Title from the screen. – (Date of treatment: 12/29/2022)
 6. Oil of the Taimyr period: the first production well was drilled at the Payakhskoye field // Vedomosti – Official site – [Electronic resource]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/07/25/933004-neft-taimirskogo-perioda>. Title from the screen. – (Date of treatment: 12/29/2022)
 7. Brazil received the first batch of Russian diesel fuel // International Information Agency “Russia Today” – Official site – [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20221001/diesel-1820790439.html?ysclid=I9zolzdu8g789254345>. Title from the screen. – (Date of treatment: 12/30/2022)
 8. Decree of the President of the Russian Federation of June 20, 2007 No. 784 “On the Open Joint Stock Company “Modern Commercial Fleet” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 26. Art. 3165.
 9. Sovcomflot plans to sell part of the fleet // Vedomosti: daily business newspaper, May 6, 2022 – Official website – [Electronic resource]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2022/05/06/921138-popavshii-pod-sanktsii-sovkomflot-prodast-chast-flota>. Title from the screen. – (Date of treatment: 12/23/2022)
 10. Bloomberg announced the sale of Urals at a record discount // Rosbusinesskogsaltng – Official site – [Electronic resource]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/04/04/2022/624b4fb9a794715cf3414f5?ysclid=la13ry9w1649353>. Title from the screen. – (Date of treatment: 11/29/2022)
 11. Decree of the Government of the Russian Federation of May 25, 2017 No. 633 (as amended on May 12, 2022) “On the requirements for investment objects and investment projects in the field of fisheries, as well as on the procedure for calculating the implementation of these investment projects” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 23. Art. 3332.
 12. Decree of the Government of the Russian Federation of May 29, 2017 No. 648 (as amended on May 12, 2022) “On securing and providing a share of the quota for the extraction (catch) of aquatic biological resources provided for investment purposes in the field of fishing for industrial fishing and (or) coastal fisheries” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2017. No. 23. Art. 3345.
 13. Sizes of ships (classification of ships by size) // Ship Portal Korabel & Co, designed by RBJ. – Official site – [Electronic resource]. URL: http://korabley.net/news/klassifikacija_sudov_po_razmeram/2010-11-05-690. Title from the screen. – (Date of treatment: 11/29/2022)

Денькович Виктор Сергеевич,

аспирант, кафедра гражданского права и процесса,
Санкт-Петербургский университет технологий управления
и экономики
E-mail: victor_dvs@mail.ru

Предмет: исследование конфликта интересов как причины злоупотреблений правами участниками банкротства.

Цель работы: рассмотрение проблемных вопросов злоупотребления правом при несостоятельности (банкротстве).

Методология исследования: анализ и синтез, дедукция и индукция, абстрагирование и обобщение, аналогия и моделирование, формально-логический и сравнительно-правовой.

Область применения результатов: могут быть применены в области несостоятельности.

Новизна, выводы: Причиной злоупотреблений правами участниками банкротства является конфликт их интересов, возникающий в первую очередь в связи с неспособностью должника в полном объеме удовлетворить требования своих кредиторов и обусловленный разнонаправленностью интересов его участников.

Под конфликтом интересов в делах о банкротстве следует понимать, в основном, имущественные конфликты, возникшие в первую очередь в связи с неспособностью субъекта в полном объеме удовлетворить требования своих кредиторов, обусловленные разнонаправленностью интересов его участников. Возникновение конфликта интересов носит объективно-субъективный характер, потому что объективные условия лежат в основе возникновения любого конфликта, а конкретная причина возникает в силу действия субъективного фактора. Причины возникновения конфликта интересов можно подразделять на устранимые и неустраиваемые.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, должник, кредитор, злоупотребление правом, конфликт интересов.

В современном цивилизованном виде предпринимательство начало развиваться в России в конце восьмидесятых годов двадцатого века. В данный период стали появляться первые законы, направленные на создание новых организационно-правовых форм и правовых условий рыночной экономики. Указанный период следует рассматривать как отправную точку для развития российского предпринимательства.

Вместе с тем, не всякая деятельность физических и юридических лиц была успешной. В связи с чем институт несостоятельности получил свое развитие и активное применение, в том числе, и в настоящее время.

Исследуя институт несостоятельности (банкротства) можно с полной уверенностью говорить о том, что он является одним из наиболее сложных инструментов поиска баланса разнонаправленных интересов участников отношений. Возможно, дело в том, что правовые средства, которые предоставляет банкротство, субъекты права далеко не всегда используют в целях реализации добросовестных намерений. Достаточно часто на практике встречаются ситуации, при которых указанные правовые средства применяются для злоупотребления своими правами.

В результате анализа научной литературы возможно заключить, что многими специалистами в области банкротства обосновывается позиция о том, что конфликты интересов – это основные причины допущения данных злоупотреблений. Пример тому – ситуация, когда с одной стороны выступает неплатежеспособный должник, желающий сохранить часть активов, а с другой – кредиторы, заинтересованные в погашении перед ними долга.

Так, по мнению С.Я. Панова: закон не может препятствовать тому, чтобы несостоятельность не породила злоупотреблений [3. С. 33–41].

М.Е. Эрлих в своих работах обосновывает, что, исходя из своей природы банкротство – это дисфункциональная конфликтная ситуация [5. С. 7–8].

В свою очередь, Е.П. Губин и И.В. Фролов полагают, что несостоятельность является экономико-правовым механизмом по управлению финансово-экономическими конфликтами, неизбежно возникающими между должниками и их денежными кредиторами [1. С. 54–55].

Если обратиться к толковому словарю, то можно увидеть, что «конфликт» происходит от лат. «conflictus» – столкновение и обозначает «столкновение сторон, мнений, сил». В рассматриваемой нами тематике столкновение происходит между интересами должников и их кредиторов. В настоящее время достаточно сложно переоценить роль интересов в процессах принятия решений.

В общем понимании интересы (от лат. interest – имеющий значение) представляют собой некоторые стимулы для реализации определенной деятельности, которые выражают те или иные цели и потребности человека или их образований. Известным постулатом является то, что потребности человека ничем не ограничены, чем больше человек имеет – тем больше ему хочется иметь. Интерес может быть реализован не полностью, а лишь в мере, которая предписана правовыми нормами. Недобросовестное удовлетворение интереса за счет других лиц является противозаконным. Такое поведение не только вызывает порицание, но и, возможно, применение механизмов государственного принуждения посредством привлечения лица к юридической ответственности.

Причин возникновения конфликта интересов достаточно много, само по себе перечисление причин не даст результатов ни в теоретическом, ни в практическом плане. Отметим, что выявление и нейтрализации причин необходима для предупреждения и борьбы с ситуациями конфликта интересов. Однако не все причины являются устраняемыми.

Считаем необходимым выделить следующие группы причин конфликта интересов:

1. Неустраняемые, т.е. такие ситуации, которые нуждаются в постоянном контроле и надзоре, представляют прямые риски для возникновения ситуации конфликта интересов. К таким причинам можно отнести:

- внутреннее стремление человека полностью удовлетворить свои потребности, которые по своей сути являются неограниченными;
- наличие связей и взаимных симпатий между людьми, основанных на различных межличностных отношениях.

2. Устраняемые причины, с которыми нужно и можно бороться. Данная группа причин, по нашему мнению, более широкая. К таким причинам можно отнести: низкий уровень правосознания участников процедуры банкротства; правовой нигилизм; нарушение законодательства, различных ограничений и запретов; низкое качество законодательной техники; отсутствие системы морально-ценностных установок и т.д.

По нашему мнению, деление причин возникновения конфликта интересов является весьма условным. Ни одна причина конфликта не может являться только объективной или только субъективной. Условия возникновения конфликта интересов объективны, зависят от конкретной социально-политической ситуации и т.д.

Причинность же объединяет объективные условия и личностные (морально-психологические) особенности, допустим, должника.

Рассматривая дела о банкротстве мы можем говорить о том, что следует выделять:

- основной обязательный конфликт, он имеется в любой процедуре банкротства,
- и вероятный конфликт, который, как правило, возникает тогда, когда интересы участни-

ков процедуры банкротства противоположны друг другу (например, это рассмотрение в рамках дела о банкротстве заявления о признании сделки недействительной).

В свою очередь, вероятные конфликты, как предпосылки злоупотребления правом, можно подразделять:

1. По отрасли:

- частноправовой конфликт, в котором участвуют равные субъекты частного права (к примеру, между учредителями);
- публично-правовой конфликт, в котором участвуют субъекты публичного права, строящие взаимоотношения между собой на принципах власти – подчинения (к примеру, если банкротом является государственное (муниципальное) унитарное предприятие, то с одной стороны выступает собственник имущества, а с другой – уполномоченный орган);
- смешанный конфликт, в котором участвуют как частноправовые, так и публично-правовые субъекты (к примеру, уполномоченный орган и кредиторы должника) [2. С. 2–11].

2. По субъектам: корпоративный, кредиторский, управленческий.

3. По стадии процедуры:

- 1) конфликт, возникший на досудебной стадии;
- 2) конфликт, возникший в определенной процедуре;
- 3) конфликт, возникший в процессе заключения или исполнения мирового соглашения [4. С. 202].

В завершение сделаем выводы.

1. Причиной злоупотреблений правами участниками банкротства является конфликт их интересов, возникающий в первую очередь в связи с неспособностью должника в полном объеме удовлетворить требования своих кредиторов и обусловленный разнонаправленностью интересов его участников.

2. Под конфликтом интересов в делах о банкротстве следует понимать, в основном, имущественные конфликты, возникшие в первую очередь в связи с неспособностью субъекта в полном объеме удовлетворить требования своих кредиторов, обусловленные разнонаправленностью интересов его участников.

2.1. Возникновение конфликта интересов носит объективно-субъективный характер, потому что объективные условия лежат в основе возникновения любого конфликта, а конкретная причина возникает в силу действия субъективного фактора. Не каждый участник процедуры банкротства, будучи под влиянием объективных факторов (например, несовершенства действующего законодательства), будет пользоваться своим положением ради какой-либо личной выгоды. Следует учитывать, что в основе причинности конфликта интересов лежит индивидуализация, которая ставит личный интерес превыше всего.

2.2. Причины возникновения конфликта интересов можно подразделять на устраняемые и неустраняемые.

Группа устранимых причин является наиболее наполненной по объему и содержанию. Выявление таких причин позволит искоренить их или минимизировать, сведя их практически к нулю.

Неустранимые причины необходимо постоянно держать на контроле, учитывая риск возникновения конфликта интересов. Выявить причины конфликта интересов – значит предупредить ситуацию конфликта или оперативно ее пресечь.

3. Способами разрешения конфликтов могут быть признаны:

- деятельность арбитражного управляющего,
- привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности для защиты интересов конкурсных кредиторов,
- и иные меры, предусмотренные законодательством Российской Федерации о банкротстве (мировое соглашение, погашение требований кредиторов третьими лицами и т.д.).

Литература

1. Губин Е.П., Фролов И.В. Особенности государственного регулирования в сфере несостоятельности (банкротства) // Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: Моногр. / Отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2020. С. 54–55.
2. Карелина С.А. Институт несостоятельности и рыночная экономика (правовые аспекты) // Предпринимательское право. 2006. N4. С. 2–11.
3. Панов С.Я. Об истории развития конкурсного законодательства и некоторых аспектах его преемственности // Банковское право. 2008. N3. С. 33–41.
4. Ситкарева Е.В., Гудович С.С. Третейское разбирательство как инструмент злоупотребле-

ния правом в деле о банкротстве // Третейский суд. 2018. N3/4. С. 202–209.

5. Эрлих М.Е. Конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства): Моногр. М.: Проспект, 2014. С. 7–8.

CONFLICT OF INTEREST IN THE ENFORCEMENT OF BANKRUPTCY LEGISLATION

Denkovich V.S.

Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics

Research into conflicts of interest as a cause of abuse of rights by bankruptcy participants.

The purpose of the work: consideration of problematic issues of abuse of law in insolvency (bankruptcy).

Research methodology: analysis and synthesis, deduction and induction, abstraction and generalization, analogy and modeling, formal-logical and comparative-legal.

The scope of the results: can be applied in the field of insolvency.

Novelty, conclusions: The reason for the abuse of the rights of bankruptcy participants is a conflict of their interests, which arises primarily due to the inability of the debtor to fully satisfy the claims of his creditors and due to the divergence of the interests of his participants.

A conflict of interest in bankruptcy cases should be understood mainly as property conflicts that arose primarily due to the inability of the subject to fully satisfy the claims of its creditors due to the divergence of the interests of its participants. The reasons for the conflict of interest can be divided into removable and irreparable.

Key words: insolvency, bankruptcy, debtor, creditor, abuse of right, conflict of interest.

Reference

1. Gubin E.P., Frolov I.V. Features of state regulation in the field of insolvency (bankruptcy) // Institute of insolvency (bankruptcy) in the legal system of Russia and foreign countries: theory and practice of law enforcement: Monograph. / Rev. ed. S.A. Karelina, I.V. Frolov. M.: Yustitsinform, 2020. P. 54–55.
2. Karelina S.A. Insolvency Institute and Market Economy (Legal Aspects) // Entrepreneurial Law. 2006. N4. P. 2–11.
3. Panov S. Ya. On the history of the development of competitive legislation and some aspects of its continuity // Banking law. 2008. N3. P. 33–41.
4. Sitkareva E.V., Gudovich S.S. Arbitration as an instrument of abuse of law in a bankruptcy case // Arbitration Court. 2018. No. 3/4. pp. 202–209.
5. Erlich M.E. Conflict of interest in the process of insolvency (bankruptcy): Monograph. M.: Prospekt, 2014. P. 7–8.

Презумпция вины юридического лица как способ формирования стандарта поведения

Зайцева Наталья Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: zaytsevanv@gmail.com

Целью настоящей работы является исследование понятия презумпции вины в гражданском праве, как правового способа направленного на формирование определенного стандарта поведения у участников частноправовых отношений. Отдельное внимание в статье уделяется вопросам признания вины юридического лица, которое несмотря на то, что является самостоятельным субъектом гражданских отношений является воплощением коллективной воли. Презумпция вины в гражданском праве направлена на упрощении процедуры доказывания воли и намерений, в первую очередь юридических лиц, поскольку право не может однозначно детерминировать чья воля в соответствующем действии юридического лица была определяющая. В статье рассмотрены различные подходы к учету субъективной составляющей юридического лица при определении вины, а также альтернативные юридические конструкции позволяющие оценить действия компаний.

Для проведения исследования были использованы формально-логический метод, для оценки правовых дефиниций и сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить аналогичные гражданско-правовые институты.

Ключевые слова: презумпция вины, коллективная воля, стандарты поведения, толерантность.

Важный аспект цивилистической трактовки вины, существенно отличающийся от ее определения в уголовном праве, связан с составом участников гражданских правоотношений, в которых на первый план выходят юридические лица, установление «персональной» вины которых имеет весьма сложный характер. Вина в любой конфигурации представляет собой набор субъективных характеристик, присущих физическим лицам, поэтому в случае нарушения обязательства той или иной организацией (компанией), возникает ряд сложных вопросов: каким образом и через какое лицо должны транслироваться воля, принятие риска, психологическое отношение к действию и его последствиям, и, наконец, с какой степенью осмотрительности и заботливости действовало юридическое лицо. Следует определить, можно ли считать волю акционера, единоличного исполнительного органа или трудового коллектива волей самого юридического лица.

Концепция вины юридического лица прошла несколько итераций вместе с развитием корпоративного права. Правовая доктрина выработала различные подходы к особенностям учета вины юридического лица, анализу которой уделяется много внимания [9, с. 270]. Поскольку конструкция вины предполагает психическое отношение лица к своим действиям, возникает закономерный вопрос о том, каким образом оценить психологический аспект у юридического лица, ответ на который зависит от теоретической концепции юридического лица. Теория фикции не признает за юридическим лицом наличия воли, сознания и иных характеристик, присущих физическому лицу, что предполагает оценку не субъективных элементов, а соответствия определенных обстоятельств критериям или стандартам, т.е. представлениям о том, как юридическое лицо должно себя вести в той или иной ситуации.

Попытка оценить виновность в действиях юридического лица является следствием правовой фикции, «присваивающей» юридическому лицу определенные психологические характеристики. Однако оптимальным способом решения обсуждаемой проблемы является исключение категории вины из базовых оснований ответственности в частноправовых отношениях. Другие подходы к определению вины юридического лица получили отражение в следующих концепциях: поведенческой, субъективной, поведенческо-психологической [7, с. 30].

Названные концепции основываются на различных формах взаимодействия и соотношения

составляющих юридического лица: трудового коллектива, учредителей юридического лица и отдельных лиц, действия которых имели значение на той или иной стадии правоотношения. Начиная с советского периода, отечественная цивилистическая доктрина по-разному оценивала юридическое значение каждого из названных элементов. Так, Ф.Л. Рабинович утверждал, что вину предприятия формирует психическое отношение его работников при исполнении ими договорных обязательств к своим противоправным поступкам и их вредным последствиям [8, с. 145–146]. Аналогичного подхода придерживались Н.С. Малеин [5, с. 37–38] и О.С. Иоффе [2, с. 254], которые таким образом отождествляли вину юридического лица и дефект воли его трудового коллектива.

Позиция названных и других ученых формировалась в условиях советских реалий, в которых собственником всех предприятий было государство, поэтому учет вины юридического лица через действия его учредителя был объективно невозможен. При определении вины учитывались действия должностных лиц и остальных работников. По мнению С.Н. Братуся, несмотря на то, что юридическое лицо – это коллектив, и его деятельность – это волевые акты его коллектива, воля юридического лица не определяется простым сложением волевых действий коллектива [1, с. 211]. Иными словами, определение субъективной составляющей в действиях юридического лица не может быть осуществлено путем учета воли его работников.

Незначительное смещение в определении и учете вины трудового коллектива в сторону оценки действий должностных лиц и органов управления начинает формироваться в 70-х годах прошлого века. Такой подход вполне логичен с точки зрения юридической техники и структурирования процессуальных стандартов доказывания, поскольку он упрощает процедуру, существенно сужая круг лиц, вина которых подлежит учету, до тех, кто принимает ключевые решения о деятельности предприятия, что позволяет более четко обозначить причинно-следственную связь между действиями должностного лица и «виной» юридического лица. Так, характеризуя основания гражданско-правовой ответственности, Г.К. Матвеев отмечал, что отсутствие вины юридического лица признается при отсутствии вины в действиях его органов управления и участников, если ущерб третьему лицу был причинен в силу непреодолимых обстоятельств [6, с. 178].

Большой интерес вызывают суждения сторонников психологической теории, которые во многом различны: по мнению некоторых ученых, порочная воля трудового коллектива является основанием вины предприятия, при этом коллектив отождествляется с юридическим лицом. С.Н. Братусь полагал, что «к юридическому лицу вполне применимы психологические категории, такие, как вина, которая также может быть умышленной или неосторожной» [1, с. 211], а Г.К. Матвеев подчеркивал, что юридические лица занимают самостоятельное

место среди других субъектов права, поскольку исследование вопроса волевого характера действий юридического лица неизбежно ставит вопрос о соотношении коллегиальной и индивидуальной воли». Автор, таким образом, разделяет «волю» и «действия» юридического лица, которые образуются путем сложения воли и действий его органов, однако, по его мнению, такое сложение не должно быть механическим [6, с. 180].

Доктринальные подходы к юридическому лицу, как уже отмечалось, исключали учет воли государства, являвшегося учредителем предприятия, и исходили из различной конфигурации трудового коллектива и органов управления как представителей лиц, ответственных за действия юридического лица. На современном этапе правоприменительная практика исходит из концепции субсидиарной ответственности должностных лиц и учредителей общества, что свидетельствует о следующем: концепция субсидиарной ответственности признает ее вторичный, дополнительный характер по отношению к основной ответственности, которая возлагается на юридическое лицо. При решении вопроса об ответственности юридического лица выявление его вины не имеет правового значения в силу рассматриваемой презумпции, поэтому и не принципиально, чьи волевые действия сформировали его вину.

В тех случаях, когда противоправные действия юридического лица обусловлены действиями его участников, ситуация требует выявления и учета субъективной составляющей, вследствие чего применяется субсидиарная ответственность, позволяющая установить наличие противоправного намерения у соответствующего физического лица. Иными словами, правовая фикция, которая лежит в основе создания юридического лица, формирует правила поведения, но не стремится создать фиктивную вину или иные элементы сознательной деятельности для юридического лица. В пользу такого вывода свидетельствует отсутствие у юридического лица дееспособности, поскольку законодатель устанавливает зависимость между возрастом и способностью лица своими действиями создавать права и обязанности. Юридическое лицо, представляя собой правовую фикцию и квазиколлективную волю, не может быть поставлено в зависимость от периода своего существования, поскольку в конечном счете в основе создания юридического лица лежит волеизъявление дееспособных физических лиц.

Соответствующий раздел современной доктрины базируется на нескольких теориях определения правового статуса юридического лица, основной из которых является теория фикции, предполагающая наличие воли и сознания только у физического лица. В соответствии с этой теорией, признание за юридическим лицом нескольких личностных характеристик, свойственных человеку, является следствием законодательной фикции, разделившей волю лиц, составляющих юридическое лицо (как в части корпоративных, так и в части трудо-

вых связей), и наделившей его автономией. С целью избежать проблему определения вины юридических лиц законодатель исключил эти субъекты из отношений, в которых учет вины является необходимым (например, уголовное право) [4, с.52]. Однако в некоторых отраслях публичного права вина юридического лица все же подлежит правовой квалификации. Более того: в Кодексе Российской Федерации об административных нарушениях (далее – КоАП РФ)¹ при определении ответственности форма вины влияет на квалификацию содеянного, что обуславливает необходимость определить наличие умысла или неосторожности в действиях юридического лица. Так, в ч. 2 ст. 2.1, ч. 1 ст. 2.2 и ч. 3 ст. 11.51.1 КоАП РФ предусмотрена ответственность юридических лиц за умышленное неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности.

Учитывая ограниченную деликтоспособность юридических лиц и невозможность определения психологической составляющей вины организации, судебные органы сталкиваются с серьезными проблемами в процессе применения данной нормы, поскольку в классическом понимании психологическое отношение к совершаемым действиям доступно только физическому лицу.

Так, рассматривая дело с участием Пассажирского порта Санкт-Петербурга «Морской фасад», в процессе толкования данной нормы суд квалифицировал умысел названной организации через неоднократность ее действий, мотивируя свое решение тем, что, если организация ранее привлекалась по ст. 11.51.1 КоАП РФ, следовательно, ей известно и о существовании данной нормы, и о том, что в прошлом эта норма была нарушена. Таким образом, информированность организации по данному вопросу суд расценил в качестве подтверждения ее вины в форме умысла, что идет вразрез с нормативным пониманием форм вины.

Сходный подход получил свое отражение в Постановлении Пленума ВАС РФ от 2 июня 2004 г. № 10², в котором было указано: «...в отличие от физических лиц, в отношении юридических лиц КоАП РФ формы вины (статья 2.2 КоАП РФ) не выделяет. Следовательно, и в тех случаях, когда в соответствующих статьях Особенной части КоАП РФ возможность привлечения к административной ответственности за административное правонарушение ставится в зависимость от формы вины, в отношении юридических лиц требуется лишь установление наличия у соответствующего лица возможности соблюдения норм и правил, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, а также того факта, что им не были приняты меры по их соблюдению (п. 16.1 введен

¹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 16.04.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.04.2022) // СЗ РФ от 7 января 2002 г. № 1 (часть I), ст. 1.

² См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» // Вестник ВАС РФ. 2004. № 8.

Постановлением Пленума ВАС РФ от 20.11.2008 № 60)».

Явный диссонанс общей концепции вины юридического лица [3, с. 11] с возможностью квалификации формы вины привел к тому, что рассматриваемая норма стала предметом анализа Конституционного суда Российской Федерации (далее – КС РФ) на предмет ее соответствия Конституции России. В Постановлении № 17-П/2020 от 14 апреля 2020 г. КС РФ признал данные нормы соответствующими Основному закону и сформулировал достаточно неоднозначное толкование вопросов квалификации вины в действиях компаний.

Так, юридическое лицо привлекается к административной ответственности за умышленное неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности в случаях установления умышленного характера действий/бездействий его должностных лиц, ответственных за соблюдение этих требований. Если умышленный характер действий должностных лиц не был доказан, то вина в форме неосторожности может быть установлена, если юридическое лицо не предприняло всех зависящих от него мер по соблюдению установленных требований. При этом КС РФ отдельно указал на возможность скорректировать положения КоАП РФ на предмет отказа от использования категории вины как квалифицирующего признака. Таким образом, форма вины в зависимости от тяжести наступивших последствий определяется либо через характеристику действий физических лиц, либо путем оценки соответствия действий организации определенному поведенческому стандарту.

Смещение объективного и субъективного подхода при определении вины юридических лиц в публичном праве привело к частичной изоляции субъективного элемента в частном праве. «На замену» вины пришли иные категории, квалифицирующие поведение субъекта, его отношение к действиям, контрагенту, третьим лицам и т.д. Например, в трудовом праве сформировалась концепция лояльности, которая предполагает соблюдение определенного кодекса корпоративного поведения: отказ от действий, намерено ухудшающих деловую репутацию работодателя, или распространение заведомо ложной информации о работнике [10, с.5]. Лояльность (несмотря на правовую абстракцию) создает определенный стандарт поведения в трудовых отношениях.

В спортивном праве на стадии становления находится понятие толерантности к допингу, которое носит поведенческий характер и предполагает совершение отдельных действий спортсменами или организациями, демонстрирующими «неуважение» к принципу честной игры [11, с. 295]. Например, дисквалифицированным спортсменам запрещается работать в спортивных организациях, участвовать в любом формате в спортивных мероприятиях, осуществлять тренерскую работу в сфере спорта и т.д. Все это по смыслу антидопингового кодекса повышает толерантность к допингу и формирует лояльное отношение к употреблению за-

прещенных препаратов у третьих лиц. Названные понятия получили развитие в отдельных отраслях, и межотраслевой подход по отношению к ним еще не сформирован. Доктрина гражданского права определила содержательные границы таких критериев, как добросовестность, разумность, должная осмотрительность, заботливость, но правовое наполнение «специальных» категорий осуществляется в рамках одной отрасли.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что презумпция вины, по сути, стала предпосылкой появления таких категорий в гражданском праве, как добросовестность, разумность, доверие, должная осмотрительность и др., каждая из которых характеризует субъективные особенности участника правоотношения в условиях, когда наличие вины не релевантно при решении вопроса об ответственности за допущенное нарушение.

В частнопроводных отношениях с участием юридических лиц субъективная сторона (субъективный фактор) представляет собой не более, чем правовую фикцию, в отношении которой различные правовые порядки находятся в стадии поиска альтернативы. В публичных отраслях психологические элементы определяются в каждом случае самостоятельно при общем подходе, формируемом через определение вины.

Литература

1. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права / С.Н. Братусь. М.: Госюриздат, 1950. С. 211.
2. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. II. М., 2000. С. 491.
3. Копылов И.В. Ответственность юридическим лиц по КОАП РФ // Школа науки, № 5, 2018, С. 9–13
4. Куракин А.В., Карпукхин Д.В. – Вина юридического лица в нарушениях в финансовой сфере: формально-юридический и правоприменительный ракурсы проблемы // Административное и муниципальное право. – 2017. – № 10. – С. 49–65.
5. Малеин И.С. Вина – необходимое условие имущественной ответственности // Советское государство и право. 1971. № 2. С. 37–38.
6. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. М.: Юрид. лит., 1970. С. 178.
7. Новокрещенов Д.Н. К вопросу о понятии вины юридического лица в российском гражданском праве // Baikal Research Journal. 2011. № 3. Р. 30.
8. Рабинович Ф.Л. Вина как основание договорной ответственности предприятия. М.: Юрид. лит., 1975. С. 145–146.
9. Тарасенко Ю.А. Юридическое лицо: проблема производной личности // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2008. С. 264–299.

10. Cavico, Frank J., Bahaudin G. Mujtaba and Stephen C. Muffler. «The Duty of Loyalty in the Employment Relationship: Legal Analysis and Recommendations for Employers and Workers.» *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues* 21.2018. P. 1–28
11. Moraro, P. Punishment, Fair Play and the Burdens of Citizenship// *Law and Philos* № 38, 2019, P. 289–311. <https://doi.org/10.1007/s10982-019-09346-6>

THE PRESUMPTION OF GUILT OF A LEGAL ENTITY TO FORM A STANDARD OF CONDUCT

Zaytseva N.V.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The purpose of this work is to study the concept of the presumption of guilt in civil law, as a legal method aimed at forming a certain standard of behavior among participants in private law relations. Special attention in the article is paid to the recognition of guilt of a legal entity, which, despite being an independent subject of civil relations, is the embodiment of the collective will. The presumption of guilt in civil law is aimed at simplifying the procedure for proving the will and intentions, primarily of legal entities, since the law cannot unambiguously determine whose will in the corresponding action of the legal entity was decisive. The article discusses various approaches to considering the subjective component of a legal entity in determining guilt, as well as alternative legal structures that allow assessing the actions of companies.

To conduct the study, a formal-logical method was used to assess legal definitions and a comparative legal method that allows comparing similar civil law institutions.

Keywords: presumption of guilt, collective will, standards of behavior, tolerance.

References

1. Bratus S.N. Subjects of civil law / S.N. Brother. M.: Gosjurizdat, 1950. S. 211.
2. Ioffe O.S. Selected works on civil law. The development of civil thought in the USSR. Part II. M., 2000. S. 491.
3. Kopylov I.V. Liability of legal entities under the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation // School of Science, No. 5, 2018, С. 9–13
4. Kurakin A.V., Karpukhin D.V. – Guilt of a legal entity in violations in the financial sector: formal legal and law enforcement perspectives of the problem // Administrative and municipal law. – 2017. – No. 10. – P. 49–65.
5. Malein I.S. Guilt is a necessary condition for property liability // Soviet state and law. 1971. No. 2. P. 37–38.
6. Matveev G.K. Grounds for civil liability. M.: Yurid. lit., 1970. S. 178.
7. Novokreshchenov D.N. On the issue of the concept of guilt of a legal entity in Russian civil law // Baikal Research Journal. 2011. No. 3. R. 30.
8. Rabinovich F.L. Guilt as the basis of the contractual liability of the enterprise. M.: Yurid. lit., 1975, pp. 145–146.
9. Tarasenko Yu.A. Legal entity: the problem of a derivative personality // Civil law: actual problems of theory and practice / under. ed. V.A. Belova. M.: Yurayt-Izdat, 2008. S. 264–299.
10. Cavico, Frank J., Bahaudin G. Mujtaba and Stephen C. Muffler. “The Duty of Loyalty in the Employment Relationship: Legal Analysis and Recommendations for Employers and Workers.” *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues* 21.2018. P. 1–28
11. Moraro, P. Punishment, Fair Play and the Burdens of Citizenship// *Law and Philos* No. 38, 2019, pp. 289–311. <https://doi.org/10.1007/s10982-019-09346-6>

Ограничения правового регулирования трудовых отношений между исполнителями услуг и цифровыми платформами

Зуева Ксения Андреевна,

ст. преподаватель кафедры «Таможенное право и служебная деятельность», Дальневосточный государственный университет путей сообщения
E-mail: kseniaandn@mail.ru

Стремительное развитие платформенной экономики сформировало новый вид отношений, возникающих между цифровыми платформами и лицами, которые получают доход посредством доступа к различным видам деятельности, например, услуги такси, клиринг, репетиторство, перевод, дизайн, IT-услуги. В настоящее время такой вид занятости получил название «платформенная». Отличительными особенностями данного вида занятости являются наличие гибкого графика работы, право сотрудничества с несколькими платформами, возможность получения дополнительного дохода. В связи с этим, достаточно большое количество людей могут получать легальный доход посредством регистрации на онлайн-платформе. В настоящее время в РФ платформенные занятые не наделены специальным правовым статусом и рассматриваются как субъекты гражданского права, осуществляющие предпринимательскую деятельность. Поэтому основу нормативно-правового регулирования выполняемой ими деятельности составляет гражданское законодательство РФ. Судебная практика РФ на сегодняшний день движется по пути непризнания отношений между цифровыми платформами и платформенными занятыми в качестве трудовых. Однако платформенная занятость активно развивается, поэтому российские суды в будущем могут осуществлять иную правовую оценку данного вида отношений.

Ключевые слова: цифровые платформы, платформенная занятость, платформенные занятые, маркетплейсы, самозанятость, информационные системы, трудовые и социальные права и гарантии.

Платформенная занятость является промежуточной формой занятости, которую можно представить в виде трехстороннего взаимодействия онлайн-платформ, платформенных занятых (физических лиц, оказывающих услуги цифровых платформах) и клиентов [6, с. 11]. Среди основных характеристик платформенной занятости выделим следующие: оплачиваемая деятельность через онлайн-платформу; трехстороннее взаимодействие; использование приложений, принадлежащих цифровой платформе; целью деятельности является выполнение определенных задач; работа ведется на договорной основе; работа делится на этапы или задачи; услуги оказываются на основании запросов, поступающих в адрес онлайн-платформы.

На основании исследований Европейской комиссии следует выделить четыре вида платформенной занятости [1]: низкоквалифицированная на рабочем месте, когда задачи определяются самой платформой (Delivery club в России); высококвалифицированная на рабочем месте, когда задачи распределяются клиентами или платформенными занятыми (ListMinut в Нидерландах); низкоквалифицированная работа онлайн, когда задачи распределяются клиентами (AMT в США); высококвалифицированная работа онлайн, когда задачи распределяются клиентами или платформенными занятыми (99 designs в Австралии).

Таким образом, можно констатировать, что цифровые платформы активно набирают популярность в различных государствах, тем самым влияют на экономическое развитие стран. Благодаря данным платформам многие организации становятся активными участниками отношений в области цифровой экономики. Платформенная занятость способствует экономическому росту государств и созданию новых рабочих мест (достойная работа для всех).

Основой для оценки численности лиц, занятых в российских цифровых платформах, нередко становятся данные о численности самозанятых работников. По данным ФНС России и Минэкономразвития в РФ по состоянию на 2021 год численность самозанятых достигла 3,5 млн. человек [4]. Однако самозанятость и занятость на онлайн-платформах нельзя отождествлять. Так, на основании эмпирических исследований можно сделать вывод о том, что лишь немногие платформенные работники регистрируются в качестве самозанятых или индивидуальных предпринимателей. Значительное число самозанятых осуществляют свою деятельность без использования цифровых платформ.

Таким образом, самозанятые и платформенные работники – это пересекающиеся, но не тождественные множества, и зону их пересечения еще только предстоит оценить в будущем.

По данным ЦСР в РФ по состоянию на 2022 год подавляющее большинство платформенных занятых оказывает услуги на месте (94%), только 6% занятых оказывают услуги онлайн. Репетиторство и переводы составляют 19%, уборка и помощь по дому – 15%, компьютерная помощь – 13%, услуги красоты – 11%. Около 16% платформенных занятых получают задачи от клиентов, 10% самостоятельно ищут заказы на онлайн-платформах, для 3 из 4 платформенных занятых задачи распределяет сама цифровая платформа [6, с. 13].

Таким образом, типология платформенной занятости в РФ в подавляющей степени определяется низкоквалифицированными услугами, которые оказываются на месте, а задачи определяет сама онлайн-платформа.

Особенности платформенной занятости обусловлены ее прямой связью со сферой услуг: в платформенной занятости как в сфере услуг около 59% платформенных занятых оказывают одни и те же услуги одновременно на онлайн-платформах и без их использования. Реализуется возможность сотрудничества платформенных занятых сразу с несколькими онлайн-платформами. У таких занятых появилось право получать дополнительные доходы в форме «чаевых». Однако деятельность в рамках цифровой платформы предполагает установление не только системы поощрений, но системы наказаний в виде штрафов (онлайн-платформа вправе применять). Отметим, что в сравнении со стандартной занятостью рабочий график большей части платформенных занятых меньше стандартной 40-часовой рабочей недели: платформенная занятость позволяет гибко устанавливать собственный график работы. Если при стандартном типе занятости заработная плата выплачивается 2 раза в месяц, то большинство платформенных занятых получают вознаграждение намного чаще. Одной из особенностей платформенной занятости является разнообразие способов оформления отношений, например, напрямую с онлайн-платформами или через посредников; определенная доля платформенных занятых вообще не оформляют свои отношения с цифровыми платформами: самый распространенный способ оформления отношений с онлайн-платформами – заключение договора ГПХ (46%), около 29% платформенных занятых заключают трудовой договор, 12% – сотрудничают с цифровыми платформами как физические лица по договору ГПХ, 6% – как индивидуальные предприниматели. В настоящее время около 79% платформенных занятых выделяют больше плюсов, чем минусов в рамках сотрудничества с цифровыми платформами: главными плюсами является то, что платформенный занятый самостоятельно выбирает проекты, устанавливает нагрузку и место работы [6, с. 19]. Основным минусом заключается в сложно-

сти выхода на цифровой рынок посредством регистрации на платформе (необходимо предоставлять в адрес онлайн-платформы персональные данные при отсутствии гарантий обеспечения защиты этих данных). Из минусов также выделяют отсутствие полного пакета социальных гарантий и пенсионного обеспечения, карьерные перспективы, а также риски переработки и получения штрафов.

Таким образом, основной акцент потенциального регулирования платформенной занятости в России должен быть направлен на повышение уровня социальной защищенности платформенных занятых и условий труда. Далее подробно рассмотрим основные проблемы и правовые пробелы в области правового регулирования платформенной занятости в РФ.

На сегодняшний день в РФ, как и в других государствах, отсутствуют специальные нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы платформенной занятости. Вопросы регулирования данного вида отношений находятся в плоскости правоприменительной практики: российские суды при вынесении решений устанавливают и оценивают ряд критериев для установления наличия или отсутствия признаков трудовых отношений между цифровой платформой и платформенным занятым. Формирование основного подхода в области правового регулирования платформенной занятости в РФ должно включать в себя следующие стадии: формирование понятийного аппарата, классификация платформенных занятых и цифровых платформ, подбор для каждой из обозначенных групп оптимальной и эффективной модели правового регулирования. Отметим, что в научных исследованиях встречаются различные определения понятия «платформенная занятость». Так, например, Е.А. Савельева определяет платформенную занятость как форму занятости, которая обеспечивает реализацию различных направлений трудовой деятельности и базируется на использовании инфраструктуры и сервисов цифровых платформ [8, с. 471]. Однако данная дефиниция не в полной мере отражает элементы, которые входят в общее понятие занятости, например, занятость предполагает не только получение дохода, но и процесс обучения в образовательной организации. Целесообразно определять цифровую занятость как трудовую деятельность физических лиц, направленную на удовлетворение личных и общественных потребностей в соответствии с законодательством, приносящую доход, осуществляемую посредством использования цифровых платформ и при соблюдении установленных правил пользования платформой.

В научной литературе встречаются дискуссии по использованию терминов «платформенные работники», «лица, занятые в сфере цифровых платформ». Если оперировать понятием «работник», то его целесообразно применять к деятельности физических лиц, состоящих в трудовых отношениях. В свою очередь, Международная организация труда (далее – МОТ) в своих документах использует термин «платформенные трудящиеся».

Проблемным вопросом является также определение понятия самой цифровой платформы, в рамках которой физические лица реализуют принцип свободы труда. В.Н. Бобков, Е.А. Черных в своем научном исследовании используют такие дефиниции, как «цифровые платформы труда», «цифровые платформы занятости», «онлайн-платформы» [2, с. 14]. М. Ричерри, например, выделяет такой тип платформы как онлайн-фриланс (квалифицированные самозанятые вправе находить новых клиентов и устанавливать собственные условия занятости) [7, с. 49]. А.В. Шевчук называет их «цифровые трудовые платформы» и формулирует следующее определение: «...это информационная система (веб-сайт или мобильное приложение), основная функция которой состоит в технологической и институциональной организации взаимодействия между самозанятыми работниками и заказчиками (индивидами или фирмами) по поводу купли-продажи разовых услуг, отдельных трудовых заданий и краткосрочных проектов» [10, с. 37]. Отметим, что МОТ применяет термин «цифровые трудовые платформы» в своих концептуальных документах. В свою очередь, под цифровыми трудовыми платформами следует понимать информационные системы, доступ к которым обеспечивается посредством сети «Интернет» и с помощью которых осуществляется организация трудовой деятельности платформенных трудящихся.

Обратим внимание на то, что в настоящее время на уровне нормативного правового акта требуется зафиксировать следующую классификацию цифровых платформ: маркетплейсы (цифровой посредник между платформенными занятыми и заказчиками) и цифровые работодатели. Отметим, что операторы маркетплейсов имеют возможность определить правила пользования цифровой платформой. При этом, обязательно требуется соблюдать принцип юридического равенства при построении отношений между оператором маркетплейса и платформенным трудящимся, который осуществляет деятельность от своего имени и самостоятельно несет ответственность перед своими контрагентами. Цифровую трудовую платформу можно представить как цифрового работодателя, выступающего в качестве информационной системы, посредством которой предоставляются сведения о предлагаемых товарах, работах и услугах, их характеристиках, производится обработка платежей в режиме онлайн. Получается, что сама платформа не обладает самостоятельной правосубъектностью, т.к. это информационная система. Работодателем по отношению к платформенному занятому является оператор.

Таким образом, вышеизложенные дефиниции требуется внести в закон РФ «О занятости населения», а также необходимо установить систему идентификации видов цифровых платформ (маркетплейс или цифровой работодатель). Поэтому целесообразно создать реестр цифровых трудовых платформ, ведением которого должен заниматься Роскомнадзор России, а Правительство

РФ, в свою очередь, определяло бы общие критерии, основания и порядок определения вида цифровой платформы.

Следующий аспект, который также требует правового регулирования в сфере платформенной занятости, связан закреплением общих прав всех платформенных трудящихся: в нормативных правовых актах необходимо предусмотреть положения общего характера для всех платформенных занятых независимо от имеющегося статуса: работник или самозанятый. Например, целесообразно наделить их правом доступа к своим персональным данным, которые обрабатываются оператором онлайн-платформы, также необходимо установить для них следующие права: на внесение изменений в представленные данные, на ознакомление с полной и достоверной информацией о правилах пользования онлайн-платформой, на свободный вход и выход из аккаунта в любое удобное время, на деактивацию своего аккаунта в любой момент по инициативе платформенного трудящегося, на оплату труда в части гарантирования величины минимального часового размера оплаты труда.

Ранее было указано, что в РФ на данный момент не существует отраслевого законодательства, определяющего правовой статус платформенных занятых, поэтому их деятельность регулируется гражданским законодательством РФ [3]. В настоящее время за основу формирования законодательства о трудящихся посредством использования цифровой платформы целесообразно взять модель формирования института самозанятых. Среди возможных налоговых режимов, которые российские платформенные трудящиеся вправе выбирать можно выделить специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход». Сначала законодателю необходимо внести изменения в закон РФ «О занятости населения», и начать требуется с обособления самозанятых в качестве отдельной категории занятых граждан с целью придания им официального самостоятельного статуса занятости на рынке труда. Параллельно с этим на уровне закона требуется закрепить определение понятия «самозанятость». Это необходимо ввиду того, что платформенная занятость в части отношений между цифровыми трудовыми платформами по типу маркетплейса и платформенными самозанятыми является разновидностью самозанятости [9, с. 263]. В настоящее время понятие самозанятости зафиксировано только на подзаконном уровне. Так, согласно приказу Минэкономразвития России от 17.03.2021 № 121 самозанятые граждане – это физические лица, в т.ч., индивидуальные предприниматели, применяющие специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» в порядке, установленном Федеральным законом от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход». Отметим, что Минтруд России рассматривает платформенную занятость как деятельность самоза-

нятых и индивидуальных предпринимателей, которые оказывают услуги посредством цифровой платформы (Яндекс, Сбер, You.Do). Данное Министерство подготовило рабочую версию проекта поправок к закону о занятости, который представлен в настоящее время на общественные слушания посредством сети «Интернет». Поправки предполагают, что цифровые работодатели должны будут информировать и мотивировать платформенных занятых производить взносы на пенсионное и социальное страхование, больничные, отпускные; по желанию софинансировать расходы на страховые взносы; ввести штрафы за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей в рабочую смену в соответствии с договором. Также рекомендуется ограничить максимальное время работы платформенных занятых (не более 24 часов подряд), устанавливается обязанность информировать работников об условиях заказа (цифровая платформа вправе участвовать в расчете стоимости заказа, определять порядок, размер и частоту выплаты и вести рейтинг выполнения заказа). Поправками предусматривается возможность работников отказаться от заказа. Спорные ситуации предлагается разрешать через Совет цифровых платформ занятости, куда платформенный занятый вправе подать жалобу (в Совет будут входить представители онлайн-платформ и органов государственной власти). Минтруд России предлагает операторам предоставлять работникам, которые подключились к добровольным системам социальных гарантий, более выгодные условия по выполняемым ими заказам. Например, если самозанятый курьер заключил договор негосударственного пенсионного обеспечения, онлайн-платформа может установить для него меньший по сравнению с общим правилом размер комиссии, что станет стимулом для работников самостоятельно уплачивать страховые взносы в фонды. Минтруд России также предложил дать право операторам софинансировать расходы на пенсионное и медицинское обслуживание. Размер ежемесячного страхового взноса будет рассчитываться исходя из базового страхового дохода: в 2023 году он составит 32484 рубля, а ежемесячный взнос – 1247 рублей [5].

Таким образом, теоретико-правовое исследование вопросов и проблем правового регулирования отношений, возникающих между цифровыми платформами и платформенными занятыми в РФ позволяет сформулировать основные предложения, на основании которых должна быть построена концепция правового регулирования платформенной занятости в России:

- во-первых, в законодательство РФ о занятости населения требуется внедрить такие понятия, как «самозанятость», «платформенная занятость», «платформенные трудящиеся», «цифровые трудовые платформы»;
- во-вторых, дефиницию «платформенные трудящиеся» целесообразно использовать как родовое понятие, видами которого являются «плат-

форменные самозанятые» и «платформенные работники»;

- в-третьих, на законодательном уровне в отношении платформенных занятых требуется определить общий, видовой и специальный объем социальных прав и гарантий;
- в-четвертых, цифровые трудовые платформы целесообразно классифицировать на маркетплейсы и «цифровых работодателей» по признаку наличия или отсутствия ограниченной трудовой автономии платформенного трудящегося;
- в-пятых, платформенным самозанятым следует отнести только тех, кто лично осуществляет трудовую деятельность: факт государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя не должен иметь значения;
- в-шестых, допускается возможность внесения изменения не только в закон «О занятости населения», но и создать отдельную главу в ТК РФ с указанием особенностей заключения трудового договора с нулевым рабочим временем.

Литература

1. The platform economy and precarious work [Электронный ресурс] URL: <https://www.europarl.europa.eu>. – Дата обращения: 20.01.2023.
2. Бобков, В.Н., Черных, Е.А. Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости // Мир новой экономики. – 2020. – № 14. – С. 6–15.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ, в ред. от 25.02.2022 // СПС «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 23.01.2023.
4. Количество самозанятых в России впервые сравнялось с числом ИП [Электронный ресурс] URL: <https://www.tadviser.ru>. – Дата обращения: 20.01.2023.
5. Минтруд представил модель добровольного социального страхования, которая позволит самозанятым гражданам получать пособие по временной нетрудоспособности [Электронный ресурс] URL: www.consultant.ru. – Дата обращения: 20.01.2023.
6. Платформенная занятость: вызовы и возможные решения [Электронный ресурс] URL: – Дата обращения: 20.01.2023.
7. Ричерри, М. Ценность труда в контексте цифровой экономики Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего в сфере труда. – 2017. – С. 37–59.
8. Савельева, Е.А. Подходы к нормативно-правовому регулированию платформенной занятости в контексте обеспечения социально-экономической безопасности России при переходе к цифровой экономике // Экономическая безопасность. – 2020. – № 4. – С. 469–488.
9. Серова, А.В. В поисках концепции правового регулирования платформенной занятости //

Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 477. – С. 260–268.

10. Шевчук, А.В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. – 2020. – № 32. – С. 30–54.

LIMITATIONS OF LEGAL REGULATION OF LABOR RELATIONS BETWEEN SERVICE PROVIDERS AND DIGITAL PLATFORMS

Zueva K.A.

Far Eastern State Transport University

The rapid development of the platform economy has created a new kind of relationship between digital platforms and individuals who earn income through access to various activities, such as taxi services, clearing, tutoring, translation, design, IT services. Currently, this type of employment is called «platform». The distinctive features of this type of employment are the availability of a flexible work schedule, the right to cooperate with several platforms, the possibility of obtaining additional income. In this regard, a sufficiently large number of people can receive legal income by registering on an online platform. Currently, platform workers in the Russian Federation are not endowed with a special legal status and are considered as subjects of civil law engaged in entrepreneurial activities. Therefore, the basis of the legal regulation of their activities is the civil legislation of the Russian Federation. The judicial practice of the Russian Federation today is moving along the path of non-recognition of the relationship between digital platforms and platform employees as labor. However, platform employment is actively developing, so Russian courts in the future may carry out a different legal assessment of this type of relationship.

Keywords: digital platforms, platform employment, platform employment, marketplaces, self-employment, information systems, labor and social rights and guarantees.

References

1. The platform economy and precarious work [Electronic resource] URL: <https://www.europarl.europa.eu>. – Date of access: 20.01.2023.
2. Bobkov, V.N., Chernykh, E.A. Platform Employment: Scales and Signs of Unsustainability // World of New Economics. – 2020. – № 14. – P. 6–15.
3. The Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law № 51-FZ of November 30, 1994, as amended. dated February 25, 2022 // SPS «ConsultantPlus». -Date of access: 23.01.2023.
4. The number of self-employed in Russia for the first time equaled the number of individual entrepreneurs [Electronic resource] URL: <https://www.tadviser.ru>. – Date of access: 20.01.2023.
5. The Ministry of Labor presented a model of voluntary social insurance that will allow self-employed citizens to receive temporary disability benefits [Electronic resource] URL: www.consultant.ru. – Date of access: 20.01.2023.
6. Platform Employment: Challenges and Possible Solutions [Electronic resource] URL: – Date of access: 20.01.2023.
7. Richerri, M. The value of labor in the context of the digital economy Employment precariousness: international and Russian contexts of the future in the world of work. –2017. – P. 37–59.
8. Savelyeva, E.A. Approaches to the legal regulation of platform employment in the context of ensuring the socio-economic security of Russia in the transition to a digital economy // Economic security. – 2020. – № 4. – P. 469–488.
9. Serova, A.V. In search of the concept of legal regulation of platform employment // Bulletin of the Tomsk State University. – 2022. – № 477. – P. 260–268.
10. Shevchuk, A.V. From Factory to Platform: Autonomy and Control in the Digital Economy // Sociology of Power. – 2020. – № 32. – P. 30–54.

Развитие института реорганизации юридических лиц: обобщение правоприменительной практики

Лашков Андрей Павлович,

аспирант, кафедра фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Московского финансово-промышленного университета «Синергия»
E-mail: andrinho_90@mail.ru

Институт реорганизации юридических лиц обусловлен осуществлением важнейших гражданско-правовых действий, которые будут воздействовать на саму организационную структуру и взаимосвязанных с ней субъектов (кредиторов, инвесторов, поставщиков). При этом с позиции законодательных норм значимость приобретает обеспечение равновесия между интересами взаимосвязанных с организационной структурой субъектов, поскольку они в некоторой степени принимают участие в процедуре реорганизации. Поднимаемая в статье проблематика выступает крайне актуальной для современных реалий, поскольку в научном и гражданско-правовом обороте следует выработать единый теоретико-прикладной подход к содержанию процедуры реорганизации юридических лиц, кроме того, нужно обратить внимание и на необходимость проработки результативного механизма обеспечения интересов и гражданско-правовых основ, возложенных на участников при правоприменении процедуры реорганизации. В статье представлена систематизация мнений авторов в рамках теоретико-правовых подходов к идентификации процедуры реорганизации, обозначена авторская позиция к дефиниции категории «реорганизация юридического лица», выделены ключевые сущностные обстоятельства процедуры реорганизации организационных структур, приведены стадии практической реализации процедуры реорганизации, которые предопределены возникающими гражданско-правовыми последствиями, обозначена необходимость исключения преобразования из установленных в ГК РФ форм процедуры реорганизации в силу снижения её актуальности и несоответствия экономической направленности ведения организационной деятельности, предложено внедрение в отечественную практику гражданско-правового оборота такой категории, как «принудительная процедура реорганизации организационных структур», которая может способствовать уменьшению числа банкротств среди организационных структур на стадии наблюдения.

Ключевые слова: реорганизация юридических лиц, организационная структура, гражданско-правовой оборот, прекращение деятельности, формы реорганизации, процедура реорганизации, институт правопреемства, теоретико-правовой подход

Реорганизация подразумевает под собой основополагающую процедуру как для непосредственно юридического лица (коммерческой либо некоммерческой структуры), так и для взаимосвязанных с ним субъектов гражданского права, поскольку сам процесс реорганизации может в значительной степени воздействовать на имущественное и организационное положение. Ключевой задачей, преследуемой в рамках применения законодательных норм, выступает обеспечение равновесия между интересами, существующими у различных субъектов гражданского права, которые также принимают определённое участие в процедуре реорганизации.

В первую очередь, трудность процедуры реорганизации заключается в наличии противоречий, а также различий интересов субъектов гражданско-правового оборота. Одновременно с этим масштабность использования организационными структурами процедуры реорганизации в достижении противозаконной цели способствует возникновению нарушения гражданско-правовых основ существования субъектов нормативно-правового оборота.

Кроме того, крайне длительное отсутствие упорядоченной системы гражданско-правовой регламентации процедуры реорганизации организационной структуры, определённое несоответствие аспектов нормативно-правового поля и особенностей складывающихся гражданско-правовых отношений вызывает проблемы гражданского правоприменения и сложности теоретического характера, обусловленных, прежде всего, отсутствием единого подхода к идентификации термина «реорганизация юридического лица», ключевых сущностных характеристик рассматриваемой категории в научно-исследовательском сообществе.

В настоящее время текущая версия ГК РФ [1] не содержит чёткую дефиницию теоретической категории «реорганизация юридического лица», что породило проблему свободной формулировки рассматриваемого термина не только в рамках академических исследований, но и в процессе судебных разбирательств [2, с. 43]. Вместе с тем поднимаемая сложность обуславливает отсутствие чёткого содержательного понимания гражданско-правовой природы процедуры реорганизации организационных структур, так как в дефиницию теоретической категории «реорганизация юридического лица» могут быть включены конкретные свойства и признаки, характеризующие гражданско-правовую специфичность процедуры реорганизации организационных структур.

Теоретические вопросы категории реорганизации организационных структур в научно-

исследовательском сообществе выступают весьма дискуссионными. В процессе анализа положений доктринальной науки можно утверждать, что имеется разнообразие теоретико-правовых подходов к идентификации процедуры реорганизации организационных структур, её свойств и сущностных характеристик трансформации статуса таких организационных структур в рамках осуществления реорганизации.

Рассмотрим основные аспекты теоретико-правовых подходов к идентификации процедуры реорганизации организационных структур. С точки зрения первого теоретико-правового подхода процедура реорганизации формулируется посредством установленных в ГК РФ [1] её форм. В данном случае реорганизация подразумевает под собой принятое участниками организационной структуры либо уполномоченным лицом решение, когда организационная структура может проходить любую из пяти установленных в ГК РФ форм процедуры реорганизации с целью дальнейшего преобразования в новую организационную модель [3, с. 22].

Обозначенный теоретико-правовой подход к идентификации процедуры реорганизации организационных структур выступает в определённой степени производным по отношению к установленным в ГК РФ её формам. При этом познать сущностные характеристики рассматриваемой гражданско-правовой категории можно благодаря законодательной регламентации форм процедуры реорганизации организационных структур.

Второй теоретико-правовой подход к идентификации процедуры реорганизации организационных структур предопределяет взаимосвязь анализируемой категории с институтом правопреемства. Дело в том, что процедура реорганизации может предполагать наличие универсального либо частичного правопреемства.

Например, в исследовательской работе [4, с. 169] представлен авторский подход к идентификации процедуры реорганизации организационных структур, согласно которому реорганизация подразумевает под собой многообразие определённых действий, сопровождаемых универсальными характеристиками правопреемства, когда гражданские права и обязанности первоначальной организационной структуры переходят к новой организации.

В данном случае реорганизация идентифицируется как гражданско-правовая процедура, которая предопределяет конкретный перечень последствий в гражданско-правовом обороте. Одновременно с этим новая организация, являющаяся правопреемником, приобретает активы организационной организационной структуры, возложенные на неё права и обязанности.

Вместе с тем материальные обязанности и права включаются в совокупность активов организационной структуры, поэтому с учётом процесса универсального правопреемства к новой организации переходят существовавшие у предшественника активы, гражданско-правовые обязанности и права [5, с. 154].

Помимо вышеизложенного, некоторые авторы утверждают, что осуществление реорганизации обусловлено целью рассматриваемой гражданско-правовой процедуры, которая основана на прекращении одного статуса и возникновении другого статуса организационной структуры. Например, можно увидеть, что, с одной стороны, процедура реорганизации подразумевает под собой альтернативное решение первоначального образования организационной структуры, однако реорганизацию можно понимать в качестве инструмента, с помощью которого прекращается функционирование конкретной организационной структуры [6, с. 149].

Здесь в соответствии с мнением автора предполагается анализ процедуры реорганизации с точки зрения одновременного образования и прекращения организационной структуры (одной либо нескольких). При этом автор проводит исследование не содержательных признаков процедуры реорганизации в рамках характера применения правопреемства, а представляет общее понимание процедуры реорганизации без утверждения конкретных последствий гражданско-правового характера.

Необходимо подчеркнуть, что в разрезе академических исследований можно найти комбинированный теоретико-правовой подход к идентификации процедуры реорганизации организационной структуры. Например, в научно-исследовательском труде [7, с. 70] обозначено авторское мнение через юридическую позицию, в соответствии с которой реорганизация предопределяет прекращение одной организационной структуры и образование новой, которая, в свою очередь, получает обязанности и права предшествующей организации.

Тогда процедура реорганизации взаимосвязана с фактическим обстоятельством прекращения одной организационной структуры и образования новой при условии применения аспектов института правопреемства. В данном случае прекращение и ликвидация функционирования различаются между собой, поскольку в первой ситуации подразумевается переход гражданско-правовых обязанностей и имевшихся прав. По своей сути, прекращение организационной структуры через реорганизацию выступает предпосылкой к формированию новой организационной модели, а правопреемство является следствием осуществляемой процедуры реорганизации [8, с. 662].

Таблица 1. Систематизация мнений авторов в рамках теоретико-правовых подходов к идентификации процедуры реорганизации

Автор (коллектив авторов)	Год исследования	Трактовка процедуры реорганизации
Р.В. Гаврилюк, А.В. Еркин	2018	Прекращение организационной структуры через реорганизацию выступает предпосылкой к формированию новой организационной модели, а правопреемство является следствием осуществляемой процедуры реорганизации

Автор (коллектив авторов)	Год исследования	Трактовка процедуры реорганизации
Е.Т. Капинос	2018	Процедура реорганизации подразумевает под собой альтернативное решение первоначального образования организационной структуры, однако реорганизацию можно понимать в качестве инструмента, с помощью которого прекращается функционирование конкретной организационной структуры
Н.В. Фирсова, Д.С. Подприхина	2018	Реорганизация подразумевает под собой многообразие определённых действий, сопровождаемых универсальными характеристиками правопреемства, когда гражданские права и обязанности первоначальной организационной структуры переходят к новой организации
А.М. Белялова	2019	Реорганизация предопределяет прекращение одной организационной структуры и образование новой, которая, в свою очередь, получает обязанности и права предшествующей организации
А.А. Авшарян	2021	Материальные обязанности и права включаются в совокупность активов организационной структуры, поэтому с учётом процесса универсального правопреемства к новой организации переходят существовавшие у предшественника активы, гражданско-правовые обязанности и права
Д.А. Кириллов	2021	Реорганизация подразумевает под собой принятое участниками организационной структуры либо уполномоченным лицом решение, когда организационная структура может проходить любую из пяти установленных в ГК РФ форм процедуры реорганизации с целью дальнейшего преобразования в новую организационную модель

Источник: составлено автором на основе [2–8]

В таблице 1 систематизированы мнения авторов по выделенным теоретико-правовым подходам к идентификации процедуры реорганизации и изложенным в научных публикациях.

Следовательно, анализ обозначенных в исследовании теоретико-правовых подходов к идентификации процедуры реорганизации организационной структуры способствует обнаружению нескольких существенных обстоятельств:

1. При практической реализации процедуры реорганизации применяются установленные в ГК РФ её формы, в частности, разделение, слияние, выделение, присоединение, преобразование [1];

2. Процедура реорганизации взаимосвязана с фактическим обстоятельством прекращения од-

ной организационной структуры и образования новой;

3. Реорганизация сопровождается универсальными характеристиками правопреемства либо его частичным характером, когда гражданские права и обязанности первоначальной организационной структуры переходят к новой организации.

В определённой степени вышеуказанные гражданско-правовые последствия осуществления процедуры реорганизации имеют место быть на различных стадиях её практической реализации:

- I стадия: осуществление уполномоченным лицом выбора формы из установленных в ГК РФ для реализации процедуры реорганизации;
- II стадия: принятие участниками организационной структуры либо уполномоченным лицом решения, когда организационная структура может проходить выбранную из установленных в ГК РФ форм процедуру реорганизации с целью дальнейшего преобразования в новую организационную модель;
- III стадия: обусловлена прекращением функционирования предшествовавшей организационной структуры;
- IV стадия: обусловлена образованием новой организационной модели в виде юридического лица;
- V стадия: образование новой организационной модели сопровождается характеристиками института правопреемства (универсального либо частичного характера).

Согласно приведённому обзору термина «реорганизация юридического лица (организационной структуры)», представленной в таблице 1 систематизации мнений авторов в рамках теоретико-правовых подходов к идентификации процедуры реорганизации мы можем предложить такую дефиницию рассматриваемой гражданско-правовой категории: реорганизация организационной структуры подразумевает под собой определённую процедуру, обусловленную алгоритмом последовательных гражданско-правовых действий, которые предусмотрены в рамках законодательной регламентации форм реорганизации по ГК РФ, подразумевающих процесс перехода материальных обязанностей, прав, активов организационной структуры к образованной организационной модели ведения деятельности.

Следует обратить внимание, что одной из законодательно регламентированных форм процедуры реорганизации является преобразование. В содержательном смысле преобразование как форма реорганизации подразумевает под собой трансформацию организационно-правовой формы юридического лица [9].

При этом мы предлагаем усовершенствовать гражданско-правовой институт реорганизации посредством исключения из перечня форм процедуры реорганизации преобразование, так как обозначенная форма в некоторой степени не соответствует возможным гражданско-правовым послед-

ствиям и организационно-экономической направленности ведения деятельности через новую организационную модель.

Начиная с сентября 2014 года, согласно ст. 57 ГК РФ [1] в отечественной практике возможна смешанная процедура реорганизации, подразумевающая использование одновременно нескольких закрепленных в гражданском законодательстве РФ форм. Помимо этого, стало возможным осуществление процедуры реорганизации, даже если её участниками выступает двое и более юридических лиц, образованных с различными организационно-правовыми формами ведения деятельности. При этом необходимо учитывать, что ГК РФ предусмотрена законодательная возможность преобразования организационных структур.

Несмотря на вышесказанное, в настоящее время практическое осуществление смешанных процедур реорганизации внутри российского гражданско-правового поля достаточно ограничено по причине того, что до сих пор доктринальная наука не содержит единого подхода к сущностным характеристикам смешанных процедур реорганизации, а на уровне ГК РФ [1] не установлен гражданско-правовой механизм реализации в отечественной практике смешанных процедур реорганизации с применением преобразования.

Кроме того, проводя анализ составляющих процедуры реорганизации, мы видим, что основополагающие содержательные признаки процедуры реорганизации организационной структуры не присутствуют при осуществлении формы преобразования, поэтому теоретико-правовое понимание природы преобразования в рамках установленных положений ГК РФ необходимо скорректировать, так как в текущей версии ГК РФ [1] преобразование стало крайне неактуальной формой процедуры реорганизации организационной структуры, что также отмечено в научном труде [10].

Обращаясь к статистическим данным, к концу III квартала 2021 года в отечественной структуре хозяйствования функционировало свыше 3 млн юридических лиц в разрезе всех существующих форм организационно-правовой принадлежности, в том числе около 2,7 млн юридических лиц осуществляло коммерческую деятельность.

При этом за первые девять месяцев 2021 года в качестве юридических лиц было зарегистрировано чуть более 170 тыс. ед. посредством создания и около 2 тыс. ед. посредством осуществления процедуры реорганизации. В этом же временном промежутке более 300 тыс. юридических лиц прекратило ведение организационной деятельности, вместе с тем посредством осуществления процедуры реорганизации прекратило ведение организационной деятельности примерно 7,3 тыс. ед.

Стоит учитывать распределение осуществления процедуры реорганизации организационных структур при государственной регистрации к концу III квартала 2021 года (рисунок 1). Можно заметить, что удельный вес организационных структур, образованных посредством преобразования не до-

стигает и 15% в сравнении с остальными четырьмя формами отечественной практики.

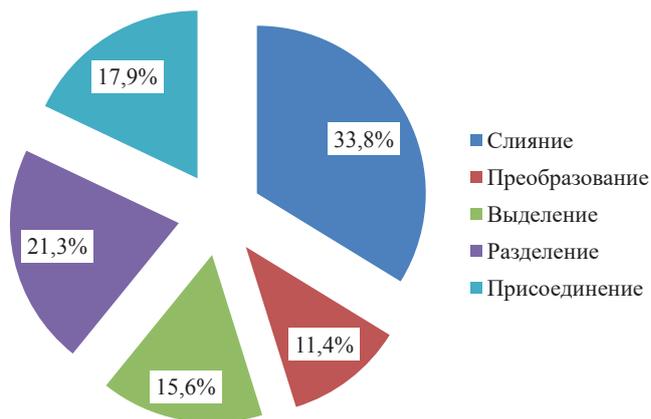

Рис. 1. Распределение осуществления процедуры реорганизации организационных структур при государственной регистрации к концу III квартала 2021 года, %

Источник: составлено автором на основе [11]

Необходимо также обратить внимание на то обстоятельство, что целесообразно в отечественную практику гражданско-правового оборота внедрить такую категорию, как «принудительная процедура реорганизации организационных структур». Дело в том, что установленные в ГК РФ нормы обладают в основном свойством императивности [12], одновременно с этим гражданско-правовое содержание реорганизации организационных структур, а также современные тенденции в сфере банкротств подразумевают установление специального гражданско-правового режима в виде принудительной процедуры реорганизации организационных структур.

По итогам 2022 года общее число банкротств организационных структур уменьшилось в сравнении с 2021 годом на 12%. При этом количество юридических лиц, находящихся под наблюдением, в аналогичный промежуток времени также уменьшилось практически на 40% (рисунок 2).

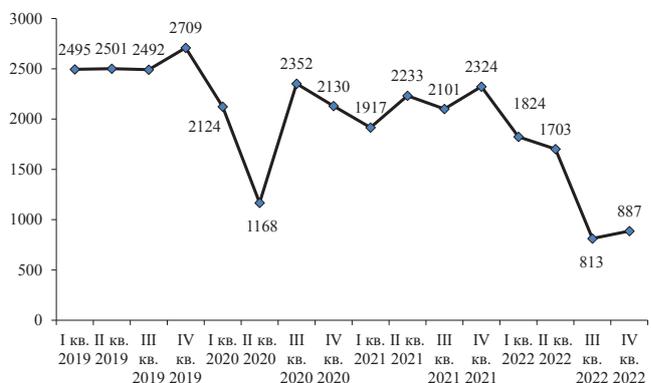

Рис. 2. Динамическое изменение количества юридических лиц, находящихся под наблюдением, ед.

Источник: составлено автором на основе [13]

Вместе с тем количество реабилитированных юридических лиц после проведения процедуры наблюдения на конец IV квартала 2022 года составило всего 29 организационных структур. В динамиче-

ческом изменении количества реабилитированных юридических лиц после проведения процедуры наблюдения, изображённом на рисунке 3, можно наблюдать, что удельный вес реабилитированных юридических лиц не превышает 2%.

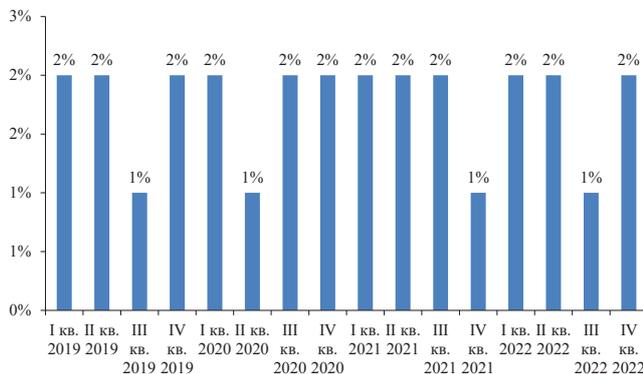

Рис. 3. Динамическое изменение доли реабилитированных юридических лиц после проведения процедуры наблюдения, %

Источник: составлено автором на основе [13]

В данном случае мы предполагаем, что при законодательной регламентации категории принудительной реорганизации организационных структур, которая бы использовалась на стадии наблюдения за юридическим лицом, доля реабилитированных юридических лиц стала бы больше, а количество ликвидированных организаций стало бы в определённой степени ниже.

Вместе с тем относительно трудно в рамках категории принудительной реорганизации организационных структур охватить все основания для её практического осуществления на базе ГК РФ, при этом будет недостаточным традиционное общее представление содержания принудительной реорганизации организационных структур, которая должна реализовываться в отечественной практике посредством вынесенного уполномоченными публичными ведомствами решения либо окончания соответствующего судебного разбирательства.

В данном случае мы считаем, что в законодательных нормах ГК РФ должна быть раскрыта дефиниция категории «принудительная реорганизация юридического лица», мы предлагаем трактовать её таким образом: под принудительной реорганизацией юридического лица (организационной структуры) необходимо понимать процедуру, обусловленную алгоритмом последовательных гражданско-правовых действий, подразумевающих принудительный процесс перехода материальных обязанностей, прав, активов организационной структуры к образованной новой организационной модели ведения деятельности в связи с потенциальным наступлением события ликвидации либо банкротства (финансовой несостоятельности) юридического лица.

Следовательно, если юридическое лицо находится на стадии наблюдения, то руководству данной организационной структуры следует порекомендовать осуществить принудительную реоргани-

зацию организационной структуры по причине возникновения предикторов, обуславливающих финансовую несостоятельность юридического лица. Принудительная реорганизация организационного субъекта должна быть осуществлена с таким юридическим лицом, деятельность которого весьма успешна в финансово-экономическом плане. Подобный подход необходим для того, чтобы усилить благополучие организационной структуры в отраслевом сегменте за счёт принудительной процедуры реорганизации.

Ключевое внимание в ГК РФ уделено вопросам обеспечения гражданско-правовых основ деятельности взаимосвязанных с реорганизуемым юридическим лицом субъектов, в частности, кредиторов. Здесь важно подчеркнуть то обстоятельство, что в процессе проведения процедуры реорганизации организационной структуры зачастую появляются проблемы во взаимодействии между реорганизуемой организационной структурой и её кредиторами.

При этом процедура реорганизации затрагивает интересы и прочих заинтересованных участников, поскольку, прежде всего, материальное положение в ходе процедуры реорганизации организационной структуры может в значительной степени измениться у участников данной организационной структуры.

Для того чтобы рационализировать гражданско-правовую регламентацию интересов участников и взаимосвязанных с реорганизуемым юридическим лицом субъектов, нужно идентифицировать и впоследствии систематизировать возможные отрицательные риск-факторы, гражданско-правовые последствия, которые могут вызвать возникновение гражданско-правовых обстоятельств, способствующих проведению процедуры реорганизации.

Безусловно, что законодатель не имеет возможности анализировать и разбирать отдельные частные случаи, произошедшие у взаимосвязанных с реорганизуемой организационной структурой субъектов, в гражданско-правовом обороте. Это может привести к произвольному указанию законодателя на какие-либо гражданско-правовые действия, которые должны осуществить те или иные субъекты, при этом подобный подход способен породить сложности по причине непосредственного осуществления процедуры реорганизации любыми организационными структурами.

Поэтому следует в рамках ГК РФ привести перечень причин обеспечения интересов участников и взаимосвязанных с реорганизуемым юридическим лицом субъектов, а уже обоснование причин будет способствовать анализу целесообразности обеспечительных мер для взаимосвязанных с реорганизуемым юридическим лицом субъектов согласно совокупности критериев использования в отечественной практике подобных обеспечительных мер.

Подводя итог, в процессе исследования были выделены основополагающие проблемы современного гражданского правоприменения институ-

та реорганизации юридических лиц (организационных структур), а именно: ГК РФ не содержит чёткую дефиницию теоретической категории «реорганизация юридического лица», что породило проблему свободной формулировки рассматриваемого термина не только в рамках академических исследований, но и в процессе судебных разбирательств, форма преобразования в некоторой степени не соответствует возможным гражданско-правовым последствиям и организационно-экономической направленности ведения деятельности через новую организационную модель, отсутствие процедуры принудительной реорганизации организационных структур, которая необходима для отечественной практики в связи с крайне низкой долей реабилитированных юридических лиц и высоким числом ликвидированных, обанкротившихся организационных структур. Содержащиеся в данном исследовании рекомендации можно применить с целью совершенствования текущей версии гражданско-правовых законодательных норм национальной системы.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 54-ФЗ (часть первая) (ред. от 16.04.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 03.02.2023).
2. Замула Д.В. Реорганизация и ликвидация юридических лиц: общее и особенное // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. – Пенза: Наука и Просвещение, 2018. – С. 43–45.
3. Кирилов Д.А. Понятие реорганизации и ее виды // Достижения науки и образования. – 2021. – № 1 (73). – С. 21–24.
4. Фирсова Н.В., Подоприхина Д.С. К вопросу о сущности реорганизации юридического лица // Инновационное развитие. – 2018. – № 4 (21). – С. 168–170.
5. Авшарян А.А. Правопреемство при реорганизации юридических лиц // Синергия наук. – 2021. – № 64. – С. 150–162.
6. Капинос Е.Т. Понятие и формы реорганизации юридических лиц // Наука XXI века: теория, практика, перспективы развития. – Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2018. – С. 149–153.
7. Белялова А.М. Понятие и сущность реорганизации юридических лиц // Закон и право. – 2019. – № 1. – С. 69–76.
8. Гаврилюк Р.В., Еркин А.В. О понятии реорганизации юридического лица // Аллея науки. – 2018. – Т. 4. – № 11 (27). – С. 660–663.
9. Мирзаева Р.М. Понятие и сущность реорганизации коммерческих юридических лиц: теоретико-правовой анализ // Закон и право. – 2022. – № 8. – С. 116–118.

10. Баттахов П.П. Понятие и формы реорганизации юридических лиц // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 4 (172). – С. 62–64.
11. Статистика по государственной регистрации юридических лиц в 2021 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://onlinejurist.ru/2021/10/13/statistika-po-gosudarstvennoj-registracii-yuridicheskix-lic-v-2021-godu/> (дата обращения: 03.02.2023).
12. Принудительная реорганизация юридического лица [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brace-lf.com/informaciya/korporativnoe-pravo/121-prinuditelnaya-reorganizatsiya-yuridicheskogo-litsa> (дата обращения: 03.02.2023).
13. Инфографика: банкротные итоги 2022 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://probankrotstvo.ru/articles/infografika-bankrotnye-itogi-2022-goda-1859> (дата обращения: 03.02.2023).

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF REORGANIZATION OF LEGAL ENTITIES: GENERALIZATION OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Lashkov A.P.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The institution of reorganization of legal entities is conditioned by the implementation of the most important civil legal actions that will affect the organizational structure itself and the subjects interconnected with it (creditors, investors, suppliers). At the same time, from the standpoint of legislative norms, it becomes important to ensure a balance between the interests of subjects interconnected with the organizational structure, since they participate to some extent in the reorganization procedure. The problems raised in the article are extremely relevant for modern realities, since in scientific and civil law circulation it is necessary to develop a unified theoretical and applied approach to the content of the procedure for the reorganization of legal entities, in addition, it is necessary to pay attention to the need to work out an effective mechanism for ensuring the interests and civil law bases assigned to participants in the enforcement of the reorganization procedure. The article presents the systematization of the authors' opinions within the framework of theoretical and legal approaches to the identification of the reorganization procedure, the author's position on the definition of the category «reorganization of a legal entity» is indicated, the key essential circumstances of the reorganization procedure of organizational structures are highlighted, the stages of the practical implementation of the reorganization procedure are given, which are predetermined by the arising civil consequences, the necessity of excluding transformation from the forms of reorganization procedure established in the Civil Code of the Russian Federation due to its reduced relevance and inconsistency with the economic orientation of organizational activity is indicated, the introduction of such a category as «compulsory procedure for reorganization of organizational structures» into domestic practice of civil law turnover is proposed, which can help reduce the number of bankruptcies among organizational structures at the observation stage.

Keywords: reorganization of legal entities, organizational structure, civil turnover, termination of activity, forms of reorganization, reorganization procedure, institute of succession, theoretical and legal approach

References

1. The Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 No. 54-FZ (part one) (ed. of 16.04.2022) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (data accessed: 03.02.2023).

2. Zamula D.V. Reorganization and liquidation of legal entities: general and special // Modern jurisprudence: topical issues, achievements and innovations. – Penza: Science and Education, 2018. – P. 43–45.
3. Kirillov D.A. The concept of reorganization and its types // Achievements of science and education. – 2021. – No. 1 (73). – P. 21–24.
4. Firsova N.V., Podoprikhina D.S. On the issue of the essence of the reorganization of a legal entity // Innovative development. – 2018. – No. 4 (21). – P. 168–170.
5. Avsharyan A.A. Succession in the reorganization of legal entities // Synergy of Sciences. – 2021. – No. 64. – P. 150–162.
6. Kapinos E.T. The concept and forms of reorganization of legal entities // Science of the XXI century: theory, practice, prospects of development. – Neftekamsk: Scientific Publishing Center «World of Science», 2018. – P. 149–153.
7. Belyalova A.M. The concept and essence of reorganization of legal entities // Law and law. – 2019. – No. 1. – P. 69–76.
8. Gavrilyuk R.V., Erkin A.V. On the concept of reorganization of a legal entity // Alley of Science. – 2018. – T. 4. – No. 11 (27). – P. 660–663.
9. Mirzayeva R.M. The concept and essence of the reorganization of commercial legal entities: theoretical and legal analysis // Law and Law. – 2022. – No. 8. – P. 116–118.
10. Battakhov P.P. The concept and forms of reorganization of legal entities // Law and the state: theory and practice. – 2019. – No. 4 (172). – P. 62–64.
11. Statistics on the state registration of legal entities in 2021 [Electronic resource]. – Access mode: <https://onlinejuristy.ru/2021/10/13/statistika-po-gosudarstvennoj-registracii-yuridicheskix-lic-v-2021-godu/> (data accessed: 03.02.2023).
12. Compulsory reorganization of a legal entity [Electronic resource]. – Access mode: <https://brace-lf.com/informaciya/korporativnoe-pravo/121-prinuditelnaya-reorganizatsiya-yuridicheskogo-litsa> (data accessed: 03.02.2023).
13. Infographics: bankrupt results of 2022 [Electronic resource]. – Access mode: <https://probankrotstvo.ru/articles/infografika-bankrotnye-itogi-2022-goda-1859> (data accessed: 03.02.2023).

Сопоставление правового регулирования обращения криптовалюты в гражданском праве России и Японии

Лузан Сергей Николаевич,

аспирант кафедры гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений
E-mail: Lusanuri@gmail.com

В статье произведен анализ регулирования криптовалюты как объекта гражданских прав в России и Японии на начало 2023 года, ее обращение на криптобиржах, а также законодательное регулирование функционирования криптобирж. Изучена позиция цивилистов по правовой природе криптовалюты, произведен сравнительный анализ, выработана общая позиция и дана ее характеристика. Рассмотрен опыт регулирования криптобирж в Японии, изучена позиция правоведов. Рассмотрено и проанализировано два федеральных закона по регулированию цифровых финансовых активов и инвестиционных площадках, а также статья 144.1 гражданского кодекса Российской Федерации о цифровых правах, дана правовая оценка. Произведен анализ понятий криптовалюта и цифровая валюта, цифровой финансовый актив, блокчейн. Поднялись вопросы практического использования криптовалют сейчас и перспективы применения в будущем.

Ключевые слова: блокчейн, криптовалюта, биткоин, виртуальные деньги, объекты гражданских прав, цифровые права.

В конце XX века при развитии технологии информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» никто не мог предположить, что через двадцать лет с её помощью товарно-денежный оборот примет абсолютно новую формацию. Во-первых, часть товаров примет новую форму, во-вторых, деньги начнут переходить в электронный оборот, в-третьих, товары и деньги не только примут цифровой вид, но и изменится их субъект обеспечения.

Новые технологии пронзили не весь общественный строй, но с каждым годом они захватывают все больше и больше отраслей. Десять лет назад нельзя было представить, а сегодня это уже обыденность, что можно оплатить проезд в метро, всего лишь посмотрев в камеру.

В нынешний переходный момент деньги начали граничить с токенами, в 2021 году Сальвадор принял в качестве законного платежного средства первую в мире криптовалюту «Биткоин», остальные государства не отстают в постепенном принятии криптовалюты, но в каждой стране есть свое видение и понимание как ее регулировать.

Сегодня вопрос принадлежности криптовалюты является спорным не только на уровне государств, но и среди ученых.

Ким М.С. считает, что «Признание криптовалюты безналичным денежным средством представляется неточным, так как криптовалюту нельзя отнести к деньгам, но ее нельзя и однозначно отнести к денежным суррогатам» [5].

По мнению Э.Ю. Молчановой криптовалюта – это «фидуциарная цифровая валюта, валютный курс которой устанавливается на основании свободно плавающего режима как результат спроса и предложения на валютном рынке с полным отсутствием контроля со стороны центробанков» [8].

В Российском законодательстве отсутствует определение слову «криптовалюта», но в гражданский оборот введены такие понятия как «цифровые права», «цифровой финансовый актив», «цифровая валюта».

Цифровые права, согласно статье 141.1 ГК РФ, наделяют обязательственные права, регулирование которых передано информационной системе, осуществляющей деятельность согласно Федеральному закону № 259ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее также – Закон об инвестиционных платформах)[1].

В данном Законе определение «унитарные цифровые права» означает цифровые права, которые приобретаются, отчуждаются и осуществляются

на инвестиционной платформе, созданной оператором, аккредитированного Центральным Банком РФ. С конца 2021 года по февраль 2023 года увеличилось на 27 операторов инвестиционных платформ, сейчас их насчитывается 73 участника [9]. Это говорит о том, что интерес общества и рынка инвестиций к данной модели вкладов растет.

Термин «цифровые права» не соотносится с природой криптовалюты, которая функционирует на технологии блокчейн, ввиду того что третьи лица в лице операторов инвестиционных платформ противоречат главному принципу криптовалюты – анонимности.

По закону об инвестиционных платформах оператор занимается поиском проектов, нуждающихся в спонсорах с одной стороны, а с другой стороны в поисках спонсоров, которые готовы заплатить деньги взамен на цифровые права в этом проекте. Оператор не только является надежным посредником, между «покупателем» и «продавцом» по обеспечению сделки, но и аналитиком, а также гарантом, что сделка произойдет по букве закона и каждая сторона приобретет права и обязанности по договору.

Закон об инвестиционных платформах представляется важным начальным путем по переходу к цифровой экономике, он имеет важные положения для развития цифрового суверенитета России и удержания денежных средств (в цифровом виде) в стране.

Но закон имеет негативную сторону. Негативным является то, что выпуск токенов и обмен может быть только внутри России, таким образом не представляется возможным привлечь внешних инвесторов.

По мнению Д.Д. Маслова цифровые права отождествляются с цифровым свидетельством, а его в свою очередь «можно охарактеризовать как новый для российского фондового рынка инвестиционный финансовый инструмент, созданный по модели депозитарных расписок, для создания которых законодательством не предусмотрена эмиссия» [7].

Если бы закон об инвестиционных платформах «цифровыми права» обозначил «криптовалюту», а именно разрешил бы использование «Bitcoin», то в России на законодательном уровне урегулировали криптобиржи. В настоящее время закон о криптобиржах имеется в ограниченном числе государств, самой передовой страной в этом вопросе является Япония.

Япония на законодательном уровне начала регулировать криптовалюту в 2017 году, путем принятия закона о том, что криптовалюта является платежным средством, но не денежной единицей. В том числе благодаря принятию этого закона все крупные криптобиржи: «Бинанс», «Хуоби» и другие имеют головные офисы в Японии [6].

По верному утверждению Т.Ф. Фатхутдиновой «Криптобиржа представляет собой интернет-площадку, специализированный сайт, на котором потенциальный участник торгов может купить, про-

дать или через обменник обменять ту или иную цифровую монету» [12].

Важность криптобиржи состоит в том, что большинство переводов криптовалюты происходит через них. Криптобиржи это транснациональные коммерческие организации. Основная цель их функционирования является посредничество между продавцом и покупателем криптовалюты. Они являются «банками» и «брокерами» в мире криптовалюты.

В 2022 году криптобиржа «Бинанс» имеет на своих счетах в банках 70 млрд долларов для обеспечения физических (фиатных) обязательств перед теми, кто имеет криптовалюту на виртуальных кошельках в системе [4]. Для сравнения показателей корпорации «Бинанс» с государствами, бюджет «Бинанс» сравним с годовым ВВП небольших стран, таких как: Хорватия, Панама, Узбекистан.

Как верно устанавливают А.Ж. Турегельдина и Б.Г. Абдираимова, «криптобиржа является брокером между покупателями и продавцами криптовалюты. В подавляющем большинстве эти онлайн-торговые площадки требуют обязательной проверки вашей идентификации личности и открытия учетной записи и счетов внутри криптобиржи. Это обязательные требования для всех участников криптобиржи и является неотъемлемой частью для начала торговли» [11].

Таким образом криптовалютные биржи обеспечивают прозрачность всех участников торгов, жертвуя основным принципом криптовалюты – анонимности, а учитывая существующий ажиотаж, пользователи готовы на него идти, особенно, когда дело касается больших денег.

В настоящий момент в Японии на законодательном уровне закреплено, что криптобиржа обязана иметь на своих счетах такое же количество настоящих денег, которое хранят пользователи на счетах криптобиржи в криптовалюте для того, чтобы в случае взлома криптобиржи, пользователям была произведена компенсация за счет криптобиржи [10].

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определяет порядок, согласно которому регулируются отношения, возникающие при обороте цифровых финансовых активов и цифровой валюты [3].

Цифровыми финансовыми активами являются цифровые права, которые имеют денежные требования, а также возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, прав требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, предусмотренные решением о выпуске цифровых финансовых активов по правилам, установленным данным законом. Внесение, изменение записей в информационной системе, возможно только в рамках распределенного реестра.

Таким образом криптовалюта, которая основа на технологии блокчейн, входит в понятие цифро-

вая валюта и должна регулироваться рассматриваемым Федеральным законом.

Таким образом криптовалютой необходимо считать вид цифровой валюты, которая создается и контролируется за счет криптографических методов, при этом отсутствует внутренний или внешний обязательный администратор.

Криптовалюта функционирует за счет технологии блокчейна. Блокчейн – это блоки с данными, которые связаны друг с другом, создание каждого блока базируется на информации предыдущего блока, с обязательной фиксацией времени создания; каждый блок использует специальный тип шифрования и каждый последующий блок использует шифрование предыдущего блока, таким образом, чтобы изменить какой-то блок в середине или начале списка и чтобы никто не заметил подмены, нужно изменить все следующие блоки после замены этого блока. К тому же информация обо всех транзакциях находится на всех серверах, которые занимаются криптографической деятельностью определенной монеты.

Таким образом по закону о цифровых финансовых активах криптовалюта является имуществом. В законе отсутствует регулирование по выпуску и обороту цифровой валюты на территории Российской Федерации.

Криптовалюта признана имуществом, но не законным средством платежа, это значит, что нельзя расплатиться криптовалютой. Но в то же время это значит, что возможно использовать договор мены и пользоваться всеми гарантиями по гражданскому законодательству.

Таким образом, в Российской Федерации регулирование криптовалюты, а, соответственно, и защита гражданских прав ее владельцев урегулировано ограничено. То есть криптовалюта признана объектом гражданских прав, как имущество, но криптовалютой нельзя расплатиться за товары и услуги. Федеральный закон о цифровых финансовых активах имеет отсылки на законодательные акты, которые еще не приняты.

Литература

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51–ФЗ. (в ред. с изм. и доп. от 07.09.2021 N12–ФЗ) // Собрание законодательства РФ, 05.12.94 – № 32 – ст. 3301.
2. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <http://pravo.gov.ru>.
3. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <http://pravo.gov.ru>.
4. «Бинанс» подтвердила свои активы на \$70 млрд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/crypto/news/636cf99c9a7947a3bf64bf47>, свободный. – (дата обращения 30.01.2023).
5. Ким М.С. Гражданско-правовой режим криптовалюты: соотношение криптовалюты и безналичных денежных средств // Вопросы российской юстиции. 2022. № 20. С. 142–148.
6. Криптовалюта в Японии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommer-sant.ru/doc/3260236>, свободный. – (дата обращения 10.03.2022).
7. Маслов Д.Д. Правовое регулирование деятельности операторов инвестиционных платформ // Modern Science. 2022. № 5–1. С. 161–163.
8. Молчанова Э. Ю., Солодковский Ю.М. Современные деньги в глобальной экономике // «Современная экономика: анализ тенденций и перспектив развития». Одесса: Куприенко С.В., 2014. С. 71–86.
9. Операторы инвестиционных платформ // URL: https://www.cbr.ru/finm_infrastructure/oper/ (дата обращения – 10.02.2023).
10. Регулирование криптовалюты в Японии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.block-chain24.com/news/novosti-regulirovaniya-yaponiya-vnedrit-novye-kriptovalyutnye-zakony-1-maya>, свободный. – (дата обращения 08.03.2022).
11. Турегельдинова А. Ж., Абдираимов Б.Г. Криптовалюта как альтернатива ведения бизнеса в торговых биржах // Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. 2021. № 28. С. 136–146.
12. Фатхутдинова Т. Ф., Сафина З.З. Криптовалюта как альтернативный финансовый рынок // В сборнике: Инновации в науке и практике. Сборник статей по материалам IV международной научно-практической конференции. В 4-х частях. 2017. С. 174–181.

COMPARISON OF THE LEGAL REGULATION OF THE CIRCULATION OF CRYPTOCURRENCIES IN THE CIVIL LAW OF RUSSIA AND JAPAN

Luzan S.N.

Academy of Labor and Social Relations

The article analyzes the regulation of cryptocurrency as an object of civil rights in Russia and Japan at the beginning of 2023, its circulation on crypto exchanges, as well as legislative regulation of the functioning of crypto exchanges. The position of civilists on the legal nature of cryptocurrency is studied, a comparative analysis is made, a common position is developed and its characteristics are given. The experience of regulating crypto exchanges in Japan is considered, the position of lawyers is studied. Two federal laws on the regulation of digital financial assets and investment platforms, as well as Article 144.1 of the Civil Code of the Russian Federation on digital rights, were reviewed and analyzed, and a legal assessment was given. The concepts of cryptocurrency and digital currency, digital financial asset, blockchain are analyzed. Questions were raised about the practical use of cryptocurrencies now and prospects for use in the future.

Keywords: blockchain, cryptocurrency, bitcoin, virtual money, objects of civil rights, digital rights.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51–FZ. (ed. with changes and additions. dated 07.09.2021 N12–FZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05.12.94 – No. 32 – Article 3301.
2. Federal Law No. 259-FZ dated 02.08.2019 “On Attracting investments using Investment Platforms and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // URL: <http://pravo.gov.ru>.
3. Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // URL: <http://pravo.gov.ru>.
4. Binance confirmed its assets worth \$70 billion [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.rbc.ru/crypto/news/636cf99c9a7947a3bf64bf47>, free. – (accessed 30.01.2023).
5. Kim M.S. The civil law regime of cryptocurrency: the ratio of cryptocurrency and non-cash funds // Issues of Russian Justice. 2022. No. 20. pp. 142–148.
6. Cryptocurrency in Japan” [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.kommersant.ru/doc/3260236>, free. – (accessed 10.03.2022).
7. Maslov D.D. Legal regulation of the activities of investment platform operators // Modern Science. 2022. No. 5–1. pp. 161–163.
8. Molchanova E. Yu., Solodkovsky Yu.M. Modern money in the global economy // “Modern economy: analysis of trends and development prospects”. Odessa: Kuprienko S.V., 2014. pp. 71–86.
9. Operators of investment platforms // URL: https://www.cbr.ru/finm_infrastructure/oper/ (accessed 10.02.2023).
10. Cryptocurrency regulation in Japan [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.block-chain24.com/news/novosti-regulirovaniya-yaponiya-vnedrit-novye-kriptoalyutnye-zakony-1-maya>, free. – (accessed 08.03.2022).
11. Turegeldinova A. Zh., Abdairimov B.G. Cryptocurrency as an alternative to doing business in trading exchanges // Bulletin of the Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic. 2021. No. 28. pp. 136–146.
12. Fatkhutdinova T. F., Safina Z.Z. Crypto exchange as an alternative financial market // In the collection: Innovations in science and practice. Collection of articles based on the materials of the IV International Scientific and practical conference. In 4 parts. 2017. pp. 174–181.

Развитие правовой модели регулирования пассажирских перевозок воздушным транспортом

Скучаев Андрей Анатольевич,

аспирант, Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: skuchaev.aa@mail.ru

Воздушный кодекс Российской Федерации содержит множество отсылочных норм, неэффективно регулирует отношения, возникающие при заключении договора перевозки пассажира. Правовая защита авиапассажиров требует надлежащего обеспечения. Правовое регулирование цифровизации пассажирских авиаперевозок требует научного осмысления. *Цель:* выработка предложений по совершенствованию правового регулирования пассажирских авиаперевозок. *Методологическая основа:* применяются диалектический, системный методы, метод анализа. *Результаты:* проведён анализ отдельных правовых норм Воздушного кодекса Российской Федерации относительно пассажирских авиаперевозок. Отмечается, что кодекс не является нормативным актом прямого действия, исследованы правовые нормы, касающиеся ответственности перевозчика и обеспечения безопасности перевозок. Затронута тема использования цифровых технологий на пассажирском авиатранспорте. *Выводы:* обосновывается необходимость подготовки и принятия нового Воздушного кодекса Российской Федерации прямого действия, отказ от норм об освобождении от ответственности перевозчика при задержке отправления воздушного судна по причине его неисправности. Поддерживается идея овербукинга при воздушных пассажирских перевозках при условии обеспечения прав пассажиров. Положительно оценивается развитие цифровых технологий при организации перевозок и обращается внимание на необходимость их дальнейшего правового регулирования.

Ключевые слова: воздушный транспорт, авиаперевозка, пассажир, перевозчик, договор перевозки пассажиров, правовое регулирование, Воздушный кодекс, ответственность, задержка вылета, овербукинг, цифровые технологии.

В качестве основы правовой регламентации перевозок в нашей стране пассажиров воздушным транспортом, сегодня выступают такие нормативные правовые акты, как Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] и Воздушный кодекс Российской Федерации (далее – ВЗК РФ) [2]. В этом аспекте стоит отметить, что ВЗК РФ был принят в качестве федерального закона лишь в 1997 году. Правовая регламентация в указанном случае во многом направлена на то, чтоб в полной мере обеспечить текущие потребности граждан в перевозках воздушным транспортом, а также их право на то, чтобы такие полеты были безопасными.

Внутренние перевозки воздушным транспортом, а также эти перевозки, которые имеют международный статус, отличаются системами правового регулирования: внутренние перевозки регулируются национальным правом. В свою очередь, перевозки, которые имеют международный статус, определены договорными системами как Варшавской [4], так и Монреальской конвенций [5], равно как различного рода международными договорами. Если хотя бы один из этих пунктов отправления или назначения находится на территории другого государства, то такая авиаперевозка приобретает статус международной.

С принятием ВЗК РФ устранена монополия одной авиакомпании – Аэрофлота, появились конкурирующие между собой авиакомпании, сейчас их более 100, из них ведущих – 6. Но «ВЗК РФ, к сожалению, не смог организовать цивилизованный рынок авиаперевозок», – отмечают правоведы В.Д. Бордунов и Б.П. Елисеев [11, с. 5]. Действительно, в кодексе очень слабо просматриваются рыночные элементы. ВЗК РФ не содержит основных дефиниций, относящихся к регулированию перевозок. Нечётко прописаны функции государства по вопросам регулирования и контроля рынка авиаперевозок.

Сразу же после вступления в силу ВЗК РФ многие его положения были подвергнуты резкой критике правоведов. Так, В.В. Витрянский говорит об уменьшении в ВЗК РФ области регулирования договора воздушной перевозки и появлении широкой возможности ведомственного нормотворчества [12, с. 242–243]. Далее в закон стали вноситься многочисленные изменения. На данный момент внесено уже 66 поправок. Практика издания многочисленных ведомственных подзаконных актов сложилась ещё в СССР, когда для управления лётной деятельностью существовало около 300 нормативных документов: различные положения, инструк-

ции, методики и другие документы. Такой массив НПА создаёт опасность субъективного подхода к той или иной ситуации, что не исключено и в настоящее время, когда также существует множество подзаконных актов.

Правоотношения, которые возникают между сторонами договора перевозки пассажиров посредством воздушного транспорта, сегодня урегулированы ст. 100–113, 116–120, 123–130 ВЗК РФ. Существенная часть вопросов решается не в данном кодексе, а в различных актах, которые относятся к подзаконным актам. Такие акты во многом развивают положения, которые по той или иной причине не нашли своего отражения непосредственно в ВЗК РФ. В частности, к данным актам стоит отнести приказы, постановления и Указы Президента РФ. Кроме того, системный анализ ВЗК РФ показывает, что данный документ содержит множество административных запретов и ограничений и актом прямого действия данный кодекс не является, так как в его содержании множество норм, которые имеют отсылочный характер. Отсылают они к подзаконным актам, но на их подготовку уходит очень много времени, что едва ли можно оценить с положительной точки зрения. Например, только в 2007 году, через 10 лет после принятия ВЗК РФ, Минтранс утвердил правила воздушных перевозок, а также требования к обслуживанию [6], что в ВЗК РФ попросту не освещается. Такие правила содержатся в Приказе № 82 (далее – Авиационные общие правила). Эти правила по праву можно рассматривать через призму основного документа, с помощью которого в практической деятельности осуществляется правовая регламентация перевозок пассажиров воздушным транспортом. Действуют они на всех маршрутах, в том числе, по договорам фрахтования.

Бесспорно, что чем больше принимается нормативных актов, касающихся регулирования определённой сферы общественных отношений, тем сложнее их правоприменительная практика, что может приводить к дестабилизации общественных отношений. В связи с чем полагаем, что необходимо ограничение ведомственного нормотворчества. Идеальным было бы принятие такого Воздушного кодекса, который был бы законом прямого действия, включающего в себя действующие правовые нормы в сфере воздушных перевозок. Считаем, что сейчас уже необходимо начать работу над его созданием. При этом целесообразно вынести техническое регулирование в отдельный акт.

К особенностям пассажирских авиаперевозок следует отнести тот факт, что международные перевозки осуществляются в основном авиатранспортом, поэтому международно-правовые акты играют здесь значительную роль. В соответствии со статьёй 3 ВЗК РФ в случае разночтения правил перевозок применяются правила международного договора. Основополагающими, имеющими наибольшее значение являются следующие: Конвенция о международной гражданской авиации, подписанная в Чикаго 7 декабря 1944 г. и Конвенция

для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (Заключена в г. Монреале 28.05.1999) (ратифицирована только в 2017 г.). Также сюда можно отнести некоторые иные конвенции. Нередко наша страна заключает различные двусторонние соглашения с различными странами, которые непосредственно касаются перевозок воздушным транспортом. Стоит отметить, что наличие данного механизма предусмотрено в п. 2–4 ст. 79 ВЗК РФ.

Гражданское законодательство приоритетно определяет принцип свободы договора. В этом аспекте Г.П. Савичев указывал, что именно на договорно-правовом этапе развития всего транспортного права, соотношение договора и закона существенно изменилось. В частности, транспортное законодательство, несмотря на свой императивный характер, ушло на второй план, а на первый план, соответственно, выдвинулось право договорное. Полагаем, что с этим весьма затруднительно не согласиться [15, с. 211].

Можно утверждать, что в России исторически сложилась система, при которой гражданское законодательство устанавливает существование правовых норм, касающихся регулирования отношений сторон, возникающих на основе договора перевозки, причем не только в нормах ГК РФ, но и в специальных НПА, например, в кодексах и различного рода транспортных уставах, причем регулирование осуществляется для каждой разновидности транспорта. Это вполне оправданно, так как при использовании каждого из существующих видов транспорта следует учитывать те или иные особенности отношений, которые могут возникать между потребителями транспортных услуг и перевозчиками соответственно. Особое значение транспортные уставы и кодексы приобрели после придания им статуса федеральных законов, что позволяет вырабатывать единую практику правоприменения в аналогичных ситуациях. Полагаем, что государственное управление и контроль в той или же в другой степени в обязательном порядке имеют место в рамках использования любого транспорта. На этом фоне, различные транспортные кодексы и уставы вполне можно рассматривать через призму регуляторов транспортных отношений, наличие которых является объективной необходимостью.

Одновременно с этим, в доктрине не существует единства мнений по вопросу целесообразности разделения нормативной регламентации всех транспортных правоотношений в зависимости от вида транспорта. Например, на фоне существования массива нормативных актов и нередко их фрагментарном характере ряд исследователей говорит о необходимости систематизации действующего транспортного законодательства. Создание единого кодифицированного акта считает возможным В.Г. Баукин, по его мнению, Транспортный кодекс решил бы проблемы соответствия специальных законов ГК РФ, обеспечения прямых смешанных перевозок, устранению нерегламен-

тированных правоотношений, которые возникают в транспортной сфере. Впрочем, условием такой кодификации называется сходство правовой регламентации того или иного вида транспорта на территории нашей страны [8, с. 83]. О необходимости унификации заявляет и Л.В. Зарапина [13, с. 117–122]. Кроме того, в 2009 году Министерство транспорта выступило с предложением разработки единого Транспортного кодекса, был заключен госконтракт для исследования такой возможности, но идея не получила дальнейшей реализации.

Однако противники также приводят убедительные аргументы. Профессор Г.П. Савичев ранее указывал, что сохранение всех пяти транспортных кодексов и уставов неизбежно будет порождать дублирование вопросов, которые для всех видов транспорта являются едиными [15, с. 33]. В.С. Белых указывает на нецелесообразность или как минимум на преждевременность принятия единого документа [10, с. 5–11].

Думается, что разработка единого правового акта, который бы включал в себя ключевые особенности всех видов транспорта и регулировал абсолютно все транспортные отношения, имеющих, при этом, логичную структуру, весьма сегодня затруднительна. Обратимся к опыту зарубежных стран. Так, в большей части стран мира, транспортное законодательство включает в себя как общие, так и специальные законы. В странах Европы, несмотря на продолжающийся процесс сближения нормативных актов в сфере транспорта, нет какого-либо единого транспортного кодекса и принятие такого пока не планируется. В то же время, исследовательский интерес вызывает то, что в США такой кодекс есть и как говорится в его преамбуле, он является сводом законов, которые между собой объединены объектом и предметом правового регулирования и конечном счете представляет собой продукт инкорпорации [9, с. 27]. Однако несмотря на опыт США, полагаем, что принятие такого документа на территории нашей страны едва ли является целесообразным, так как каждый вид транспорта имеет свою специфику а значит, правовое регулирование должно быть различным. Более того, единый транспортный кодекс будет иметь слишком большой объем и будет неудобен в правоприменении.

В ВЗК РФ содержатся как публично-правовые, так и частноправовые элементы, что говорит о его комплексном характере. Превалируют правовые нормы публично-правового и административно-правового характера. Так, если рассматривать вопросы обеспечения безопасности при авиаперелётах (глава 12 ВЗК РФ) с формально-юридической стороны, то соответствующие положения закона и правил перевозок нельзя отнести к гражданско-правовым, не относятся они и к регулированию перевозки путём договора между сторонами, но в то же время нарушение данных положений ставит под сомнение исполнение договора. Данное утверждение связано с тем, что Воздушным кодексом предусмотрен досмотр пассажира и его

багажа перед началом полёта, и, если пассажир уклоняется от досмотра, договор априори считается расторгнутым согласно пункту 3 статьи 85 ВЗК РФ. Цель предполётного досмотра – своевременно предупредить попытки нанесения вреда жизни, равно как здоровью пассажиров, не позволить создать угрозу безопасности полёта, а также предотвратить перевозку предметов и вещей, которые не являются для перевозки допустимыми.

Возможен отказ авиаперевозчика от исполнения заключённого договора с пассажиром в случаях, определённых в статье 107 ВЗК РФ. К таким случаям относятся нарушения пассажиром установленных паспортных, санитарных, таможенных требований, перевоз в багаже запрещённых к перевозке предметов. Авиационный транспорт более рискованный, чем какой-либо иной, и поэтому указанные требования являются обоснованными. Ключевая особенность действия воздушного транспорта состоит в том, что основное значение имеют вопросы, непосредственно связанные с безопасностью полетов.

В ГК РФ и ВЗК РФ сегодня есть такие правовые нормы, которые во многом направлены на защиту прав и законных интересов пассажиров. Также установлена ответственность за нарушение таких. Одновременно с этим, говорить о том, что пассажир защищен в максимальной степени едва ли представляется возможным, причем максимальной защиты затруднительно добиться как договором, так и законом. В этом аспекте целесообразно привести точку зрения Н.В. Фомичевой, которая особое внимание акцентировала на том, что транспортные предприятия, используя экономические возможности, максимально ограничивают перед пассажирами свою ответственность, причем даже в том случае, если они фактически нарушили договор перевозки [16, с. 242].

В качестве существенного условия договора перевозки пассажира сегодня выступает срок отправки и прибытия пассажира. Данный срок должен быть четко определен и быть разумным. В этом аспекте, в ст. 795 ГК РФ определены меры ответственности за нарушение данного условия и за его ненадлежащее выполнение, а ст. 120 ВЗК предусматривает наличие штрафа только в случае допущения несоответствий сроков. Как следствие, данные статьи не в полной мере совпадают друг с другом. Полагаем, что в ст. 120 ВЗК РФ имеет место пробел, восполнение которого является необходимостью, причем обязательно в пользу пассажира.

Согласно статьям 795 ГК РФ и 120 ВЗК РФ перевозчик вполне может быть освобожден от юридической ответственности за ненадлежащее выполнение своих обязанностей в том случае, если это было вызвано необходимостью устранить угрозу для жизни или здоровья гражданина, в том числе, починкой транспортного средства. Полагаем, что неисправность транспортного средства, а именно, воздушного судна, выступает в качестве вины перевозчика, в связи с чем, его осво-

бождение от ответственности в данном случае нельзя признать правомерным. С такой позицией согласны и судебные органы. Так, в решении Кировского суда г. Санкт-Петербурга было указано, что техническая неисправность воздушного судна, из-за которой рейс был перевозчиком отменен, не является основанием для освобождения перевозчика от юридической ответственности за просрочку доставки пассажиров, так как такая неисправность не является обстоятельством непреодолимой силы [7].

В ст. 123 ВЗК РФ указано, что стороны договора о перевозке пассажира могут заключить соглашение относительно увеличения объема ответственности перевозчика, сделав ее выше, чем предусмотрено в законодательстве. Однако на практике это встречается редко, так как перевозчики не хотят брать на себя повышенный объем ответственности добровольно.

Перевозчик, который осуществляет свою деятельность в области перевозки воздушным транспортом, несет ответственность в том случае, если им был причинен вред здоровью или жизни пассажиров. В соответствии со ст. 117 ВЗК РФ, размер компенсации в данном случае не превышает 2 млн рублей, а ее размер на практике зависит от того, какова степень повреждения здоровья в том или ином случае. Если в договоре или законе предусмотрен более высокий размер данной компенсации, то размер компенсации пересматривается, что видится вполне обоснованным. Что касается международных перевозок, то в этом случае ответственность перевозчика составляет не более 250 тысяч франков, что предусмотрено ст. 22 Варшавской конвенции 1929 года [4]. Также перевозчик несет ответственность за недостачу, утрату или за повреждение багажа, а ответственность будет наступать лишь в том случае, если им будет доказано, что он принимал все меры для предотвращения такой ситуации или то, что принятие таких мер невозможно. При наличии спорной ситуации она разрешается в судебном порядке, что соответствует общему правилу. В данной сфере споры делятся на такие категории, как несоблюдение сроков, утрата или повреждение багажа и его недостача, причинение вреда здоровью и жизни [14, с. 44].

В последнее время имеют место факты отказа авиаперевозчика в перевозке пассажира из-за того, что у него попросту нет необходимых для этого воздушных судов или из-за овербукинга – чрезмерной продажи билетов. Очевидно, что в данном случае можно наблюдать односторонний отказ перевозчика от выполнения своих обязательств, что урегулировано ч. 1 ст. 310 ГК РФ. В целом поддерживая овербукинг, отметим, что в любом случае отказ в регистрации пассажира при наличии у него билета является нарушением прав, за которое предусмотрена как гражданско-правовая, так и административная ответственность. За нарушение установленного запрета перевозчик обязан

возместить все причиненные такими действиями убытки (статьи 15 ГК РФ, 120 ВЗК РФ).

Законодательно определена возможность заключения договора фрахтования воздушного судна (что также называется воздушный чартер), что указано в ст. 104 ВЗК РФ. В свою очередь, в ст. 787 ГК РФ императивно сказано, что порядок заключения договора фрахтования, равно как его форма, во многом определяются транспортными кодексами и уставами. К сожалению, ВЗК РФ не содержит требуемых положений. Полагаем, что необходимые изменения должны быть внесены в Воздушный кодекс.

В настоящее время авиакомпании активно внедряют цифровые технологии. Самое инновационное направление в авиаотрасли – организация взаимодействия с пассажиром, двусторонняя коммуникация. В частности, это службы оповещения, различные электронные сервисы. Услуги по перевозке у всех авиакомпаний практически одинаковы, в то же время введение новых сервисных услуг, повышающих комфорт пассажиров, основано на использовании информационных технологий. Повысить конкурентоспособность, снизить издержки, быстро реагировать на конъюнктуру рынка авиаперевозок, оперативно предлагать клиентам новые сервисы поможет только внедрение современной информационной системы, позволяющей автоматизировать все бизнес-процессы авиакомпании и служб аэропортов.

Заключить договор авиаперевозки пассажира возможно путём приобретения электронного билета с помощью автоматизированной информационной системы оформления воздушной перевозки. Электронное оформление значительно упрощает процедуру бронирования и покупки авиабилетов, делает ее более доступной для граждан. Доля продаж через Интернет постоянно растёт, поэтому авиакомпании концентрируются на создании удобных систем для пассажиров, при помощи которых клиенты смогут не только произвести операции с билетом, но и забронировать дополнительные услуги. В качестве ключевой особенности IT – инфраструктуры воздушных гаваней является их достаточно тесная интеграция с различными дистрибутивными сервисами и различными системами в сфере обслуживания пассажиров, в области регистрации и взаимодействия с рядом банковских и платежных систем.

В силу статьи 137 ВЗК РФ в воздушном законодательстве возможно установление специального регулирования, отличного от положений ВЗК РФ. Оно устанавливается программой экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, утверждённой в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 258-ФЗ [3]. Положения этой программы могут изменять действие положений ВЗК РФ в случае, если это прямо будет предусмотрено в нём.

Таким образом, проблема правового регулирования транспортных отношений в области пас-

сажирских авиаперевозок является актуальной на сегодняшний день.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 01 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5223.
2. Федеральный закон от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 14 марта 2022 г.) «Воздушный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.
3. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (в ред. от 02 июля 2021 г.) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5017
4. Конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок (заключена в г. Варшаве 12 октября 1929 г.) (с изм. от 18 сентября 1961 г.). URL: <https://base.garant.ru/10106270/?ysclid=ldohvf7h7u506742882/> (дата обращения 10.01.2023).
5. Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (заключена в г. Монреале 28 мая 1999 г.) URL: <https://base.garant.ru/2560361/?ysclid=ldoi0w19ok202713547/> (дата обращения 08.01.2023).
6. Приказ Министерства транспорта РФ от 28 июня 2007 г. № 82 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей» (в ред. от 15 сентября 2020 г.) // Российская газета. 2007. № 225.
7. Решение Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 26 февраля 2020 г. по делу № 2–693/2020 Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Баукин В.Г. Источники правового регулирования деятельности железнодорожного транспорта // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 2(253). С. 76–90.
9. Белых В.С. Концепция единого Транспортного кодекса России // Бизнес, менеджмент и право. 2008. № 1(16). С. 26–31.
10. Белых В.С. Система транспортного законодательства: о значении и актуальных вопросах развития // Право и экономика. 2020. № 3(385). С. 5–11.
11. Бордунов В.Д., Елисеев Б.П. О концепции совершенствования российского воздушного кодекса // Научный вестник МГТУ ГА. М. 2009. № 144. С. 5–12.
12. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга 4. Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. М. Статут. 2003. С. 242–243.
13. Зарапина Л.В. О возможности создания транспортного кодекса // Право и общество. 2013. № 4 (8). С. 117–122.
14. Петрухина Т.Г. Обзор судебной практики по спорам, связанным с воздушной перевозкой пассажиров, багажа и грузов // Право и экономика М. 2007. № 1. С. 44.
15. Савичев Г.П. Транспортное право в условиях перехода к рынку // Гражданское право России при переходе к рынку / под ред. Е.А. Суханова. М. 1995. 246 с.
16. Фомичёва Н.В. Ответственность перевозчика по договору воздушной перевозки пассажира // Сборник текстов докладов по материалам Международной научно-практической конференции. Саратов.: ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». 2011. С. 242.

DEVELOPMENT OF THE LEGAL MODEL FOR REGULATION OF PASSENGER TRANSPORTATION BY AIR TRANSPORT

Skuchaev A.A.

Saratov state law academy

The Air Code of the Russian Federation contains many referential norms and ineffectively regulates relations arising from the conclusion of a passenger carriage contract. The legal protection of air passengers requires adequate provision. Legal regulation of digitalization of passenger air transportation requires scientific understanding. **Objective:** development of proposals to improve the legal regulation of passenger air transportation. **Methodology:** dialectical, systematic methods and the method of analysis are applied. **Results:** the analysis of individual legal norms of the Air Code of the Russian Federation on passenger air transportation. It is noted that the Code is not a normative act of direct action, the legal norms relating to the carrier's responsibility and ensuring the safety of transportation are investigated. The use of digital technologies in passenger air transport has been touched upon. **Conclusions:** the necessity of preparing and adopting a new direct-action Air Code of the Russian Federation, rejection of the norms on exemption from carrier liability in case of delay of aircraft departure due to its malfunction, has been substantiated. The idea of overbooking in air passenger transport is supported, provided that passenger rights are ensured. The development of digital technologies in the organisation of transport is welcomed and attention is drawn to the need for their further legal regulation.

Keywords: air transport, passenger, carrier, contract of carriage of passengers, legal regulation, Air Code, liability, delay of departure, overbooking, digital technologies.

References

1. Civil Code of the Russian Federation. Part Two of January 26, 1996 № 14-FZ (as amended on July 1, 2021) // SZ RF. 1996. № 5. Art 410; 2021. No. 27 (part I). Art. 5223.
2. Federal Law of March 19, 1997 № 60-FZ (ed. from March 14, 2022) "Air Code of the Russian Federation" // SZ RF. 1997. № 12. Art. 1383.
3. Federal Law of July 31, 2020 № 258-FZ (ed. on July 02, 2021) "On experimental legal regimes in the field of digital innovation in the Russian Federation" // SZ RF. 2020. № 31. Art. 5017
4. Convention for the Unification of Certain Rules concerning International Carriage by Air (concluded in Warsaw on October 12, 1929) (amended on September 18, 1961). URL: <https://base.garant.ru/10106270/?ysclid=ldohvf7h7u506742882/> (accessed on 10.01.2023).
5. Convention for the Unification of Certain Rules for International Carriage by Air (concluded at Montreal on 28 May 1999) URL: <https://base.garant.ru/2560361/?ysclid=ldoi0w19ok202713547/> (accessed 08.01.2023).
6. Order of Ministry of Transport of Russian Federation of June 28, 2007, № 82 "On approval of Federal Aviation Rules "General

- rules of air transportation of passengers, baggage, cargo and requirements for servicing of passengers, shippers, consignees” (as amended on September 15, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. 2007. № 225.
7. Decision of the Kirovsky District Court of St. Petersburg in case No. 2–693/2020 dated February 26, 2020 // Access from ConsultantPlus Legal System.
 8. Baukin V.G. Sources of legal regulation of railway transport // Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence. 2004. № 2(253). C. 76–90.
 9. Belykh V.S. Concept of uniform Transport Code of Russia // Business, Management and Law. 2008. № 1(16). C. 26–31.
 10. Belykh V.S. System of transport legislation: about importance and actual questions of development // Law and economy. 2020. № 3(385). C. 5–11.
 11. Bordunov V.D., Eliseev B.P. About concept of perfection of the Russian air code // Scientific bulletin of MSTU GA. M. 2009. № 144. C. 5–12.
 12. Braginsky M.I., Vitriansky V.V. Contractual law. Book 4. Contracts of carriage, towing, transport forwarding and other services in the field of transport. Moscow: Statut. 2003. C. 242–243.
 13. Zarapina L.V. About an opportunity of creation of transport code // Law and society. 2013. № 4 (8). C. 117–122.
 14. Petrukhnina T.G. Review of judicial practice in disputes related to air transportation of passengers, luggage and cargo // Law and Economics M. 2007. № 1. C. 44.
 15. Savichev G.P. Transport law in conditions of transition to market // Civil law of Russia in transition to market / ed. by E.A. Sukhanov. M. 1995. 246 c.
 16. Fomicheva N.V. Carrier's liability under the contract of passenger air transportation // Collection of texts of reports on materials of International scientific-practical conference. Saratov: GOU VPO “Saratov State Academy of Law”. 2011. C. 242.

Развитие нормативного регулирования процедуры отобрания ребенка из семьи как меры его защиты

Ханзафарова Гузель Рустемовна,

аспирант, кафедра гражданского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: Faguz@yandex.ru

Статья посвящена анализу норм, которые предусматривают отобрание ребенка из семьи при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью. Автором отмечено, что Конституция Российской Федерации пронизана идеей укрепления семьи, приоритета семейного воспитания детей. Им приведены нормы законодательства Российской Федерации, посвященные отобранию ребенка из семьи; отмечены недостатки механизма отобрания ребенка, выявленные в литературе и на практике; проанализированы предложения по устранению обозначенных проблем; противопоставлены судебная и административная процедуры отобрания ребенка из семьи; дана оценка временным мерам по защите ребенка, которыми предлагаются заменить действующий механизм отобрания ребенка из семьи. В статье представлены отдельные законопроекты, внесенные в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, которые связаны с отобранием ребенка из семьи.

Ключевые слова: приоритет семейного воспитания детей, отобрание ребенка из семьи, органы опеки и попечительства, нарушение законодательства, законопроекты.

Конституция Российской Федерации пронизана идеей укрепления семьи, приоритета семейного воспитания детей. Непременно, семья – место, где ребенку комфортнее всего. Однако, в некоторых случаях возможны ситуации, когда дальнейшее пребывание ребенка в семье является для него опасным и появляется необходимость в принятии неотложных мер. Семейный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – СК РФ) содержит нормы, предусматривающие отобрание ребенка из семьи (статья 77 СК РФ). Они затрагивают такие конституционные права граждан, как право на неприкосновенность частной жизни, личную, семейную тайну (статья 23 Конституции), на неприкосновенность жилища (статья 25 Конституции). Этот вопрос всегда вызывал много дискуссий.

В тех случаях, когда есть реальная угроза жизни или здоровью ребенка, статья 77 СК РФ предусматривает право органа опеки и попечительства на немедленное отобрание ребенка у родителей (одного из них) или у иных лиц, на попечении которых он находится. Основанием при этом является акт органа исполнительной власти субъекта РФ либо акт главы муниципального образования. Закон возлагает на орган опеки и попечительства обязанность обращения в суд с иском о лишении родителей родительских прав или об ограничении родительских прав, установив на это семидневный срок, исчисление которого начинается после вынесения самого акта об отобрании ребенка (п. 2 ст. 77 СК РФ).

В литературе и на практике выявлены некоторые недостатки механизма отобрания ребенка:

- Существует определенная проблема, заключающаяся в том, что установленная законом необходимость получения постановлений вышеуказанных органов противоречит принципу немедленности отобрания.
- Законом не установлены критерии определения угрозы жизни ребенка или его здоровью. Поэтому на практике складывается ситуация, когда отобрание ребенка из семьи осуществляется органами опеки и попечительства исключительно по их субъективному мнению, и поводом при этом становится любой неблагоприятный фактор.
- Неотвратимость лишения (или ограничения) родительских прав, что не всегда обосновано. На практике органы опеки и попечительства в установленный законом семидневный срок не успевают собрать необходимую информацию, позволяющую подробно изучить все обстоятельства возникновения угрозы жизни

и здоровью ребёнка. Как справедливо отметила Альшанская Е.Л., президент Благотворительного фонда «Волонтёры в помощь детям-сиротам», такие сроки предполагают одностороннее движение на вывод ребёнка из семьи, без варианта работать на его возвращение, оказывать помощь и вообще объективно принимать решение в нормальный срок, разобравшись в ситуации [1].

- На практике нередки случаи осуществления органами опеки и попечительства функции по отобранию ребенка в нарушение установленного законом порядка. Так, за 2019–2020 годы органами прокуратуры в указанной сфере было выявлено свыше 950 нарушений, по материалам проверок внесено 440 представлений, принесено 44 протеста на незаконные правовые действия, возбуждено 8 уголовных дел [2].

При необходимости же проведения отобрания ребенка в часы, когда сотрудники органов опеки и попечительства не работают, также в выходные дни, фактическое отобрание ребенка осуществляется сотрудниками органов внутренних дел, в то время как СК РФ подобными полномочиями наделил только органы опеки и попечительства. Так, по данным МВД России, при их участии из семей было произведено: в 2020 году – 3024 отобрания, в 2021 году – 3022. В подобных случаях основаниями для отобрания ребенка является акт об обнаружении подкинутого либо заблудившегося ребенка, что, как было верно отмечено Т.В. Федоровской, «является грубейшим нарушением закона» [3, с. 388].

Вносились различные предложения по устранению обозначенных проблем. В альтернативу административной процедуре отобрания ребенка, сторонники которой к преимуществу этой процедуры относят быстроту, обусловленную, в первую очередь, «интересами ребенка и чрезвычайностью ситуации, когда необходимо предпринимать экстренные меры, направленные на спасение жизни и здоровья ребенка» [4, с. 12], авторы внесенного в Государственную думу законопроекта № 986679–7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предлагали ввести судебный порядок отобрания ребенка из семьи [5]. Субъекты права законодательной инициативы – депутат Государственной Думы П.В. Крашенинников; член Совета Федерации А.А. Клишас (законопроект отозван) [5]. По мнению авторов законопроекта, внедрение судебной процедуры отобрания помогло бы минимизировать вмешательство государства в судебную систему. Бесспорно, судебный контроль повысил бы ответственность органов опеки и попечительства за принимаемые решения.

С учетом того, что отобрание ребенка при жестокости обращения с ним не терпит промедления, авторы вышеуказанного законопроекта предлагают в тех случаях, когда налицо риск наступления смерти ребенка в течение нескольких часов, сохранить внесудебный порядок отобрания ребенка [5].

Также, было высказано мнение о том, что было бы полезным на законодательном уровне добавить в «арсенал» органов опеки и попечительства иные, более мягкие меры, например «временное отобрание ребенка», до выяснения обстоятельств, не прибегая сразу к радикальным мерам [6].

4 июля 2022 года в Госдуму внесен проект федерального закона № 157281–8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Авторы законопроекта – группа сенаторов и депутатов, среди которых – Елена Мизулина, Андрей Клишас, Дмитрий Вяткин, предлагают заменить действующий механизм «отобрания ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью» комплексом временных мер по защите ребенка, соразмерных тем угрозам, которые должны быть устранены.

Среди них выделим: 1) новые меры по защите ребенка: передача ребенка под временную защиту его родственникам или иным лицам; закрепление в Семейном кодексе права родителей обращаться в орган опеки и попечительства по месту фактического нахождения ребенка с заявлением о назначении ему опекуна (попечителя) на случай, когда они по уважительным причинам не смогут временно осуществлять свои родительские права в течение определенного периода времени (с примерным перечнем уважительных причин); предоставление родителям права выдавать в порядке, предусмотренном законодательством о нотариате, нотариально удостоверенное согласие на осуществление правомочий законного представителя ребенка (детей) родственником или собственником в период временного нахождения ребенка (детей) с такими лицами в отсутствие родителей; закрепление права родителей привлекать для целей воспитания ребенка родственников и (или) иных лиц без обязательного документального оформления их правомочий; 2) меры, которые закрепляют то, что уже сложилось в практике: временное устройство ребенка в организацию (в отличие от действующего порядка, предусмотренного в пункте 2 статьи 155.1 Семейного кодекса РФ, авторы законопроекта предлагают предусмотреть, что такое устройство допускается в целях обеспечения защиты прав и законных интересов ребенка в течение периода, когда его родители по уважительным причинам, указанным в статье 65.1), временно не смогут осуществлять свои родительские права) [7].

Временные меры никак не связаны с изъятием ребенка из семьи. И применяются они, когда родители отсутствуют и неизвестно их местонахождение либо они находятся в таком состоянии, в котором не могут выразить свою волю. Их применение не влечет прекращения родительских прав и не является основанием для признания ребенка оставшимся без попечения родителей. Ребенок будет находиться у родственников или в организации до тех пор, пока не отпадут обстоятельства, кото-

рые повлекли временную невозможность осуществления родителями родительских прав.

В целом, введение временных мер можно оценить положительно, но только тогда, когда нет виновного поведения родителей. В этом ценность законопроекта. Но они никак не являются альтернативой немедленного отобрания ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью.

Подытоживая, необходимо отметить, что на сегодняшний день проблемы, связанные с отобранием детей, остаются нерешенными. А, вместе с тем, вопрос этот очень актуальный, о чем свидетельствует статистика. Так, в 2017–2021 годы, по данным Министерства просвещения Российской Федерации численность детей, отобранных у родителей, в 2021 году составила 1862 человек, что на 90 больше, чем в предыдущем. Одновременно, стремительно растут показатели численности родителей, лишенных родительских прав – в 2021 году на 3002 человека больше по сравнению с 2020 годом (22370 человек в 2020 году и 25372 чел. в 2021 году); родителей, ограниченных в родительских правах (6964 человек в 2020 году, 7885 – в 2021 году) [8].

Все это приводит к росту числа детей, без семьи и без родительской заботы. Как справедливо отметила Шершень Т.В., от благополучия семьи как базовой социальной структуры зависит благополучие всего государства, ведь семья – это основа основ любой социальной системы. Признание и уважение семьи как базовой социальной ценности – показатель устойчивости и прогрессивности общества и государства в целом [9, с. 147].

Литература

1. Новый законопроект изменяющий правила изъятия детей из семьи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://admmuji.ru/blog/konsultatsii/novyj-zakonoproekt-izmenyayushhij-pravila-izyatiya-detej-iz-semi.html?ysclid=ldxvmctmty572494965> (дата обращения: 15.01.2023 г.).
2. Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 23 декабря 2020 года № 21/1–05–2020 «О состоянии законности в сфере, регулирующей вопросы отобрания детей у родителей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/combating-corruption/combating-corruption-in-proc/met/inf> (дата обращения: 12.12.2021 г.).
3. Федоровская Т.В. Проблема правовой неопределенности оснований отобрания ребенка у родителей и опекунов (попечителей) // Актуальные проблемы современного законодательства: материалы науч.-практ. конф. – М., 2016. – С. 383–389.
4. Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. – 24 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://studfile.net/preview/6724746/page:12/>

(дата обращения: 10.01.2022 г.).

5. Законопроект № 986679–7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/986679-7> (дата обращения: 17.12.2022 г.).
6. См.: Жаров А.А. Отобрание ребёнка из семьи как мера защиты ребенка от жестокого обращения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://zharov.info/teoriya-i-nauka/adoption/otobranie-rebenka-1?ysclid=lb4wvud5uw673046104> (дата обращения: 10.12.2022 г.).
7. Законопроект № 157281–8 4 июля 2022 года в Госдуму внесен проект федерального закона № 157281–8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/157281-8?ysclid=ldwiu1qicp24077271> (дата обращения: 10.12.2022 г.).
8. По информации из сводных отчетов по формам статистического наблюдения 103-рик за 2017–2021 гг. по России и субъектам Российской Федерации // Банк документов Министерства просвещения Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/c6db754d6b-seec68572619e88770bd99/> (дата обращения: 10.12.2022 г.).
9. Шершень Т.В. Проблемы реализации права ребенка, оставшегося без попечения родителей, жить и воспитываться в семье. // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2010. – №3 (24). – С. 146–149.

DEVELOPMENT OF NORMATIVE REGULATION OF THE PROCEDURE FOR REMOVING A CHILD FROM A FAMILY AS A MEASURE OF HIS PROTECTION

Khanzafarova G.R.

Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the analysis of the regulatory provisions that provide for the removal of a child from the family in case of a direct threat to the child's life or health. The author noted that the idea of a family strengthening, the priority of family upbringing runs through the Constitution of the Russian Federation. The author used the norms of the legislation of the Russian Federation on the removal of a child from a family; pointed out the shortcomings of the mechanism, identified in the literature and in practice; analyzed proposals to eliminate the identified problems; compared the judicial procedure with an administrative one of the removal of a child from the family; gave her opinion on a temporary child's protection measure, proposed to replace the current mechanism of a child's removal from a family. The article presents individual draft laws submitted to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, which are related to the removal of a child from a family.

Keywords: priority of a child's family upbringing, removal of a child from the family, the guardianship and trusteeship bodies, violation of the law, legislative drafts.

References

1. A new draft law that changes the rules of children's removal from a family [Electronic source]. – Available at: URL: <https://admmuji.ru/blog/konsultatsii/novyj-zakonoproekt->

- izmenyayushhij-pravila-izyatiya-detej-iz-semi.html? ysclid=idx-vmctmty572494965 (Accessed 15 January 2014).
2. Information letter from the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, December 23, 2020 No. 21/1-05-2020 "On the state of legality in the field regulating issues of children's removal from parents" [Electronic source]. – Available at: URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/combating-corruption/combating-corruption-in-proc/met/inf> (Accessed: 12 December 2021).
 3. T.V. Fedorovskaia. Problem of legal uncertainty of the bases of confiscation of the child at parent, trustees // Actual problems of modern legislation: materials of Research-to-Practice Conference. – M., 2016. – pp. 383–389.
 4. Sergey Grishaev. Article-by-article commentary on the Family Code of the Russian Federation, 2nd edition, revised and added – 24 pages. [Electronic source]. – Available at: <https://studfile.net/preview/6724746/page:12/> (Accessed: 10 January 2022).
 5. Draft Law No. 986679–7 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". [Electronic source]. – Available at: URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/986679–7](https://sozd.duma.gov.ru/bill/986679-7) (Accessed: 17 December 2022 г.).
 6. Anton Zharov. Removal of a child from a family as a measure to protect the child from abuse. [Electronic source]. – Available at: URL: <https://zharov.info/teoriya-i-nauka/adoption/otobranie-rebenka-1?ysclid=lb4wvud5yw673046104> (Accessed: 10 December 2022).
 7. Draft Law No. 157281–8 July 4, 2022 "On Amendments to the Family Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" was submitted to the State Duma. [Electronic source]. – Available at: URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/157281–8?ysclid=ldwiu1qicp24077271](https://sozd.duma.gov.ru/bill/157281-8?ysclid=ldwiu1qicp24077271) (Accessed: 10 December 2022 г.).
 8. According to information from the summary reports on the forms of statistical survey, 103-rik, 2017–2021 in Russia and the constituent entities of the Russian Federation // Documents' Bank of the Ministry of Education of the Russian Federation. [Electronic source]. – Available at: URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/c6db754d6bceec68572619e88770bd99/> (Accessed: 10 December 2022).
 9. Tamara Shershen'. Problems of implementation of a child's rights left without parental custody to live and be brought in a family // Herald of Omsk University Series "LAW" – 2010. – N3 (24). – pp. 146–149.

Выявление мотива преступления в уголовном судопроизводстве

Агошко Александр Алексеевич,

магистрант, Владивостокский государственный университет
E-mail: advokatagoshko@mail.ru

В статье анализируются мотивация преступления и учёт мотива в уголовном судопроизводстве. Рассматриваются понятие и сущность мотива преступного деяния, выявляются основные мотивы преступного поведения. Отмечается, что человеческая деятельность является полимотивированной, рассматриваются мотивационная сфера личности и мотивация. Приводятся понятие и структура мотивации, выявляется взаимосвязь мотива и мотивации. Рассматриваются основные элементы механизма преступного поведения, отмечается значимость выявления особенностей психики виновного и воздействия внешней среды на него, а также исследования жизненного пути индивида, который совершил преступное деяние. Выявляется базовая глубинная основа мотивации преступного поведения, заключающаяся в структуре и содержании сферы неудовлетворенных экзистенциальных смысложизненных личностных потребностей, отмечается наличие бессознательного аспекта преступного поведения. Рассматриваются место и аспекты мотива преступления в российском уголовном судопроизводстве при квалификации преступного деяния и при назначении наказания. Выявляется связь мотива преступления, посткриминального поведения виновного и общественной опасности посягательства. Анализируется значимость изучения преступного поведения, личности виновного и её мотивационной сферы при назначении индивидуализированного наказания, которое будет способствовать достижению цели наказания – исправлению виновного и предупреждению повторных нарушений закона.

Ключевые слова: преступление, мотивация преступления, мотив, личность виновного, уголовное судопроизводство.

Одной из наиболее значимых проблем криминологии, наравне с исследованием причин и условий преступности, является изучение механизма преступного посягательства, представляющего собой взаимосвязь объективных и субъективных факторов, детерминирующих совершение преступления [1]. В основе данного механизма лежит мотивационная сфера личности преступника, оказывающая воздействие на индивидуальное преступное поведение. Выяснение цели и мотивации виновного лица необходимо для правильной классификации общественно опасного деяния и индивидуализации наказания, однако на практике данные факторы часто устанавливаются ошибочно вследствие формального отношения правоприменителя [2]. Значимость мотива преступления в уголовном судопроизводстве для назначения справедливого наказания обуславливает актуальность его исследования.

Целью работы является изучение мотивации преступления и учёта мотива в уголовном судопроизводстве. Для её достижения были использованы аналитический, синтетический, индуктивный и дедуктивный методы обработки тематических исследований, научных публикаций и релевантных литературных источников.

Мотив преступления представляет собой внутреннее осознанное либо неосознанное побуждение личности к удовлетворению определённой значимой потребности преступным путём [3]. Мотив обуславливает формирование намерений принять какое-либо решение, совершить ряд действий или бездействовать для достижения поставленной цели. Основной побудительной мотивообразующей силой личности являются потребности, однако в её роли могут выступать также взгляды, интересы, желания, убеждения, привычки, влечения, установки, эмоции, чувства и психические состояния.

Можно выделить следующие мотивы преступного поведения [4]:

1. Мотивы самоутверждения. Обусловлены потребностью личности утвердиться на социально-психологическом (стремление добиться признания со стороны лично значимой группы), социальном (стремление приобрести определённый социальный статус) и индивидуальном (желание достичь высокой оценки и самооценки) уровнях.
2. Защитные мотивы. Связаны с потребностью защититься от внешней реальной или мнимой угрозы.

3. Мотивы замещения. Заключаются в замещении недостижимой цели более доступной. Смещение в объекте нападения может происходить посредством «растекания» поведения, эмоционального переноса, респондентной агрессии либо аутоагрессии.
4. Игровые мотивы. Обусловлены стремлением получать острые ощущения при совершении преступных деяний.
5. Мотивы самооправдания. Являются механизмом психологической защиты и проявляются в искажённом представлении о криминальной ситуации и собственном положении в ней.

Человеческая деятельность является полимотивированной – обусловленной одновременно несколькими мотивами, которые находятся во взаимной иерархии и зависимости. Многомерная система мотивов со строгой иерархией, находящаяся в тесной взаимосвязи с психическим состоянием и личностными свойствами, образует мотивационную сферу личности. Процесс становления и реализации мотива в ходе непрерывного взаимодействия субъекта и ситуации, приводящий к формированию определённого мотивированного поведения, является мотивацией.

Мотивация представляет собой комплексный психофизиологический процесс детерминации поведения человека, включая криминальное, обусловленный взаимодействием личности с социальной средой и прочими факторами (генетическими, физиологическими и другими) [5]. Результатом мотивации является мотив, непосредственно определяющий поведение субъекта. Мотив не исчерпывает всего содержания мотивации, а его становление не прекращает процесса мотивации. Формирование мотивации продолжается при постановке целей, выборе путей их достижения, прогнозировании личностью своих будущих действий и их вероятных последствий, принятии решения действовать и исполнении преступных действий.

Мотивация, наравне с условиями формирования личности, конкретной жизненной ситуацией, решением о совершении преступления и поведенческим актом, входит в число основных элементов механизма преступного поведения [6]. Выявление данных элементов позволяет установить суть преступного поведения, являющуюся следствием взаимодействия субъективных и объективных процессов и явлений. Индивидуальное преступное поведение необходимо рассматривать с учётом особенностей психики конкретного человека, которые проявляются в характере, темпераменте, потребностях, познавательных процессах, способностях и прочем, определяя индивидуальность протекания психических процессов. Воздействие внешней среды на личность опосредовано через психику индивида и элементы его волевой и сознательной деятельности, такие как черты характера, психические состояния и процессы, эмоциональные и волевые качества, сферу потребностей, ценностно-нормативные характеристики сознания и мотивационную сферу.

При исследовании условий формирования личности необходимым является исследование её жизненного пути, который с точки зрения механизма преступного поведения заключается во влиянии наиболее значимых жизненных ситуаций на динамику становления и развития личности [7]. Формирование и структура жизненного пути зависят от различных внешних и внутренних факторов, образующих биосоциальное целое, которое опосредует глубинную мотивацию и динамику преступного деяния.

Базовой глубинной основой мотивации преступного поведения выступает структура и содержание сферы неудовлетворённых экзистенциальных смысложизненных личностных потребностей. Вследствие невозможности удовлетворения либо недостаточной удовлетворённости отдельных потребностей у человека возникает чувство неполноценности, что приводит к появлению и закреплению в сознании установки на восстановление собственного социального статуса, то есть потребности в утверждении и/либо самоутверждении. Данная потребность существует одновременно с неудовлетворённой актуализированной потребностью. Сочетание полной или частичной неудовлетворённости смысложизненных потребностей с индивидуальными биофизиологическими особенностями личности образует базу мотивационной сферы преступного поведения.

Спецификой мотива преступного поведения, как и любой деятельности, является наличие бессознательного аспекта [8]. Отдельные компоненты преступного поведения могут частично либо полностью не осознаваться виновным лицом вследствие действия механизмов психологической защиты, обуславливающих отрицание, вытеснение, замещение или рационализацию понимания индивидом собственных преступноориентированных побуждений правомерными основаниями. Также неосознаваемые преступные побуждения формируют своеобразные социальные и индивидуальные автоматизмы.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) закрепляет наиболее распространённые субъективные факторы, побуждающие индивида к совершению различных преступлений [9]. В качестве внутренних побудителей криминального поведения законодатель приводит различные психические образования – «мотив», «цель», «личная заинтересованность», «побуждения к», «направленность на», при этом их соотношение не конкретизируется [10]. В качестве содержательных характеристик побуждений в УК РФ представлен ограниченный перечень «клишированных» мотивов, который не отражает многообразия реальных психологических мотивов совершения преступлений.

В уголовном судопроизводстве мотив преступления учитывается в двух аспектах [11]:

1. При квалификации преступного деяния как признака, который:
 - ограничивает деяние от преступления;

- позволяет отличить один состав преступления от других;
 - позволяет определить необходимую часть статьи УК РФ.
2. При назначении наказания как фактор, который:
- позволяет изменять квалификацию преступления;
 - влияет на строгость наказания без изменения квалификации преступления (ст.ст. 61 и 63 УК РФ).

Мотив преступления и посткриминальное поведение виновного не могут снизить общественную опасность посягательства, однако способны стать основанием для освобождения совершившего преступление лица от уголовной ответственности (гл. 11 УК РФ) или наказания (гл. 12 УК РФ), а также могут учитываться при назначении наказания (ст.ст. 61 и 63 УК РФ) [12]. Сама по себе общественная опасность личности не может рассматриваться как основание для установления уголовной ответственности, поскольку криминализации подвергаются исключительно деяния. В то же время учёт определённых социально-психологических признаков виновного лица может быть использован для индивидуализации наказания.

При назначении наказания крайне значимым является учёт личности виновного и её мотивационной сферы, поскольку только в этом случае возможно прогнозирование влияния наказания на исправление осуждённого [13]. Целями наказания являются исправление виновного и предупреждение повторных нарушений закона. Для выбора соразмерного им средства требуется всесторонний анализ данных, характеризующих виновное лицо в момент совершения преступления, до и после него.

При изучении преступного поведения необходимым является исследование причин и условий, которые способствуют его трансформации и возможности превенции [14]. В его основе лежит анализ дефектов нравственного и правового сознания личности, содержания её потребностей, особенностей характера и эмоционально-волевой сферы. Исследование и учёт мотивационной сферы виновного при назначении наказания способствуют изменению ценностных установок личности, благодаря которому лицо не будет совершать повторных преступлений не из-за страха наказания, а в силу моральных принципов, которые были привиты в процессе исполнения наказания [15]. Признание осуждённым ошибочности совершённого поступка и переживание печали и огорчения в связи с деянием способствуют формированию негативного отношения к преступному поведению, благодаря чему возможно достигнуть несвершения новых правонарушений, причём при условии общего повышения правовой культуры лицо не будет совершать не только умышленных, но и неосторожных преступлений. Уничтожение мотивации для нарушения закона позволит добиться полноценного исправления осуждённого.

Таким образом, мотив является первичной универсальной психолого-правовой категорией, обуславливающей цели, побуждения, заинтересованность и прочие побудительные начала совершения преступления. В уголовном праве мотив преступления образует основной состав преступления, характеризует личность виновного, влияет на общественную опасность деяния, назначение и исполнение уголовных наказаний. Учёт мотива в уголовном судопроизводстве необходим для дифференциации и индивидуализации процесса исполнения уголовного наказания с целью изменения мотивации осуждённых, что позволит обеспечить их социальную реабилитацию.

Литература

1. Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. О мотивации преступного и суицидального поведения // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – Т. 10, № 3. – С. 361–368. – DOI: 10.24420/KUI.2019.32.17.016
2. Архипцев И.Н., Коцюмбас М.С. Уголовно-правовое значение цели и мотива в составе преступления // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 2. – С. 39–43.
3. Романов В.В. Юридическая психология + презентации в ЭБС: учебник для вузов / В.В. Романов, Л.Н. Котлярова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2023. – 478 с.
4. Стрельцова Е.В. Юридическая психология: учеб. пособие / Е.В. Стрельцова. – Саратов, 2021. – 266 с.
5. Агаев А.И., Абдулкадирова Х.Д. К вопросу о соотношении мотива и мотивации преступлений // The Scientific Heritage. – 2020. – № 44–5 (44). – С. 29–32.
6. Криминология: учебник для вузов / В.И. Авдийский [и др.]; под ред. В.И. Авдийского, Л.А. Букалеровой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2023. – 301 с.
7. Криминология: Общая часть: учебник / под общ. ред. Ф.К. Зиннурова. – Казань: КЮИ МВД России, 2019. – 358 с.
8. Устинов Д.В. Проблема учёта психологических конструктов в формировании понятия мотива преступления // Психолог. – 2020. – № 3. – С. 37–52. – DOI: 10.25136/2409–8701.2020.3.32570
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) [Электронный ресурс] // СПС Консультант-Плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 24.01.2023).
10. Криминальная психология: курс лекций / под науч. ред. О.Д. Ситковской; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – М.: Проспект, 2019. – 144 с.
11. Бондаренко В.О. Уголовно-правовое значение мотива преступления // Вопросы российского и международного права. – 2020. –

Т. 10, № 5А. – С. 5–13. – DOI: 10.34670/AR.2020.59.58.001

12. Борков В.Н. Влияние характеристики личности на преступность и наказуемость деяния // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2021. – № 2 (43). – С. 123–128. – DOI: 10.51980/2542–1735_2021_2_123
13. Хабибуллин Н.Э., Талан М.В. Личность виновного в преступлении как критерий индивидуализации наказания при его назначении // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 2. – С. 82–86.
14. Собольников В.В. Юридическая психология: учебник для вузов / В.В. Собольников. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2023. – 331 с.
15. Харченко Е.В. Эффективная реализация цели исправления осужденного в контексте психологически обоснованного учёта личности преступника // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2022. – № 6 (70). – С. 487–495.

IDENTIFICATION OF THE MOTIVE FOR A CRIME IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Agoshko A.A.

Vladivostok State University

The article analyzes the motivation of the crime and consideration of the motive in criminal proceedings. The concept and essence of the motive of a criminal act are considered, the main motives of criminal behavior are revealed. It is noted that human activity is polymotivated, the motivational sphere of personality and motivation are considered. The concept and structure of motivation are given, the interrelation of motive and motivation is revealed. The main elements of the mechanism of criminal behavior are considered, the importance of identifying the characteristics of the psyche of the perpetrator and the impact of the external environment on him, as well as the study of the life path of an individual who committed a criminal act is noted. The basic deep basis of motivation of criminal behavior is revealed, which consists in the structure and content of the sphere of unsatisfied existential life-meaning personal needs, the presence of an unconscious aspect of criminal behavior is noted. The place and aspects of the motive of the crime in the Russian criminal proceedings in the qualification of a criminal act and in the imposition of punishment are considered. The connection between the motive of the crime, the post-criminal behavior of the perpetrator and the public danger of encroachment is revealed. The importance of studying criminal behavior, the identity of the perpetrator and its motivational sphere in the appointment of individualized punishment, which will contribute to achieving the goal of punishment – correction of the perpetrator and prevention of repeated violations of the law, is analyzed.

Keywords: crime, motivation of the crime, motive, identity of the perpetrator, criminal proceedings.

References

1. Shalagin A.E., Idiyatullof A.D. On the motivation of criminal and suicidal behavior // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – Vol. 10, No. 3. – pp. 361–368. – DOI: 10.24420/KUI.2019.32.17.016
2. Arkhptsev I.N., Kotsyumbas M.S. The criminal-legal significance of the purpose and motive as part of the crime // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. – 2022. – No. 2. – pp. 39–43.
3. Romanov V.V. Legal psychology + presentations in EBS: textbook for universities / V.V. Romanov, L.N. Kotlyarova. – 7th ed., reprint. and additional. – M.: Yurayt Publishing House, 2023. – 478 p.
4. Streltsova E.V. Legal psychology: textbook. manual / E.V. Streltsova. – Saratov, 2021. – 266 p.
5. Agaev A.I., Abdulkadirova H.D. On the question of the correlation of motive and motivation of crimes // The Scientific Heritage. – 2020. – № 44–5 (44). – Pp. 29–32.
6. Criminology: textbook for universities / V.I. Avdiyskiy [et al.]; edited by V.I. Avdiyskiy, L.A. Bukalerova. – 2nd ed., reprint. and add. – M.: Yurayt Publishing House, 2023. – 301 p.
7. Criminology: General part: textbook / edited by F.K. Zinnurov. – Kazan: CUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. – 358 p.
8. Ustinov D.V. The problem of accounting for psychological constructs in the formation of the concept of a motive for a crime // Psychologist. – 2020. – No. 3. – pp. 37–52. – DOI: 10.25136/2409–8701.2020.3.32570
9. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N63-FZ (ed. of 29.12.2022) [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: 24.01.2023).
10. Criminal psychology: a course of lectures / under the scientific editorship of O.D. Sitkovskaya; Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. – M.: Prospect, 2019. – 144 p.
11. Bondarenko V.O. Criminal-legal significance of the motive of the crime // Issues of Russian and international law. – 2020. – Vol. 10, No. 5А. – pp. 5–13. – DOI: 10.34670/AR.2020.59.58.001
12. Borkov V.N. Influence of personality characteristics on criminality and punishability of an act // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 2 (43). – Pp. 123–128. – DOI: 10.51980/2542–1735_2021_2_123
13. Khabibullin N.E., Talan M.V. The identity of the perpetrator of a crime as a criterion of individualization of punishment in its appointment // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2022. – No. 2. – pp. 82–86.
14. Sobolnikov V.V. Legal psychology: textbook for universities / V.V. Sobolnikov. – 2nd ed., reprint. and additional. – M.: Publishing house Yurayt, 2023. – 331 p.
15. Kharchenko E.V. Effective realization of the goal of correction of the convicted person in the context of psychologically justified accounting of the criminal's personality // Skif. Questions of student science. – 2022. – № 6 (70). – Pp. 487–495.

Актуальные проблемы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем

Барсэл Ирина Владимировна,

адъюнкт, кафедра криминалистики Московского университета
МВД РФ имени В.Я. Кикотя
E-mail: i.barsel@mail.ru

В данной статье рассматривается сложная и актуальная проблема противодействия легализации доходов, полученных преступным путем. Раскрыто понятие и содержание легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. Проанализированы отечественные правовые акты, раскрывающие понятие легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. Анализируются причины и условия легализации (отмывания) доходов, полученных незаконным путем организованными преступными сообществами и группами; особенности расследования легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, приводятся рекомендации по тактике выполнения отдельных следственных действий, производимых в ходе расследования рассматриваемых преступлений. Автор анализирует негативные факторы, осложняющие процесс раскрытия и расследования этой категории преступлений, уделяет внимание вопросам взаимодействия правоохранительных органов с налоговыми и другими контролирующими органами, определяются некоторые схемы, которые применяют лица, виновными в данном преступлении.

Ключевые слова: криминальные доходы, легализация, незаконное предпринимательство, отмывание доходов полученных незаконным путем, противодействие, уголовная ответственность.

Тематика противодействия легализации доходов, которые получены преступным путем, относится к числу наиболее актуальных проблем, стоящих перед современным российским обществом, государством, и особенно перед правоохранительной системой, поскольку подобные преступные проявления несут большую угрозу национальной безопасности. И стоит отметить актуальность указанной тематики также для любой другой страны и для всего международного сообщества, поскольку легализация преступных доходов часто становится почвой для финансирования трансграничной преступности, особенно террористических организаций, поле деятельности которых редко ограничивается пределами одного государства.

В Уголовном кодексе Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) [1] (далее – УК РФ) содержатся две статьи, предусматривающие ответственность за легализацию преступных доходов, причем как за легализацию доходов, полученных в результате преступной деятельности других лиц (ст. 174 УК РФ), так и за легализацию своих преступно нажитых доходов (ст. 174.1 УК РФ). И надо сказать, что реализация указанных норм на практике представляется весьма затруднительной, о чем свидетельствует, в частности, малый удельный вес указанных преступлений среди всех экономических преступлений.

Согласно официальным данным МВД России [9], в течение 2022 г. было выявлено 886 случаев легализации преступных доходов, причем в 427 случаях размер причиненного ущерба (или размер легализованных средств) был крупным или особо крупным. И хотя в общей массе выявленных преступлений экономической направленности (их количество в том же году составило 111 429) на легализацию преступных доходов приходится менее 1 процента, наибольшую опасность для охраняемых законом общественно значимых ценностей представляет ни столько сам факт совершения деяния, квалифицируемый как легализация преступных доходов, сколько та преступная деятельность, доходы от которой пытаются легализовать, и (или) преступная деятельность, которая может быть профинансирована за счет легализованных средств. В частности, легализованные средства зачастую направляются на поддержание и дальнейшее развитие преступной деятельности, в том числе, на финансирование экстремистской, террористической деятельности.

А.И. Бастрыкин, подчеркивая повышенную опасность рассматриваемой категории преступлений, отметил ее роль как связующего звена меж-

ду легальной и нелегальной экономикой, а также как канала, посредством которого незаконно извлеченные доходы переходят в законную сферу экономических отношений [3, с. 494]. Соглашаясь с данным мнением, автор подчеркивает, что отмывание преступно полученных доходов, в случае его непресечения, прямо или косвенно ведет к криминализации легальных секторов экономики.

Понятийный аппарат исследуемой категории преступлений раскрыт в Федеральном законе от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [2]. В ст. 3 указанного Закона преступно полученные доходы трактуются как денежные средства либо другое имущество, которые получены в результате совершения преступления. В данном контексте принципиально важно отличать полученные преступным путем доходы от доходов, полученных, например, в результате совершения административного правонарушения: в случае легализации последних состава преступления не образуется.

Термин «легализация (отмывание)» в контексте рассматриваемого Закона отражает придание законного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или другим преступно нажитым имуществом, посредством совершения операций с указанным имуществом, в результате чего устанавливаются, изменяются или прекращаются соответствующие гражданские права и обязанности. В этой связи смысл легализации для виновного лица состоит в том, чтобы:

- исключить возможность привлечения к ответственности;
- избежать изъятия (конфискации) таких доходов;
- обеспечить благоприятные условия для дальнейшего их использования.

Анализируя причины, которые способствуют легализации преступных доходов, а также условия, сопутствующие этому, важно подчеркнуть неравномерный характер связи легализации с основным преступлением, в результате которого был получен доход. Оно становится своего рода предпосылкой легализации. И именно наличие этой связи может в значительной мере упростить задачу расследования. С другой стороны, возникает проблема установления причинно-следственной связи между базовым преступлением и легализацией, что зачастую становится крайне сложным, поскольку совершение каких-либо операций и сделок с преступно приобретенным имуществом не всегда обусловлено целями легализации.

Работа по противодействию легализации преступных доходов в значительной степени осложняется высоким уровнем латентности рассматриваемой категории преступлений [6, с. 125]. Хотя высокая латентность характерна и многим другим категориям преступлений, в том числе и тем, которые создают основу для легализации преступных доходов. Среди них, в частности, выделяются пре-

ступления, связанные с оборотом наркотических средств, преступления коррупционной направленности, должностные преступления, связанные с использованием бюджетных средств. Всем им свойственен высокий уровень латентности.

Особого внимания требует вопрос существующей практики расследования легализации преступных доходов. В этом плане российскими правоохранительными органами накоплен огромный опыт, позволяющий сегодня противодействовать многим проявлениям легализации там, где ещё несколько лет назад правоохранительные органы были во многом бессильны. Но в тоже время нельзя говорить о преодолении всех проблем в этом направлении и об эффективности всей системы противодействия легализации.

Опросы сотрудников правоохранительных органов, проводящиеся в рамках разных исследований, выявляют множество проблем и в целом свидетельствуют о несовершенстве используемых во многих случаях подходов к расследованию легализации. Так, А.И. Анапольская и Ю.С. Канина, ссылаясь на результаты опроса, проведенного среди следователей по поводу применяемой тактики, отметили следующие проблемы:

- 48% следователей применяют тактику, предназначенную для расследования не легализации, а иных преступлений, в частности, компьютерных;
- 23% следователей ответили, что определяют тактику расследования легализации интуитивно;
- 29% основываются, в первую очередь, на изучении нормативных правовых документов [4, с. 438].

Использование указанных подходов к расследованию и раскрытию легализации свидетельствует об отсутствии единообразия в практике противодействия рассматриваемой категории преступности, что конечно недопустимо. И такая проблема должна решаться на самом высоком уровне.

По проблеме отсутствия единообразной практики важно подчеркнуть и неполноту производства допросов, которая наблюдалась, по замечанию тех же авторов, в 67% изученных ими материалов уголовных дел [4, с. 438]. Нет сомнения в том, что это тоже крайне негативно сказывается на итогах расследования конкретных дел и на эффективности противодействия легализации преступных доходов в целом.

В связи с изложенным следует затронуть вопрос производства отдельных следственных действий, особенно применительно к первоначальному этапу расследования. В этой связи особое внимание должно уделяться первому допросу подозреваемого лица. Такой допрос должен быть максимально объемным и затрагивать все стороны, которые связаны или могут быть связаны с преступной деятельностью [4, с. 438].

Е.В. Селянина подчёркивая важность максимальной детализации показаний, отмечает, что перечень разного рода уточняющих вопросов целесо-

образно расширить вплоть до нескольких десятков [8]. Думается, что такой подход является вполне обоснованным и заслуживает особого внимания. Его целесообразно зафиксировать в ведомственных и (или) межведомственных нормативных документах органов, специализирующихся на раскрытии легализации преступных доходов.

Определенные сложности в практику расследования и привлечения к ответственности виновных лиц вносит отсутствие в России единообразного подхода к юридической оценке возможности реализации уголовной ответственности в случаях отсутствия обвинительного приговора за совершение основного (первичного) преступления, легализация доходов от которого выявлена. В этой связи А.А. Айхаев отмечает что «в подобных условиях, следователи принимают кардинально противоположные правовые решения в аналогичных ситуациях» [1, с. 148]. По этой причине указанный автор расценивает судебную перспективу подобных дел как нестабильную, с чем можно согласиться.

Определённые трудности в практику противодействия отмыванию криминальных доходов вносит отсутствие эффективной и оперативно организованной двусторонней связи между соответствующими правоохранительными органами и государственными органами, хранящими и обрабатывающими информацию финансового характера об операциях в банковском секторе. Речь идёт об обмене информацией между налоговыми органами, органами финансового мониторинга и правоохранительными органами. Е.Г. Сахарова в этой связи указывает на отсутствие обратной связи между указанными государственными структурами, подчеркивая, что в их практике подобного рода информирование либо вовсе не осуществляется, либо ответы со стороны правоохранительных органов в адрес налоговых органов или Росфинмониторинга носят сугубо формальный характер и содержат лишь указания на то, что информация «используется для проведения проверки в отношении фигуранта запроса», «полученная информация учтена при проведении оперативно-розыскных мероприятий» и пр. [7, с. 112]. В этой связи налоговые органы и органы Росфинмониторинга, собирающие соответствующую финансовую информацию от банков, но не получая исчерпывающих данных от правоохранительных органов, не могут повысить эффективность контроля тех или иных субъектов экономической деятельности.

В последние годы также актуализируется проблематика противодействия отмыванию средств с использованием криптовалют и сопутствующих им электронных технологий, становящихся все более популярными механизмами легализации преступных доходов. Государство лишь в 2019 г. наметило среди направлений борьбы с отмыванием криминальных доходов совершенствование нормативной базы в области электронных технологий. И хотя определённая работа была проделана в этом направлении, сфера криптовалют продол-

жает оставаться слабо урегулированной и пригодной для отмывания преступно нажитых доходов.

Подводя итог, следует отметить в числе причин, актуализирующих данную тему, несовершенство законодательного и подзаконного нормативного регулирования, наличие латентной преступности, особенно в таких значимых сферах, как государственное управление; несовершенство существующих механизмов противодействия данной преступности, и в частности, несовершенство практики производства следственных действий. В этой связи целесообразно принципиально совершенствовать методику производства следственных действий, в особенности методику допросов подозреваемых и свидетелей. Для этой цели на ведомственном или внутриведомственном уровне (МВД России, Следственный комитет России) следует нормативно утвердить методику, предусматривающую, в частности, обязательное уточнение у подозреваемых (обвиняемых) в легализации лиц максимально широкого перечня вопросов. Это позволит исключить формальный и халатный подход к расследованию рассматриваемой категории преступлений.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33. Ст. 3418.
3. Айхаев А.А. Актуальные проблемы методики расследования легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем // Молодой ученый. 2023. № 1 (448). С. 147–148.
4. Анапольская А.И., Канина Ю.С. Тактика производства допроса по делам о легализации (отмывании) доходов, полученных преступным путем // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 6. С. 437442.
5. Бстрыкин А.И. Расследование легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма: практика Следственного комитета России // Вестник СПбГУ. Право. 2021. Т. 12. Вып. 3. С. 493501.
6. Осяк В.В., Бондарева Г.В., Осяк А.Н. Актуальные вопросы расследования легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем, на современном этапе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 10 (113). С. 123–126.
7. Сахарова Е.Г. Использование правоохранительными органами возможностей Росфинмониторинга при расследовании легализации доходов, полученных преступным путем // Юри-

дическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 4 (46). С. 106–113.

8. Селянина Е.В. Особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования легализации доходов, приобретенных преступным путем // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 2 (23). С. 127–131.
9. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 10.02.2023).

ACTUAL PROBLEMS OF COUNTERACTION OF LEGALIZATION OF INCOME OBTAINED BY CRIMINAL MEANS

Barsel I.V.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot

This article discusses the complex and urgent problem of counteraction of legalization of income obtained by criminal means. A concept and maintenance of legalization (washing) of the profits got a criminal way are exposed in the article. The home legal acts are analysed that give the concept of legalization (washing) of the profits got a criminal way. The article analyzes the causes and conditions of legalization (laundering) of income obtained illegally by organized criminal communities and groups; the peculiarities of investigation the legalization (laundering) of incomes obtained by crime, provides advice on tactics perform certain investigative actions during the investigation of the considered crimes. The author analyze the negative factors that complicate the process of disclosure and investigation of this category of crime, pay attention to the interaction of law enforcement agencies with tax and other regulatory authorities. Identifies some schemes that are used by the perpetrators of this crime.

Keywords: criminal proceeds, legalization, illegal business, laundering of income obtained by illegal means, counteraction, criminal liability.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. of 29.12.2022) // Collection of Legislation of the RF. 1996. No. 63. Art. 3301.
2. Federal Law of 07.08.2001 No. 115-FZ (ed. of 29.12.2022) «On Countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism» // Collection of Legislation of the RF. 2001. No. 33. Art. 3418.
3. Ajhaev A.A. General provisions of the criminalistic characteristics of the legalization (laundering) of proceeds from crime // Young scientist. 2023. no 1 (448). pp. 147–148.
4. Anapol'skaja A.I., Kanina Ju.S. Tactics of production of interrogation on cases of legalization (washing) of income, received by the criminal way // Social-economic phenomena and processes. 2017. vol. 12. no 6. pp. 437–442.
5. Bastrykin A.I. Investigation of money laundering and financing of terrorism by the Investigative Committee of Russia // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2021. vol. 12. no. 3. pp. 493–501.
6. Osjak V.V., Bondareva G.V., Osjak A.N. Topical issues of the investigation of the legalization (laundering) of money and other property obtained by criminal means at the present stage // Science and education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management. 2019. no 10 (113). pp. 123–126.
7. Saharova E.G. The use of the capabilities of Rosfinmonitoring by law enforcement agencies during the investigation of the legalization of proceeds of crime // Legal science and law enforcement practice. 2018. № 4 (46). S. 106–113.
8. Selyanina E.V. Features of production of separate investigative actions at the initial stage of investigation of legalization of the income acquired in the criminal way] // Bulletin of Vladimir Law Institute. 2012. № 2 (23). S. 127–131.
9. The state of crime in Russia for January – December 2022 [Electronic resource] // The official website of the Ministry of Internal Affairs of the RF URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (accessed: 10.02.2023).

Бессалова Таисия Николаевна,

аспирант, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

E-mail: taisya_bess@mail.ru

Цель. Определение проблемы в определении измерения общественной области, а также понимания общественной опасности, её роли при определении деяния преступным и отнесении преступного деяния к определенной категории преступления. В связи с отсутствием единообразного понимания общественной опасности и её инструментариев, а также измерении общественной опасности, необходимо определить и установить единообразное понимание указанных уголовно-правовых терминов. *Методология:* герменевтика, системная, общенаучная, диалектика.

Выводы. В статье анализируется инструментарий измерения общественной опасности. Рассматриваются роль, формы и подходы к определению понятия общественной опасности преступного деяния. Приводятся признаки общественной опасности преступлений, на основании которых осуществляется классификация деяний. Выявляются подходы к определению характера и степени общественной опасности преступлений и возможности использования данных категорий как инструментов измерения общественной опасности. *Научная и практическая значимость.* Разнообразное понимание определения общественной опасности и её измерение приводит к научным спорам, разногласиям в научной литературе и неопределённости юных научных умов в понимании вопросов, связанных с общественной опасностью и её измерением. Определённое в данном научном труде понимание общественной опасности и инструментариев её измерения позволит разрешить важнейшие вопросы в данной части уголовной науки.

Ключевые слова: общественная опасность преступлений, измерение общественной опасности, характер опасности, степень опасности, уголовное законодательство.

Как отмечает Ю.А. Шишкина, категория общественной опасности (далее – ОО) получила обширное распространение в отрасли уголовного законодательства [1]. ОО используется как основа для разделения преступных деяний на разновидности, признак преступления и характеристика личности преступника при выборе уголовного наказания. Однако, несмотря на значительную роль, ОО не имеет официальной дефиниции. В научной среде отсутствует унифицированный подход к трактовке понятия ОО, её специфических характеристик и инструментов измерения, что делает актуальным исследование концепций ОО и её измерительного инструментария.

Целью работы является изучение инструментария измерения ОО. Для её достижения были использованы аналитический, синтетический, индуктивный и дедуктивный методы обработки тематических исследований, научных публикаций и релевантных литературных источников.

Согласно ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), ОО, наравне с виновностью, заприщённостью УК РФ и наказуемостью, является признаком преступления [2]. Все признаки преступления равнозначны и обладают тождественной юридической силой, однако, по мнению А.Н. Петрушенкова, первостепенную роль должна играть однородная интерпретация сущности данных признаков с точки зрения правоприменяющих субъектов и их последующее законодательное закрепление [3].

ОО закреплена в УК РФ в следующих формах:

- общественно опасное действие (бездействие) (ст.ст. 5, 9, 20, 21, 22, 25, 28 УК РФ);
- общественно опасное последствие (ст.ст. 5, 25, 26, 28, 207 УК РФ);
- ОО преступления (ст.ст. 6, 38, 63, 80.1, УК РФ);
- общественно опасное деяние (ст.ст. 14, 15, 20, 21 УК РФ);
- общественно опасное посягательство (ст. 37 УК РФ);
- характер и степень ОО совершенного преступления и личности виновного (ст.ст. 47 и 60 УК РФ);
- степень ОО преступления (ст.ст. 15 и 64 УК РФ);
- характер и степень ОО ранее совершенного преступления (ст. 68 УК РФ);
- характер и степень ОО вновь совершенного преступления (ст. 68 УК РФ);
- ОО лица, впервые совершившего преступление (ст. 75 УК РФ);
- ОО лица (ст. 80.1 УК РФ);
- ОО лица и впервые совершенного им преступления (ст. 134 УК РФ);

- характер и степень ОО совершенного преступления (ст. 73 УК РФ).

Подобное многогранное использование понятия «общественная опасность» неблагоприятно сказывается на его реализации правоприменяющими субъектами. На основании обобщения указанных форм закрепления ОО в УК РФ можно заключить, что данное понятие применяется при характеристике преступления, деяния, действия или бездействия, посягательства, последствия, лица и личности виновного.

Как отмечает Е.В. Кобзева, ОО представляет собой такой уровень вредоносности, при котором не просто нарушаются формально установленные в социуме правила поведения, а создаётся угроза для всего общества, подрываются условия его нормального существования и функционирования и нарушается базовая система социальных ценностей [4]. ОО выступает сущностным ориентиром межотраслевой правовой дифференциации деяний, свойством, на основании которого преступления и потенциально уголовные проступки выделяются среди иных правонарушений. Данная категория подчёркивает качественное своеобразие преступлений и придаёт самостоятельность отрасли уголовного права.

По мнению О.С. Гузеевой, поскольку ОО деяния заключается в его вредоносности для общества, необходимыми являются поиски критериев оценки и инструментов измерения ОО в основных характеристиках последствий, которые причиняются преступным деянием [5]. Однако проблема последствий преступлений в уголовном законодательстве неоднозначна, что связано с наличием преступлений с формальным или усечённым составом, а также норм, которые позволяют привлекать к уголовной ответственности за подготовку к преступлению и покушение даже при отсутствии видимого вреда.

Данная проблема может быть решена расширенным толкованием ОО, которая, как пишет И.А. Фиськов, выступает не только отражением уже причинённого общественным отношениям ущерба, но и содержит в себе угрозу причинения вреда в последующем [6]. Однако такое понимание ОО приводит к смешению ОО преступления и личности преступника. Можно заключить, что отсутствие нормативного закрепления понятия «общественная опасность» приводит к невозможности его полноценного применения, поскольку ни законодатель, ни правоприменитель до конца не понимают содержания данной категории. Отсутствие критериев выделения ОО преступления создаёт ситуацию, когда законодатель может криминализовать любое деяние, а правоприменитель имеет возможность признавать деяние малозначимым и менять его категорию.

Согласно ст. 60 УК РФ, сущностными признаками ОО являются характер и степень. Отсутствие нормативного закрепления категорий «характер» и «степень» вызывает дискуссию об их содержании. Как пишет Е.Ю. Новиков, характер ОО приня-

то рассматривать как качественную характеристику преступления, которая определяется содержанием объекта преступного посягательства, способом посягательства (открытое либо тайное), видом причинённого вреда (организационный, моральный, физический, материальный и иные), целью и мотивом преступления, видом и формой вины [7]. Степень ОО рассматривается как количественная характеристика относительной опасности преступлений, которым присущ одинаковый характер. Она зависит от сущностных проявлений признаков преступных деяний, как спонтанность или продуманность появления умысла, устойчивость мотивов и целей, размер ущерба, роль лица при совершении деяния в соучастии, обстоятельства и время совершения преступления и прочие.

По мнению И.В. Ищенко, характер ОО неотделим от степени, поскольку характер связан не только с объектом преступления, но и с совокупностью признаков состава преступления, установленными судом [8]. Как степень, так и характер ОО – гибкие инструменты её измерения, которые применяются не к преступлениям определённого вида, а к конкретным деяниям. На это указывают ч. 6 ст. 15 УК РФ, дающая суду возможность изменять опасность преступления, сокращая его категорию на ступень, а также п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N58, предусматривающий, что характер ОО преступления зависит от установленных в судебном порядке признаков состава преступления [9].

Н.А. Егорова заключает, что характер и степень ОО как инструменты её измерения базируются одновременно на уровнях законодательства и правоприменения [10]. Так, оба инструмента измерения ОО могут быть как стандартными, то есть чётко и однозначно установленными уголовным законом, так и персональными, отражающими конкретные преступные деяния. Следовательно, некорректно выстраивать определение характера ОО, основываясь исключительно на уголовном законе, а степени – на частных обстоятельствах дела.

По мнению Ю.Е. Пудовочкина, характер и степень ОО отражают разную степень оценки преступлений: характер указывает на опасность преступных деяний конкретной разновидности, а степень – на опасность отдельно взятого преступления [11]. Характер ОО характеризует её «снаружи» относительно совокупной массы совершённых преступных посягательств, а степень раскрывает ОО разновидности деяния «изнутри». Характер ОО базируется на свойствах, присущих всем преступлениям, что делает возможным использование данного инструмента с заменой только уровня абстрагирования. Степень ОО охватывает частные специфические свойства преступных посягательств, поэтому её возможно применять исключительно оценивая обстоятельства отдельной разновидности преступления в рамках её вида, поскольку всякое нормативное закрепление свойств преступления является определённым уровнем обобщения, который предполагает безусловный отказ от специ-

фики данных свойств и отвлечение от особенностей опасности преступления, что свидетельствует об утрате термином «степень ОО» части своей сути и приобретении им черт понятия «характер ОО преступного деяния».

О.В. Ермакова отмечает, что ОО конкретного деяния является персональной, поскольку в общественной жизни не встречается абсолютно идентичных преступлений [12]. Согласно ч. 3 ст. 60 УК РФ, при назначении наказания суду требуется оценивать именно персональную ОО, сопряжённую с личностью виновного. Также категория индивидуальной ОО используется при применении более мягкого по сравнению с предусмотренным наказанием (ст. 64 УК РФ). Особенности ОО отдельно взятого преступного деяния определяют правомочия суда на смену категории преступления, то есть при применении ч. 6 ст. 15 УК РФ суд не изменяет ОО преступления в целом, а снижает её в конкретном случае, учитывая обстоятельства конкретных дел.

На основании категорий ОО «характер» и «степень» преступления российский законодатель выделяет следующие группы преступных деяний:

- небольшой тяжести – неосмотрительные и намеренные деяния, которые наказываются лишением свободы продолжительностью не более трёх лет (ч. 2 ст. 15 УК РФ);
- средней тяжести – намеренные деяния, которые наказываются лишением свободы продолжительностью не более пяти лет, а также неосмотрительные деяния, наказываемые лишением свободы продолжительностью более трёх лет (ч. 3 ст. 15 УК РФ);
- тяжкие – намеренные деяния, которые наказываются лишением свободы продолжительностью не более десяти лет (ч. 4 ст. 15 УК РФ);
- особо тяжкие – намеренные деяния, которые наказываются лишением свободы продолжительностью более десяти лет (ч. 5 ст. 15 УК РФ).

Таким образом, учёт характера и степени ОО преступления при назначении наказания способствует измерению качества причинённого вреда и степени злостности намерений виновного лица и отразить их в обвинительном судебном решении в качестве вынесения соответствующего наказания и его меры, которую заложили нормы уголовного законодательства в санкции. Точное и однозначное понимание ОО, её характера и степени и их наполнение конкретным уголовно-правовым содержанием способствуют реализации одного из ключевых принципов уголовного законодательства – принципа справедливости.

Литература

1. Шишкина Ю.А. Общественная опасность как категория уголовного права // Молодой учёный. – 2019. – № 16 (254). – С. 151–153.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) [Электронный ресурс] // СПС Консультант-Плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 11.01.2023).
3. Петрушенков А.Н. Проблемы реализации общественной опасности преступления в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 2. – С. 75–83.
4. Кобзева Е.В. Критерии общественной опасности деяния, учитываемые при дифференциации уголовной и иных видов юридической ответственности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 6 (137). – С. 207–215. – DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10174
5. Гузеева О.С. Общественная опасность преступления: конституционно-правовой и уголовно-правовой анализ // Lex russica. – 2021. – Т. 74, № 3. – С. 95–106. – DOI: 10.17803/17295920.2021.172.3.095-106
6. Фиськов И.А. О понятии и содержании признака «общественная опасность» // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 10 (190). – С. 116–118. – DOI: 10.47643/1815-1329_2020_10_116
7. Новиков Е.Ю. Степень общественной опасности как критерий для разграничения преступлений и иных правонарушений // Курсантские исследования: сборник научных работ. – Могилёв, 2021. – С. 75–77.
8. Ищенко И.В. Характер и степень общественной опасности преступлений и непроступных деяний: проблемы понятия и критериев определения // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7, № 3–2. – С. 133–147. – DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)-133-147
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/?ysclid=icrw7ar7vy972852174 (дата обращения: 11.01.2023).
10. Егорова Н.А. Общественная опасность преступления: теория, законодательство, судебная практика // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 1 (48). – С. 8–18. – DOI: 10.25724/VAMVD.FPQR
11. Пудовочкин Ю.Е. Понятие, критерии и пределы учёта общественной опасности преступления судом // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник материалов VII-ой Международной научно-практической конференции. – СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. – С. 57–67.
12. Ермакова О.В. Изменение судом категории преступления: сущность правомочия и обоснованность его закрепления в свете существования концепции общественной опасности //

INSTRUMENTATION OF PUBLIC DANGER AND ITS MEASUREMENT

Bessalova T.N.

Saratov State Academy of Law

Purpose. Definition of the problem in determining the dimension of the public domain, as well as the understanding of public danger, its role in determining the act as criminal and attributing the criminal act to a certain category of crime. Due to the lack of a uniform understanding of public danger and its tools, as well as the measurement of public danger, it is necessary to define and establish a uniform understanding of these criminal law terms. *Methods:* hermeneutics, systemic, general scientific, dialectics.

Results. The article analyzes the tools for measuring public danger. The role, forms and approaches to the definition of the concept of public danger of a criminal act are considered. The signs of public danger of crimes are given, on the basis of which the classification of acts is carried out. Approaches to determining the nature and degree of public danger of crimes and the possibility of using these categories as tools for measuring public danger are identified. *Discussion:* The diverse understanding of the definition of public danger and its measurement leads to scientific disputes, disagreements in the scientific literature and uncertainty of young scientific minds in understanding issues related to public danger and its measurement. The definition of social danger and its measurement tools in this scientific work will allow solving the most important issues in this part of criminal science.

Keywords: public danger of crimes, measurement of public danger, nature of danger, degree of danger, criminal law.

References

1. Shishkina Yu.A. Public danger as a category of criminal law // Young scientist. – 2019. – № 16 (254). – Pp. 151–153.
2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N63-FZ (ed. of 29.12.2022) [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of address: 11.01.2023).
3. Petrushenkov A.N. Problems of realization of public danger of crime in the Special part of the Criminal Code of the Russian

- Federation // Gaps in Russian legislation. – 2018. – No. 2. – pp. 75–83.
4. Kobzeva E.V. Criteria of public danger of an act taken into account when differentiating criminal and other types of legal liability // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2020. – № 6 (137). – Pp. 207–215. – DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10174
5. Guzeeva O.S. Public danger of crime: constitutional-legal and criminal-legal analysis // Lex russica. – 2021. – Vol. 74, No. 3. – pp. 95–106. – DOI: 10.17803/17295920.2021.172.3.095-106
6. Fiskov I.A. On the concept and content of the sign “public danger” // Agrarian and land law. – 2020. – № 10 (190). – Pp. 116–118. – DOI: 10.47643/1815-1329_2020_10_116
7. Novikov E. Yu. Degree of public danger as a criterion for distinguishing crimes and other offenses // Cadet studies: collection of scientific papers. – Mogilev, 2021. – pp. 75–77.
8. Ishchenko I.V. The nature and degree of public danger of crimes and criminal acts: problems of the concept and criteria of definition // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. – 2021. – Vol. 7, No. 3–2. – pp. 133–147. – DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)-133-147
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.12.2015 N58 (ed. of 18.12.2018) “On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation” [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/?ysclid=lcrw7ar7vy972852174 (date of application: 11.01.2023).
10. Egorova N.A. Public danger of crime: theory, legislation, judicial practice // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – № 1 (48). – Pp. 8–18. – DOI: 10.25724/VAMVD.FPQR
11. Pudovochkin Yu.E. The concept, criteria and limits of taking into account the public danger of crime by the court // Criminal policy and law enforcement practice: collection of materials of the VII-th International Scientific and Practical Conference. – St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies “Assterion”, 2019. – pp. 57–67.
12. Ermakova O.V. Changing the category of crime by the court: the essence of the competence and the validity of its consolidation in the light of the existence of the concept of public danger // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 2 (88). – Pp. 54–59.

Квалификация уголовной ответственности за вооруженные нападения на образовательные учреждения в России

Вторушина Вероника Витальевна.

аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, помощник прокурора Первомайского района г. Владивостока Приморского края
E-mail: vv.vtorushina@yandex.ru

За последнее десятилетие в России совершено около семидесяти вооружённых нападений на образовательные учреждения, еще столько же удалось предотвратить. Такое новое криминологическое явление получило название «скулшутинг» или «колумбайн». Количество таких преступлений и заинтересованность в них молодежи только растет, и перед правоохранительными органами и учеными стоят новые задачи, например, как квалифицировать такие деяния. В статье рассматриваются некоторые произошедшие в России и получившие наиболее широкий общественный резонанс, вооруженные нападения на образовательные учреждения, способы их совершения и квалификация органами предварительного расследования. Автор анализирует несколько существующих в научной среде подходов к признанию вооруженных нападений на образовательные учреждения убийством двух и более лиц или фактически террористической деятельностью. Автор выделяет признаки, присущие вооруженным нападениям на образовательные учреждения и террористическим актам и делает вывод о необходимости квалификации некоторых вооруженных нападений на образовательные учреждения как террористического акта.

Ключевые слова «скулшутинг», «колумбайн», вооруженные нападения на образовательные учреждения, терроризм, убийство двух и более лиц.

20 апреля 1999 года два ученика школы «Колумбайн» (штат Колорадо, США) с применением оружия и взрывных устройств совершили нападение в школе, пострадало более 30 человек, в том числе, убито 13 человек, после чего нападавшие застрелились сами.

Несмотря на большое количество жертв и неоправданную жестокость, многие люди сочувствовали стрелявшим, так как над ними неоднократно и беспричинно издевались другие учащиеся школы.

В последствии произошёл ещё ряд аналогичных нападений в учебных заведениях различных стран мира, по словам некоторых нападавших, на стрельбу их вдохновили события в школе «Колумбайн», в сети «Интернет» появились группы колумбайнеров, готовящихся к таким преступлениям и обсуждающих детали с единомышленниками.

В последнее время вооруженные нападения на образовательные учреждения («скулшутинг» (от англ. school shooting – «школьная стрельба» или «колумбайн») стали обыденной частью и российской истории.

В Министерстве внутренних дел России с 2017 года зафиксировали 70 случаев, связанных с нападением на школы в 34 регионах страны [1].

Первый случай скулшутинга произошел в России в феврале 2014 года, когда десятиклассник одной из московских школ Сергей Гордеев застрелил учителя, прибывшего полицейского и взял в заложники одноклассников. Гордеева обвинили в убийстве двух человек, захвате заложников и покушении на убийство. Судом, в связи с психическим заболеванием, Гордеев освобожден от уголовной ответственности и направлен на принудительное лечение.

5 сентября 2017 года девятиклассник Михаил Пивнев устроил обстрел и взрывы в образовательном центре в г. Ивантеевка Московской области. В результате нападения пострадали 4 человека. Суд признал нападавшего виновным в покушении на убийство двух и более лиц и хулиганстве.

В мае 2021 года в Казани 19-летний Ильназ Галявиев совершил стрельбу в гимназии, в результате которой погибли 9 человек, более 30 человек были госпитализированы с ранениями различной степени тяжести.

Органами предварительного расследования установлено, что причиной нападения явилось желание Галявиева повторить действия представителей сообщества «колумбайн», скопировав их поведение при нападении. Молодой человек обвиняется в убийстве, незаконном изготовлении взрыв-

чатых веществ и других преступлениях, уголовное дело находится на рассмотрении в Верховном суде Республики Татарстан.

20 сентября 2021 года Тимур Бекмансуров открыл огонь по находившимся в Пермском государственном университете. Пострадало порядка 50 человек, 6 погибли. «Стрелка» обвиняют в убийстве и покушении на убийство двух и более лиц, совершенном общеопасным способом, из хулиганских побуждений и др., уголовное дело находится на рассмотрении в Пермском краевом суде.

Как показывает практика вооруженные нападения на образовательные учреждения в большинстве случаев квалифицируются органами предварительного расследования как убийство, а не акт терроризма.

В то же время в практике есть и другие примеры.

В феврале 2020 года приговором 1-й Восточного окружного военного суда 19-летний житель г. Хабаровск осужден по ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ. Молодой человек являлся последователем идеологии «скулшутинг» и планировал совершить массовое убийство людей в общеобразовательной школе г. Хабаровска, где раньше учился, из огнестрельного оружия по мотивам политической ненависти и вражды.

В соответствии со ст. 205 УК РФ террористическим актом признается взрыв или иные действия, устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба, в целях дестабилизации деятельности органов власти или воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения таких действий в указанных целях [2].

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» при выяснении умысла, направленного на дестабилизацию деятельности органов власти необходимо учитывать, в том числе, время, место, способ и орудия совершения преступления, характер и размер наступивших последствий, а также поведение преступника.

Устрашающими население признаются действия, которые могут вызвать у людей страх за свою жизнь и здоровье, безопасность близких, сохранность имущества и т.п. [3].

Как отмечают исследователи, некоторые признаки «колумбайна» характеризуют эти события как новый молодежный вид террористической деятельности, но в отличие от терроризма у «колумбайна» нет цели дестабилизировать деятельность органов власти, его подражатели не преследуют политические цели, у них свои убеждения, руководствуясь которыми они совершают нападения [4].

Зачастую «школьные стрелки» стремятся заявить о себе, продемонстрировать свое превосходство, представляют себя человеком, который вправе решать кому жить, а кому умереть. Нередко ак-

ты «скулшутинга» совершались из мести за издевательства со стороны одноклассников.

Другие ученые полагают, что политикотеррористическая сущность актов скулшутинга проявляется в желании отомстить, стремлении увидеть беспомощность власти, ее невозможность все контролировать. Ответственность за травлю сверстниками и другие свои проблемы «скулшутеры» возлагают на действующую в стране власть. Совершение нападения и стрельба в учебном заведении представляется ими как возможность воздействия на власть [5].

Исходя из анализа обстоятельств произошедших в России вооруженных нападений на образовательные учреждения, способов их совершения, уровня общественной опасности, а также личности стрелявших, их поведения, можно выделить признаки, которые присущи как терроризму, так и «колумбайну»: планирование нападения и тщательная подготовка, многочисленные взрывы и стрельба, повышенная общественная опасность, большое количество жертв и безразличие к ним, направленность действий на неопределенный круг лиц.

Кроме того, Верховным судом Российской Федерации по заявлению Генерального прокурора Российской Федерации международное молодежное движение «колумбайн» признано террористической организацией.

Как установлено в судебном заседании, «колумбайн» преследует цели массовой гибели людей и дестабилизации обстановки в стране. Ее участники отрицают общепризнанные моральные нормы, этические и духовные ценности, распространяют девиантное и суицидальное поведение, основным способом достижения своих целей представляют насилие, у них отсутствует запрет на убийства других людей [6].

Учитывая общие признаки «скулшутинга» и террористического акта, в первую очередь – характер и способы совершения преступлений, более правильным будет говорить о скулшутинге как об одной из разновидностей терроризма, новом (молодежном) виде террористической деятельности, у которого нет цели дестабилизировать деятельность органов власти в классическом понимании террористического акта, закрепленного сейчас в российском законодательстве.

Возможно признание «скулшутинга» как – использование оружия, совершение взрыва, или иных действий, повлекших гибель людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, обучающимся или ранее обучавшемся в образовательном учреждении.

В силу ст. 220 УПК РФ в обвинительном заключении указывается кроме существа обвинения, места и времени его совершения, еще и способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела, важно установить наличие всех признаков «скулшутинга».

Учитывая, что в целом деятельность «скулшутеров» можно признать террористической и, очевидно, что некоторые случаи вооруженных нападений на образовательные учреждения, произошедшие в России, фактически имеют признаки террористического акта, в этой связи действия «стрелков» ошибочно квалифицировать как убийство.

Исходя из изложенного, в действующее законодательство необходимо внести соответствующие изменения, в том числе расширить понятие «террористический акт» в целях признания вооруженных нападений на образовательные учреждения актами терроризма и более эффективного их предупреждения.

В целях неукоснительного соблюдения требований УПК РФ, а также правильной квалификации актов «скулшутинга» в ходе предварительного расследования необходимо более детально выяснять увлекались ли «стрелки» идеями «колумбайна», подвергались ли травле сверстниками, состояли ли они в сетях и группах, пропагандирующих такие идеи, какие цели они преследовали, совершая такие преступления. Кроме того, комплекс и характер действий, которые они предпринимали в рамках подготовки к совершению преступлений и непосредственно в ходе его совершения, а также способы их совершения, могут свидетельствовать о направленности умысла, и целях стрельбы, приверженности идеям «колумбайна», и позволит сделать вывод о наличии или отсутствии террористической составляющей в преступлениях.

Литература

1. Беляев С. «МВД насчитало в России 70 случаев скулшутинга» https://eanews.ru/news/mvd-naschitalo-v-rossii-70-sluchayev-skulshutinga_14-02-2022 (дата обращения 22.11.2022).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/.
4. Пучнин А.В., Пучнина М.Ю. «Идеология «колумбайн» как экстремистская и террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации» // Общество и право. – 2021. – № 2 (76) – С. 38–43.
5. Никишин В.Д. «Колумбайн» (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика» // Lex russica. –2021. – № 11. – С. 62–76.
6. Новости Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Верховный суд признал «Колумбайн» террористической организацией» <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=70034347> (дата обращения 22.11.2022).

QUALIFICATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR ARMED ATTACKS ON EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN RUSSIA

Vtorushina V.V.

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Over the past decade, about sixty armed attacks on educational institutions have been committed in Russia, and almost as many more have been prevented. Such a new criminological phenomenon has been called “schoolshooting” or “columbine”. The number of such crimes and the interest of young people in them is only growing, and law enforcement agencies and scientists face new challenges, for example, how to qualify and prevent such acts. The article examines some of the armed attacks on educational institutions that have occurred in Russia and received the widest public response, the methods of their commission and the qualification of preliminary investigation bodies. The author analyzes several approaches existing in the scientific community to the recognition of armed attacks on educational institutions as the murder of two or more persons or actually terrorist activity. The author identifies the signs inherent in armed attacks on educational institutions and terrorist acts and concludes that it is necessary to qualify some armed attacks on educational institutions as a terrorist act.

Keywords «schoolshooting», «columbine», armed attacks on educational institutions, terrorism, murder of two or more persons.

References

1. Belyaev S. “The Ministry of Internal Affairs counted 70 cases of schoolshooting in Russia” https://eanews.ru/news/mvd-naschitalo-v-rossii-70-sluchayev-skulshutinga_14-02-2022 (accessed 22.11.2022).
2. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 13.06.1996 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 dated 09.02.2012 “On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes” https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/.
4. Puchnin A.V., Puchnina M. Yu. “Columbine ideology as an extremist and terrorist threat to the national security of the Russian Federation” // Society and Law. – 2021. – № 2 (76) – Pp. 38–43.
5. Nikishin V.D. “Columbine” (schoolshooting): essence, legal qualification, forensic diagnostics” // Lex russica. –2021. – № 11. – pp. 62–76.
6. News of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation “The Supreme Court recognized “Columbine is a “terrorist organization” <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=70034347> (accessed 22.11.2022).

К вопросу об особенностях процессуального контроля за производством дознания в органах внутренних дел

Костина Марианна Игоревна,

начальник 5 отдела (правового контроля) ПУ ГУ МВД России по г. Москве, подполковник внутренней службы, соискатель ученой степени кандидата юридических наук (специальность: 5.1.4. – уголовно-правовые науки)
E-mail: Dana2805@yandex.ru

В данной статье обсуждается необходимость процессуального контроля за современным ходом производства дознания в органах внутренних дел. Обосновывается, что некоторые действия или бездействие дознавателей требуют незамедлительного реагирования, а также срочных действий, по информированию контролируемых органов и должностных лиц. Утверждается, что установление процессуального контроля над органами дознания в органах внутренних дел при рассмотрении уголовных дел, представляет необходимым ввиду того, что дознаватели далеко не всегда правильно организуют и выбирают тактику расследования дел, а иногда допускают существенные ошибки. Автором обращено внимание на высокое значение процессуального контроля для обеспечения законности должностного поведения дознавателя и принятия им процессуальных решений. Отмечается, что в современной дипломатической практике институт почетного консула используется не всеми государствами, что обусловлено правовыми установлениями Венской конвенцией о консульских сношениях, согласно которой каждое государство вправе самостоятельно решить вопрос о необходимости использования данного института. Автором выдвинуты предложения по оптимизации механизма осуществления контроля за производством дознания в части, касающейся ограничения числа субъектов ведомственного процессуального контроля, уточнения момента начала контрольных полномочий начальника подразделения дознания.

Ключевые слова: контроль, процессуальный контроль, ведомственный контроль, прокурорский надзор.

Современные нормы уголовно-процессуального закона, определяющие порядок ведения и документирования предварительного расследования, представляют должностным лицам органов предварительного расследования определенные альтернативные модели действия. Принципы уголовного и уголовно-процессуального права при выполнении полномочий следователями и дознавателями, и иными лицами, осуществляющими предварительное расследование, требуют от последних ограничиваться рамками закона. С этой целью уголовно-процессуальное законодательство устанавливает определенные сроки процессуальных действий, процедуры согласования и подотчетности таковых.

Практика расследования уголовных дел показывает, что дознаватели далеко не всегда правильно организуют и выбирают тактику расследования дел, а иногда допускают существенные ошибки. Сказанное вызывает необходимость изучения подобных проблем и ошибки расследования, а также необходимости установления надлежащего контроля за рассматриваемой деятельностью. Контроль за производством дознания в органах внутренних дел выступает как основной компонент обеспечения законности и справедливости «современных» подходов к борьбе с преступностью, а также своевременной реакцией на рост централизованной бюрократии и коррупционной составляющей деятельности должностных лиц. Поэтому, представляется актуальным и необходимым определить особенности процессуального контроля за производством дознания в органах внутренних дел, а также соотношение механизмов такого контроля природе уголовного расследования и гарантированию прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Уголовное преследование и судебные процессы являются нормальными событиями в любом демократическом правовом государстве, имеют важные последствия для привлечения виновных к уголовной ответственности, а также восстановлению нарушенных прав потерпевших и социальной справедливости в обществе. Тем не менее, следственные и судебные ошибки представляют собой вариант ошибок уголовного судопроизводства, которые влекут нарушение прозрачности и хода всего процесса расследования.

Более того, ошибками дознавателей, возникающие в ходе производства по уголовным делам, являются халатное отношение к требованиям формы производства, уголовного и уголовно-процессуального законодательства, к нарушению прав и законных интересов участников уголовного

дела. Безусловно, любые незаконные или необоснованные действия в ходе расследования являются результатом ошибок, которые могут быть выявлены и пресечены на определенном этапе контролирующими должностными лицами и органами.

Некоторые действие или бездействие дознавателей требуют незамедлительного реагирования, а также срочных действий, по информированию контролирующих органов и должностных лиц [5]. Например, несвоевременное принятие решения по назначению меры пресечения, когда это необходимо, может привести к утрате доказательств.

Стоит заметить, что существуют разные точки зрения относительно определения причин ошибок расследования в литературе. В частности, в научной литературе относительно неэффективности уголовного расследования встречаются такие мнения, согласно которых первостепенными факторами такового выступают: неадекватное практическое применение закона и качеств следователей, отсутствие необходимых политические, моральных и других специальных качеств, пренебрежительное отношение к нормам уголовного и уголовно-процессуального права, неверная организованность хода расследования, перегруженность дознавателей, отсутствие должного контроля и проверки деятельности дознавателей органов внутренних дел. По нашему мнению, одной из основополагающих причин, оказывающих влияние на качество предварительного расследования, выступает недостаточный процессуальный надзор и контроль за деятельностью должностных лиц по осуществлению предварительного расследования в форме дознания.

Несомненно, высокое значение процессуального контроля для обеспечения законности процессуального поведения дознавателя и принятия им решений и иными практическими работниками уголовно-процессуальной сферы, состоит в предупреждении или устранении всех выше обозначенных ошибок. Примечательно, что процессуальный контроль предполагает не только соблюдение дознавателями требований уголовно-процессуального закона, а также направлен управление всей протекающей в уголовно-процессуальной форме деятельность дознавателя.

Процессуальная легитимность предполагает ответственность всех действий, предпринятых в отношении подозреваемого или обвиняемого для доказательства его осуждения, со всеми правовыми нормами, текстами и системами. Крайне важно соблюдать права и свободы человека на всех стадиях уголовного дела, включая дознание, следствие и судебное преследование. Это может быть достигнуто только в том случае, если все меры, принятые для осуждения подсудимого, согласуются с правовыми и процессуальными средствами обеспечения уголовного правосудия. Процессуальная законность достигается, когда меры, принимаемые органами дознания в отношении подозреваемых или обвиняемых для доказывания их вины, согласуются с установленными законодательством нор-

мами, когда у контрольных и надзорных органов не возникает вопросов к принимаемым в ходе расследования решениям.

Нередко ошибки, допущенные дознавателем, при расследовании уголовного дела могут отражаться в соответствующих судебных или прокурорских актах. Однако подобные решения также могут быть в дальнейшем отменены и не всегда справедливы. В этой связи, необходимо определить несколько ключевых моментов осуществления процессуального контроля за органами дознания органов внутренних дел.

Необходимость процессуального контроля связана с наличием жалоб и споров о правомерности и законности соблюдения в уголовно-процессуальном судопроизводстве. В то же время, определение масштабов, условий и характера такого контроля является особенно сложной задачей [3]. Актуальным считается в процессуальном контроле обеспечить баланс между признанием условий необходимости процессуального контроля и вмешательство в деятельность органов дознания органов внутренних дел и сохранением свободы усмотрения этих должностных лиц в рамках их полномочий.

Субъектами процессуального контроля за производством дознания выступают начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и прокурор. Однако, важно признать, что все обозначенные субъекты обладают различными контрольными полномочиями, которые особенно разнятся у прокурора. Это обусловлено тем, что прокурор уполномочен на проведение прокурорского надзора, которые обладает рядом специфических черт относительно ведомственного контроля.

Анализ субъектов, осуществляющих контроль за производством дознания органами внутренних дел, позволяет разграничить их на субъекты ведомственного контроля и субъекты прокурорского надзора.

Процессуальные полномочия начальника органа дознания содержатся в ст. 41, 144, 157, 225 УПК и реализуются при расследовании уголовных дел в различных формах, в частности, даче поручений дознавателю по проверке сообщения о преступлении, производству дознания, неотложных следственных действий, даче согласия на продление срока проверки сообщения о преступления и др. Кроме того, начальник органа дознания уполномочен утверждать обвинительный акт и обвинительное постановление, что также подчеркивает наличие у него контрольных полномочий. Стоит согласиться с тем, что «помимо процессуальных полномочий, закрепленных в УПК РФ, начальник подразделения дознания обладает рядом полномочий, закрепленных в ведомственных правовых актах» [6, с. 51]. Безусловно, данный факт негативно отражается на эффективности и качестве производства дознания ввиду его сжатых сроков, особенно в сокращенной форме.

На наш взгляд, круг контрольных полномочий начальника органа дознания достаточно обширен,

в то же время реализации ряда из них осложняет деятельность дознавателя. Так, как верно отмечает Е.Ю. Стефанова, «в реальной действительности дознаватели затрачивают значительное время только для того, чтобы попасть на прием к начальнику органа дознания с уголовным делом для его проверки, по которому, например, составлен обвинительный акт» [7, с. 153].

В целом обязанности начальника подразделения дознания как участника уголовного процесса сводятся главным образом к организационным, поскольку «состоят в организации дознания, руководство им, осуществление процессуального контроля над дознанием» [2, с. 155]. Процессуальные контрольные полномочия начальника подразделения дознания закреплены в ст. 401 УПК и реализуются при производстве дознания в следующих формах: проверка материалов уголовного дела; изъятия у дознавателя уголовного дела и передачи его другому дознавателю; отмена необоснованных постановлений дознавателя о приостановлении уголовного дела; внесения прокурору ходатайства об отмене незаконных или необоснованных постановлений дознавателя и др. По нашему мнению, в целях уточнения контрольных полномочий начальника органа дознания по процессуальному руководству дознавателя, считаем наиболее целесообразным в полном объеме передать их начальнику подразделения дознания.

Считаем целесообразным в контексте оптимизации контроля за производством дознания сузить перечень субъектов ведомственного процессуального контроля. Думается, что сосредоточение всей полноты процессуальных контрольных полномочий в руках начальника подразделения дознания позволят обеспечить оперативность и эффективность подобного контроля, ввиду того, что данное должностное лицо с дознавателями находится в более тесном взаимодействии. Предложено позволить обеспечить и повысить законность обеспечения всего хода расследования уголовных дел, а также обеспечить права и свободы всех участников уголовного судопроизводства, а также оптимизировать контроль за производством дознания.

Учитывая тот факт, что процессуальные полномочия начальника подразделения дознания осуществляются уже с момента поступления сообщения о преступлении в установленном порядке и состоят в даче дознавателю поручения о проверке сообщения, нужно уточнить данный факт в уголовно-процессуальном законе. Так, предлагаем в ч. 4 ст. 40.1 УПК РФ внести изменения, связанные с включением начальника подразделения дознания в контроль над производством дознания на стадии возбуждения уголовного дела, а именно рассмотрения сообщения о преступлении. Думается целесообразным представить указанную норму в действующей формулировке, исключив из нее словосочетание «по уголовному делу», поскольку в период проведения проверки, когда поручения начальника подразделения дознания также подле-

жат также неукоснительному исполнению, фактически уголовное дело отсутствует.

Прокурорский надзор за производством дознания является одним из обязательных и необходимых направлений надзорной деятельности прокуратуры. Помимо прочего, прокурорский надзор за органами дознания более шире, чем за органами следствия [1, с. 136]. Полномочия прокурора при осуществлении надзора за дознанием как одной из форм проведения предварительного расследования определены в УПК РФ. Главным направлением прокурорского надзора является выявление нарушений законодательства, допущенных дознавателем [4].

Таким образом, подводя итог изложенному, считаем оптимизировать механизм осуществления контроля за производством дознания в части, касающейся ограничения числа субъектов ведомственного процессуального контроля, уточнения момента начала контрольных полномочий начальника подразделения дознания.

Литература

1. Маллеев С.С. Прокурорский надзор за органами предварительного следствия и дознания. Законодательные и теоретические основы // Закон и право. 2019. № 11. С. 135–136.
2. Насонова И.А., Арепьева Т.А. Принципы осуществления полномочий начальника подразделения дознания // Вестник ВИ МВД России. 2017. № 1. С. 153–160.
3. Нечаев А.А., Курилов С.И. Процессуальный и ведомственный контроль как направление деятельности начальника подразделения дознания // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 38–41.
4. Протасевич А.А., Гуменюк А.В., Пирва В.Г. Прокурорский надзор за органами, осуществляющими дознание // Baikal Research Journal. 2017. № 3.
5. Прохоренко Э.В. Уголовно-процессуальные и криминалистические ошибки в деятельности следователя (дознавателя) в ходе расследования уголовных дел // Инновационная наука. 2022. № 10–1. С. 35–39.
6. Рудов Д.Н. Ведомственный контроль за организацией и производством дознания // Вестник БелЮИ МВД России. 2012. № 2. С. 49–52.
7. Стефанова Е.Ю. Начальник органа дознания в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 150–154.

TO THE QUESTION OF THE FEATURES OF PROCEDURAL CONTROL OVER THE PRODUCTION OF INQUIRY IN THE BODIES OF THE INTERNAL AFFAIRS

Kostina M.I.

PU GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article discusses the need for procedural control over the modern course of the production of inquiry in the internal affairs bodies. It is substantiated that some actions or inactions of interrogators require an immediate response, as well as urgent actions to inform

the regulatory authorities and officials. It is argued that the establishment of procedural control over the bodies of inquiry in the internal affairs bodies when considering criminal cases is necessary due to the fact that interrogators do not always organize and choose tactics for investigating cases correctly, and sometimes make significant mistakes. The author draws attention to the high importance of procedural control to ensure the legality of the official behavior of the interrogator and the adoption of procedural decisions by him. It is noted that in modern diplomatic practice, the institution of an honorary consul is not used by all states, which is due to the legal provisions of the Vienna Convention on Consular Relations, according to which each state has the right to independently decide on the need to use this institution. The author put forward proposals for optimizing the mechanism for exercising control over the production of an inquiry in terms of limiting the number of subjects of departmental procedural control, clarifying the moment when the control powers of the head of the inquiry unit begin.

Keywords: control, procedural control, departmental control, prosecutor's supervision.

References

1. Malleev S.S. Prosecutor's supervision of the bodies of preliminary investigation and inquiry. Legislative and theoretical foundations // Law and Law. 2019. No. 11. pp. 135–136.
2. Nasonova I.A., Arepyeva T.A. Principles of exercising the powers of the head of the inquiry unit // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 1. pp. 153–160.
3. Nechaev A.A., Kurilov S.I. Procedural and departmental control as a direction of activity of the head of the inquiry unit // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3. pp. 38–41.
4. Protasevich A.A., Gumenyuk A.V., Pirva V.G. Prosecutorial supervision of bodies conducting an inquiry // Baikal Research Journal. 2017. No.3.
5. Prokhorenko E.V. Criminal procedural and criminalistic errors in the activities of an investigator (inquirer) during the investigation of criminal cases // Innovative Science. 2022. No. 10–1. pp. 35–39.
6. Rudov D.N. Departmental control over the organization and production of the inquiry // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 2. pp. 49–52.
7. Stefanova E. Yu. Head of the body of inquiry in the criminal procedure legislation of the Russian Federation // Bulletin of Economic Security. 2018. No.2. pp. 150–154.

Проблемы использования результатов психофизиологических экспертиз с применением полиграфа в уголовном судопроизводстве

Матюшкина Анастасия Валерьевна,

доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, кандидат юридических наук
Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: m.valli79@mail.ru

В настоящей статье рассматриваются проблемы использования правоприменителем такого доказательства по уголовному делу как заключение судебного эксперта-психофизиолога на основе данных полиграфа. До сих пор многие представители судебной и следственной сообществ с большим недоверием относятся к данной разновидности доказательств. Основным аргументом такой позиции является неясность критериев оценки достоверности полученных результатов. Однако психофизиологическое исследование лица с применением полиграфа экспертами признано полноценной экспертизой и было включено в перечни видов (родов) экспертиз, проводимых государственными судебно-экспертными учреждениями. На основании выявленных проблем правового регулирования использования полиграфа при расследовании преступлений автором предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: полиграф, эксперт-полиграфолог, заключение эксперта, доказательство, психофизиологическая экспертиза

Несмотря на определившуюся, весьма оптимистичную, позицию законодателя и органов исполнительной власти, в составе которых имеются подразделения, осуществляющие судебно-экспертную деятельность, относительно судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа, судебное, а иногда и следственное, сообщества по-прежнему скептически относятся к заключению эксперта-полиграфолога как к полноценному доказательству.

В настоящее время психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа включена в перечни родов (видов) судебных экспертиз, осуществляемых государственными судебно-экспертными учреждениями тех ведомств, которые выполняют основную часть судебных экспертиз по уголовным делам. Так, психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа наряду с другими, более традиционными видами судебных экспертиз, обозначена в Перечне родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности, утвержденным Приказом ФСБ России от 23 июня 2011 г. № 277 [1]; Перечне родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, утвержденным Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 27.12.2012 № 237[2]; Перечне родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденном Приказом МВД России от 29 июня 2005 г. № 511[3]. Кроме этого, данный вид экспертиз указан в Приказе Следственного комитета России от 24.07.2020 г. № 77 [8].

Таким образом, данный вид судебно-экспертной деятельности официально признан научно состоятельным, однако в силу различных обстоятельств судьи, дознаватели и следователи так и не научились доверять экспертам-полиграфологам. Нередко дознаватели и следователи просто не хотят назначать такую экспертизу, обосновывая свое нежелание тем, что в регионе нет соответствующих экспертных учреждений или лиц, обладающих специальными познаниями в области психологии, психофизиологии и полиграфологии. Но есть и прогрессивная часть судебной-следственной корпуса, которые обоснованно прибегают к помощи судебных экспертов-полиграфологов, хотя и они отмечают нехватку квалифицированных кадров для применения полиграфа при производстве психофизиологических судебных экспертиз.

Безусловно, следует признать, что в России с каждым годом число проведения психофизиологических экспертиз постепенно увеличивается, и заключения эксперта-полиграфолога при расследовании преступлений приобщаются к материалам уголовного дела в качестве доказательств.

Так, например, в Апелляционном определении от 12 сентября 2018 г. № 46-АПУ18–10 Верховный Суд Российской Федерации указал, что доводы осужденного и его защитника об исключении из числа доказательств заключений судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа являются несостоятельными [6].

Такое решение скорее явилось исключением из общего правила, согласно которому, исходя из анализа материалов судебной практики судов субъектов Российской Федерации, а также судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия, судьи давно определились в вопросе о возможности признания выводов полиграфологов судебными доказательствами.

Так, при рассмотрении апелляционной жалобы осужденного на приговор Рузаевского районного суда Республики Мордовия от 21 января 2019 года Верховным Судом Республики Мордовия на довод подсудимого о незаконном отказе его ходатайства об обследовании на полиграфе, было указано следующее: «По смыслу части 1 и части 2 статьи 74 УПК РФ, результаты исследования с использованием детектора лжи (полиграфа) не отвечают требованиям, предъявляемым законом к доказательствам, в том числе, требованию достоверности, результаты психофизиологического исследования с использованием полиграфа не являются доказательством» [7].

Постановление было вынесено в письменном виде в форме отдельного документа и содержало обоснования и мотивы принятого решения, среди которых следует выделить следующую аргументацию: «методика тестирования на «полиграфе» не обладает исключительным характером. Данные тестирования не могут служить исключительным доказательством виновности или невиновности лица».

Аналогичная позиция указана в Обзоре Президиума Верховного Суда Республики Мордовия от 18 апреля 2019 г., в соответствии с которой по смыслу уголовно-процессуального закона результаты психофизических исследований с применением прибора под названием «полиграф» (детектор лжи) не являются доказательствами по уголовному делу, они могут использоваться в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на стадии предварительного расследования в целях выработки и проверки следственных версий. Результаты исследования с использованием детектора лжи (полиграфа) не отвечают требованиям, предъявляемым законом к доказательствам, в том числе требованию достоверности [8].

На наш взгляд, суды с осторожностью принимают исследования на полиграфе в качестве доказательства по уголовному делу по причине от-

сутствия соответствующих специалистов должного уровня подготовки и четких положений методик производства психофизиологических экспертиз с применением полиграфа, разработанных соответствующими ведомствами. И два этих обстоятельства тесно взаимосвязаны между собой.

Стоит отметить, что именно во внутренних локальных актах вопросы применения полиграфа, порядок проведения исследования на полиграфе и закрепление его результатов недостаточно раскрываются и рассмотрены лишь поверхностно.

Так, например, в Приказе Министерства юстиции РФ от 24 июня 2021 г. № 102 отмечается только, что «психофизиологическое исследование проводится с письменного согласия (заявления) кандидата... в котором также дается согласие на проведение аудио- и (или) видеозаписи» [7], но не описываются методические и технические требования по организации такой записи: таким образом, разработаны лишь общие положения, без необходимой конкретики... В этом видится тот самый процессуальный минус, на который кивают правоприменители, обосновывая свою позицию правовой неопределенности относительно результатов судебной экспертизы с применением полиграфа.

Итак, для того, чтобы судьи могли признать заключение исследования, проведенного на полиграфе, в качестве доказательства по уголовному делу, следует совершенствовать механизм его проведения. Это первый вывод.

Далее представляется необходимым рассмотреть еще один аргумент, обуславливающий нежелание судей принимать в качестве доказательства заключение эксперта-полиграфолога: якобы это «вынужденное» признание вины подозреваемого или обвиняемого в случае возможности проведения в отношении него психофизиологической экспертизы с применением полиграфа. Такое мнение сформировалось в связи с тем, что в нормах ст. 195 УК РФ для проведения судебной экспертизы в отношении потерпевшего и свидетеля требуется их согласие. Но о получении согласия от подозреваемого или обвиняемого на проведение судебной экспертизы в их отношении ничего не говорится, а это в контексте возможности производства психофизиологической экспертизы с применением полиграфа можно расценить как нарушение права обвиняемого(подозреваемого) на защиту [15].

Однако, во-первых, следует подчеркнуть, что в методике проведения психофизиологического исследования с использованием полиграфа четко обозначена необходимость получения письменного согласия от испытуемого на применение к нему полиграфа.

Во-вторых, чтобы отбросить сомнения относительно принудительного характера признания вины с помощью полиграфа, представляется необходимым более детально рассмотреть сущность процесса психофизиологической экспертизы с его использованием.

Это, прежде всего, экспертиза, представляющая собой психологический эксперимент, в процессе

которого устанавливается причинно-следственная связь между независимыми переменными – информационными сигналами (вопросами, задаваемыми лицу) и зависимыми переменными (физиологическими реакциями лица) [4, с. 22].

С точки зрения криминалистической тактики оно представляет собой высокоэффективное средство проверки следователем достоверности ранее собранных по делу доказательств [12, с. 14]. Несмотря на то, что одной из целей исследования лица на полиграфе является получение подтверждения или исключения причастности конкретного лица к событиям преступления, фактически исследование на полиграфе способствует лишь установлению факта информированности испытуемого о деталях и обстоятельствах совершенного преступления.

При назначении судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа лицом, проводящим расследование преступлений, решаются следующие вопросы.

1. Присутствуют ли в ходе экспертного исследования психофизиологические реакции, подтверждающие осведомленность обследуемого об обстоятельствах (деталях) расследуемого события?

2. При каких обстоятельствах могла быть получена обследуемым лицом эта информация, могла ли она быть получена в момент совершения расследуемого деяния?

В ситуациях, когда подозреваемый или обвиняемый отказываются от производства в их отношении экспертного исследования с использованием полиграфа, отдельные авторы рекомендуют провести аналогичную экспертизу в отношении свидетелей или потерпевших.

Особенно актуально проведение обследования на полиграфе потерпевших по делам частного обвинения, т.к. указанные уголовные дела возбуждаются по заявлению потерпевших. В любом случае, независимо от процессуального статуса испытуемого лица, в материалах, направляемых на психофизиологическую экспертизу, должно присутствовать письменное согласие лица на применение в данном исследовании полиграфа, поскольку психофизиологическое исследование на полиграфе, являясь судебной экспертизой в отношении живого лица, основано на соблюдении соответствующих принципов. К таким принципам относятся: законность, гласность, соблюдение прав и свобод человека и добровольность, заключающаяся в том, что обследование на полиграфе является осознанно волевым актом испытуемого, и лицо, которому предложено пройти указанное обследование, вправе отказаться, и данный факт не станет свидетельством его виновности.

Если все же лицо согласилось пройти обследование, оно вправе уклониться от ответа на отдельные поставленные вопросы, а также прервать обследование в любое время его проведения. Таким образом, принцип добровольности экспертного обследования лица с применением полиграфа обеспечивает соблюдение принципа защиты прав

и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Кроме того, методические рекомендации по назначению исследования на полиграфе устанавливают круг лиц, в отношении которых невозможно проведение данной экспертизы:

- несовершеннолетние в возрасте до 14 лет (до 18 лет требуется проведение судебной психолого-психиатрической экспертизы);
- женщины на любом сроке беременности;
- лица, имеющих психические расстройства;
- лица, страдающие заболеваниями, связанными с приемом лекарственных препаратов, содержащих в своем составе наркотические средства или психотропные вещества, или с приемом сильнодействующих лекарственных препаратов;
- лица с потерей слуха или речи;
- лица, находящиеся в состоянии алкогольного или также наркотического опьянения.

К исследованию на полиграфе допускаются лица без признаков физического или умственного утомления; испытуемому нельзя употреблять алкоголь и успокоительные лекарства. Самому исследованию предшествует предварительная процедура, которая обеспечит состояние сосредоточенности и полной концентрации испытуемого на предстоящем исследовании.

При проведении обследования, полиграф реагирует на психофизиологическое состояние человека через обнаружение так называемого микростресса. Для его обнаружения, на определенные участки тела крепятся специальные датчики, фиксирующие частоту дыхания, ритм пульса, интенсивность потоотделения, величину артериального давления.

Распространено мнение о том, что если обследуемый на полиграфе дает ложные показания, указанные параметры изменяются. Испытуемый становится неспособным контролировать и сдерживать обостряющиеся физиологические реакции организма. Однако проведенные еще в семидесятые года двадцатого столетия статистические исследования относительно реакций организма на поступающие в кору головного мозга информационные сигналы, читаемые посредством полиграфа, подвергают серьезной критике основную постулат, лежащий в основе распознавания с использованием полиграфа ложных показаний, о том, что люди дают качественно разные вегетативные реакции, когда лгут и когда говорят правду [13]. В связи с этим считаем обоснованным утверждать, что основа методики психофизиологического экспертного исследования с применением полиграфа представлена концепцией о разграничении реакций организма на информационные сигналы по степени значимости события, информация о котором в данный момент является раздражителем для коры головного мозга.

Таким образом, получение признательных показаний не может являться целью проведения экспертизы с применением полиграфа, подобные при-

емы могут рассматриваться как сопутствующие и не могут подменять собой процедуру психологического эксперимента, лежащего в основе такой экспертизы [14].

Итак, психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа, проводимая в отношении подозреваемого, обвиняемого, свидетеля или потерпевшего по уголовному делу, представляет собой разновидность судебной экспертизы, заключение по результатам которой имеет равноценное по отношению к другим доказательствам значение и должно оцениваться по тем же критериям относимости, допустимости и достоверности, как и любое другое доказательство. Научность и обоснованность судебно-экспертной методики в данном случае уже доказана. Тем не менее, являясь совсем молодой отраслью судебно-экспертной деятельности, судебно-экспертная методика ее проведения, безусловно, нуждается в своей нормативной доработке.

Очевидно, что с целью повышения эффективности применения полиграфа в ходе расследования уголовных дел необходимо совершенствовать методическую подготовку самих экспертов, применяющих полиграф в своих экспертных исследованиях, а также работников следствия и дознания, назначающих исследования на полиграфе, кроме того, следует проводить просветительскую работу среди субъектов правоприменения о перспективах данного экспертного исследования, опирающегося на доказанную научность и практику его применения в иных сферах человеческой жизнедеятельности.

Литература

1. Приказ ФСБ России от 23 июня 2011 г. № 277 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности» // Доступ из справочной правовой системы КонсультантПлюс.
2. Приказ Министерства юстиции РФ от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях миноста России, и перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях миноста России» // Доступ из справочной правовой системы КонсультантПлюс.
3. Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // Доступ из справочной правовой системы КонсультантПлюс.
4. Свободный Ф.К. Осуществление видеозаписи в процессе производства исследований с использованием полиграфа // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 4. С. 21–24.
5. Уголовно – процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 34. Ст. 1876.
6. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 сентября 2018 г. № 46-АПУ18–10. // Доступ из справочной правовой системы КонсультантПлюс.
7. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия от 21 января 2019 г. по делу № 22–691/2019 // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
8. Обзор Президиума Верховного Суда Республики Мордовия от 18 апреля 2019 г. «Обобщение судебной практики по вопросам допустимости доказательств (по материалам судебной практики судов Республики Мордовия за 2017–2018 годы // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
9. Межведомственная методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа. URL: <http://expert-spfi.ru/mezhvedomstvennaya-metodika> (дата обращения: 02.11.2022).
10. Приказ Министерства юстиции РФ от 24 июня 2021 г. № 102 «Об утверждении Порядка прохождения гражданином, поступающим на службу в уголовно-исполнительную систему Российской Федерации, психофизиологического исследования, тестирования, направленных на изучение морально-этических и психологических качеств, выявление потребления без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ и злоупотребления алкоголем или токсическими веществами» // Доступ из справочной правовой системы КонсультантПлюс.
11. Приказ СК России от 24.07.2020 N 77 «Об утверждении Порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» на право самостоятельного производства судебных экспертиз» <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-SK-Rossii-ot-24.07.2020-N-77/>
12. Гаврилин Ю.В. О допустимости результатов психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа в уголовном судопроизводстве // Академическая мысль. 2021. № 4. С. 12–15.
13. Lykken D.T. The Psychopath and the Lie Detector. *Psychophysiology*. 1978. Vol. 15, Iss. 2. Pp. 137–142.
14. Белых-Силаев Д.В. Актуальные проблемы применения полиграфа в правоохранительной деятельности // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. № 2. С. 22–25.

15. Братановский С.Н. Нормативно-правовые и организационные основания использования полиграфа при проведении следственных действий // Гражданин и право. 2020. № 8. С. 15–19.

PROBLEMS OF USING THE RESULTS OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL EXAMINATIONS USING A LIE DETECTOR IN CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

Matyushkina A.V.

Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

This article discusses the problems of using such evidence in a criminal case by a law enforcement officer as the conclusion of a forensic psychophysiological based on polygraph data. Until now, many representatives of the judicial and investigative communities are very distrustful of this type of evidence. The main argument for such a position is the vagueness of the criteria for assessing the reliability of the results obtained. However, the psychophysiological study of a person using a polygraph was recognized by experts as a full-fledged examination and was included in the lists of types (genera) of examinations conducted by state forensic institutions.

Based on the identified problems of legal regulation of the use of the polygraph in the investigation of crimes, the authors suggest ways to solve them.

Keywords: lie detector, polygraph examiner, expert opinion, evidence, psychophysiological examination.

References

1. Order of the FSB of Russia dated June 23, 2011 No. 277 "On the organization of the production of forensic examinations in the expert divisions of the federal security service" // Access from the reference legal system ConsultantPlus.
2. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of December 27, 2012 No. 237 "On approval of the list of types (types) of forensic examinations performed in federal budgetary forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia, and the list of expert specialties for which the right to independently conduct forensic examinations in federal budgetary forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia" // Access from the reference legal system ConsultantPlus.
3. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 29, 2005 No. 511 "Issues of organizing the production of forensic examinations in forensic divisions of the internal affairs bodies of the Russian Federation" // Access from the ConsultantPlus legal reference system.
4. Free F.K. Implementation of video recording in the process of production of research using a polygraph // Investigation of crimes: problems and ways to solve them. 2021. No. 4. S. 21–24.
5. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ // SZ RF. 2001. No. 34. Art. 1876.
6. Appellate ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 12, 2018 No. 46-APU18–10. // Access from legal reference system ConsultantPlus.
7. Appeal ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Republic of Mordovia dated January 21, 2019 in case No. 22–691/2019 // Access from the reference legal system "Garant".
8. Review of the Presidium of the Supreme Court of the Republic of Mordovia dated April 18, 2019 "Generalization of judicial practice on the admissibility of evidence (based on the judicial practice of the courts of the Republic of Mordovia for 2017–2018 // Access from the reference legal system "Garant".
9. Interdepartmental methodology for the production of forensic psychophysiological examinations using a polygraph. URL: <http://expert-spfi.ru/mezhvedomstvennaya-metodika> (date of access: 02.11.2022).
10. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of June 24, 2021 No. 102 "On approval of the procedure for a citizen entering the service in the penitentiary system of the Russian Federation to pass a psychophysiological study, testing aimed at studying moral, ethical and psychological qualities, identifying consumption without doctor's appointment of narcotic drugs or psychotropic substances and abuse of alcohol or toxic substances" // Access from the legal reference system ConsultantPlus.
11. Order of the IC of Russia dated July 24, 2020 N 77 "On approval of the Procedure for determining, reviewing the level of qualifications and certification of experts of the federal state state institution "Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation" for the right to independently conduct forensic examinations" <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-SK-Rossii-ot-24.07.2020-N-77/>
12. Gavrilin Yu.V. On the admissibility of the results of psychophysiological examinations using a polygraph in criminal proceedings // Academic Thought. 2021. No. 4. S. 12–15.
13. Belykh-Silaev D.V. Actual problems of using a polygraph in law enforcement // Uchenye zapiski Kazanskogo juridical institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2. S. 22–25.
14. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ // SZ RF. 1996. No. 25. Art. 2954.
15. Bratanovsky S.N. Normative-legal and organizational grounds for the use of a polygraph during investigative actions // Citizen and Law. 2020. No. 8. S. 15–19.

Криминалистическая модель расследований преступлений в Арктической зоне

Рывкин Станислав Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса СПб института РПА Минюста России
E-mail: rvykin_stanislav@mail.ru

В статье рассматриваются проводимые исследования в целях выявления инновационных решений при использовании специальных криминалистических средств, систем, комплекс для эффективного решения задач стоящих перед следственными органами по раскрытию и расследованию уголовных дел в полярных широтах, в том числе о гибели военнослужащих. Обосновывается вывод о необходимости оснащения следственных подразделений специальными судами – ледоколами, судами ледокольного типа, буранами, вездеходами, вертолетами. Предлагается привлекать специалистов и экспертов из воинских подразделений, а при проведении процессуальных и следственных действий использовать инновационные образцы криминалистических комплексов на основе: спутников, беспилотных летательных аппаратов, малогабаритные подводные аппараты, автоматизированные комплексы управления, позволяющие получать информацию доказательственного значения как в дискретном, дистанционном, так и обычных режимах.

Ключевые слова: гибель военнослужащих, беспилотные аппараты, малогабаритные подводные аппараты, криминалистическая техника, вездеходы, сетцентрическая война, гибель военнослужащих, корабли, подводные лодки, вездеходы, следственные действия, избыточная гибридная сеть.

Введение

Актуальность научной статьи, обусловлена необходимостью выявления информации, в целях придания свойств доказательственного значения при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел в полярных широтах. Статистические данные Следственного Комитета РФ свидетельствуют о распространенности общественно опасных деяний и в Арктическом регионе [1]. Нами выявлено, что следственно-оперативная деятельность по расследованию уголовных дел в Арктической зоне осуществляется в специфичных условиях [2]. Автором выделяется гипотеза о том, что расследование преступлений, в том числе о гибели военнослужащих формирований, дислоцированных на архипелагах Новая Земля, Северная Земля, Земля Франца – Иосифа, Новосибирские острова, без применения инновационных средств и методов малоэффективно.

Методы

При проведении научных исследований использованы следующие методы познания: общенаучные, частнонаучные, формально-юридический, сравнительно-правовой, анализ судебно-следственно-оперативной практики, мысленный эксперимент и др.

Основная часть

Ледяная Арктика, притаилась на полярных широтах Земного шара. Арктические льды скрывают около 25% мировых запасов нефти и газа. Арктика – стратегическая территория России в XXI веке. Перспективный Северный морской путь, запасы природных ресурсов, как на шельфе, так и в прибрежной зоне, предупреждение атак «через Северный полюс» и безопасность границ, решение задачи обеспечения обороноспособности России, неразрывно связано с укреплением законности и правопорядка в Вооруженных Силах, безопасности военной службы, защиты жизни военнослужащих.

Вместе с тем, концептуальные положения науки криминалистики о закономерностях возникновения информации, собирания, исследования, оценки и использования доказательств, а также средствах расследования преступлений в Арктике не сформировались в полном объеме.

Российские ученые, особенно после завершения наполеоновских войн принимали активные меры по изучению Арктического региона, имеющее перспективное значение: экспедиция под руководством О.Е. Коцебу (1815–1818), экспеди-

ция под руководством Ф.П. Врангеля и П.Ф. Анжу (1820–1824), описавшая берега Восточной Сибири, последующие морские экспедиции Ф.П. Врангеля, экспедиции к Новой Земле Ф.П. Литке (1821–1824), П.К. Пахтусова (1832–1833 и 1834–1835) и А.К. Цивольки (1838–1839), Беломорская экспедиция М.Ф. Рейнеке (1826–1832) и многие другие славные флотоводцы Российской империи [3]. В настоящее время научные разработки выполняются с учетом пристального внимания к полярным широтам Президента РФ с учетом Указа от 26.10.2022 № 645 в рамках стратегического планирования и развития Арктической зоны до 2035 года. Так, важную арктическую экспедицию в 2022 году выполнили исследователи архипелага Новая Земля на научно-исследовательском судне «Профессор Молчанов» Росгидромета.

Такие ученые как Л.В. Бертовский, Л.Р. Клебанов, Н.С. Куделькин, затрагивая в своих трудах указанные проблемные вопросы, отмечают сильное влияние на саму возможность проведения и качество следственных действий низких температур, наличия полярной ночи и дня, уязвимость криминалистической техники, социальные особенности в поведении лиц, агрессивность животного мира в Арктической зоне, что также подтверждается нашими изысканиями.

Инновации при расследовании преступлений в полярных широтах

Специфика проведения поисково-познавательных, следственных и процессуальных действий в Арктике, обусловлена, прежде всего, особенностями климатически-географического, социального, организационного, процессуального и технико-криминалистического характера, которые проанализированы доктором юридических наук, профессором Бертовским Л.В., и в том числе авторским исследованием [2].

Интересным с точки зрения рассмотрения использования специальных технических средств при расследовании преступлений в полярных широтах отмечаются офицерами-учеными Следственного комитета РФ. Так Швед В.В., доктор юридических наук Антонов О.Ю. отмечают положительный опыт использования следователями-криминалистами в районах Крайнего Севера при расследовании преступлений специальной снегоходной техники МЧС, а также рассматривают особенности осмотра, изъятия и исследования доказательств в осложненных климатических условиях [4]. В целях обеспечения национальной безопасности, суверенитета, природных ресурсов при различных вариантах военно-политической обстановки в арктическом регионе сформирована Арктическая группировка, создано объединенное стратегическое командование «Север», которое является фактически отдельным военным округом нашей страны. В его состав вошел Северный флот, подразделения ПВО и ПРО, арктические бригады. Постепенно арктические бригады «Север» обеспе-

чиваются необходимым вооружением, техникой и другими материальными средствами. Обустроены объекты военной инфраструктуры на островах Арктической зоны: архипелаге Земля Франца Иосифа (остров Земля Александры), архипелаге Новая Земля (п. Рогачево), архипелаге Северная земля (остров Средний), архипелаге Новосибирские острова (остров Котельный), острове Врангеля и мысе Шмидта Чукотского Автономного округа. Всего в Арктической зоне планируется построить 6 военных городков, 13 аэродромов, наземный авиационный полигон, 10 технических позиций для радиолокационных станций и пунктов наведения авиации. Согласно стратегическому развитию Арктической зоны в каждом северном субъекте РФ создается опорная зона: Кольская, Архангельская, Ненецкая, Воркутинская, Ямало-Ненецкая, Норильская, Северо-Якутская, Чукотская [5].

С учетом изложенного деятельность органов предварительного расследования, военных следственных отделов при расследовании преступлений, в том числе о гибели военнослужащих без применения специальных методов и средств не соотносится с задачами по защите жизни и здоровья военнослужащих. Председателем Следственного комитета РФ, доктором юридических наук, профессором Бастрыкиным А.И. высказывалось направление по формированию кадрового потенциала исходя из принципа – «никто нам качественных кадров не подарит». Нами определяется вектор – использование органами предварительного расследования военной юстиции специальных технических средств и методов, находящихся на вооружении воинских и специальных формирований, что, безусловно, повысит эффективность раскрытия преступлений, в том числе гибели военнослужащих.

Практика использования специальных судов – ледоколов, судов ледокольного типа доказывает свою эффективность, поэтому такой опыт должен быть востребован в полярных широтах. Более того, такие суда должны иметь соответствующее технико-криминалистическое оснащение. Целесообразно присутствие на судах эксперта, имеющего допуски к наиболее востребованным криминалистическим исследованиям, и специалиста-криминалиста.

При проведении осмотров ледовой обстановки представляется возможным использовать: беспилотные летательные аппараты, пилотируемые вертолеты и радио-локационные станции судового базирования, малогабаритные робототехнические средства. С учетом развития ледокольного флота в составе ВМФ России, стоит задача по своевременному качественному и безопасному осмотру подводной части судна, водной и ледовой поверхности, морского дна, с которой в случае происшествий, преступлений поможет следственным органам справиться малогабаритный телеуправляемый необитаемый подводный аппарата обследовательского класса (МАКС-300), оснащенный лазерным спектрометром лазерной индуцированной

флуоресценции, дополненный спектрометром лазерной искровой спектроскопии [6]. Нам видится, что прогрессивных результатов добились и зарубежные ученые, в рамках получения информации. Так, в настоящее время исследования проводятся в рамках амбициозной системы наблюдения космической обороны Андеи (Integrated Remote Sensing in the Arctic (IRSA), представляющей собой международную сеть дистанционного зондирования в Арктике, полного мониторинга Крайнего Севера, от космоса до морского дна. По мнению ученого Гуннара Ян Олсена «избыточная гибридная сеть» IRSA состоит из спутников, высоко- и низколетящих дронов дальнего действия, самолетов с пилотами, датчиков морской поверхности, подводных дронов и платформ и позволяет проводить мониторинг в режиме реального времени, с центрами управления, расположенными в Канаде, Норвегии, США [7].

Разработка научной платформы и аналогичной концепции в рамках Следственного комитета России расширяет преимущество российского правосудия.

В критических для жизнеобеспечения военнослужащих условиях в полярных широтах России используются новые средства вооружения и техника, что является отправной точкой для сотрудников следственного комитета по изучению тактико-технической характеристики последних, в целях надлежащего осмотра, выдвижения версий, привлечения соответствующих специалистов. Экстремальные природно-климатические условия (низкие температуры воздуха, сильные ветры, наличие ледяного покрова и дрейфующие льды в арктических морях, высокий снежный покров зимой, болотистая местность в летние периоды, удаленность от основных промышленных центров) определены как ключевые факторы рисков и угроз, оказывающие влияние на социально-экономическое развитие и формирование государственной политики в Арктической зоне Российской Федерации. При реализации стратегических планов развития морской деятельности необходимо также учитывать риски, связанные с вероятностью крупных аварий и катастроф, гибели военнослужащих на морских объектах. С учетом нашего исследования выявлены определенные закономерности, что гибель экипажей кораблей, подводных лодок, персонала морских объектов происходит до прибытия сил поисково-спасательного обеспечения. В связи с чем, в арктических зонах разрабатываются и используются гидротермокостюмы, как основное индивидуальное средство спасения военнослужащих [8].

Для применения в экстремально низких температурах обширного парка автомобилей многоцелевого назначения производится модернизация уже стоящих на вооружении подразделений ВС РФ грузовиков «КамАЗ» и «Урал». В условиях северных широт российские войска используют: вездеходная модификация бронированного армейского тягача МТ-ЛБВ; новый вездеход вездеход

«Трэкол»; армейский лыжно-гусеничный снегоход ТТМ-1901 «Беркут-2»; бронированный гусеничный двухзвенный транспортер модели ДТ-10ПМ и ДТ-30ПМ; экранопланы, специальные комбинезоны, в которых можно работать даже при температуре $-110\text{ }^{\circ}\text{C}$; комплекты «Нанук»; костюмы с электрообогревом для водолазов, которые позволяют автоматически контролировать и поддерживать температуру внутри комбинезона $35\text{ }^{\circ}\text{C}$ [4].

Новые системы вооружения и управления, также находят применение в зоне Арктики, в частности модернизированная автоматизированная система управления «Андромеда-Д», успешно эксплуатируемая в войсках ВДВ, наряду с новыми комплексами связи с передающими центрами надводного и корабельного базирования. Система построена для ведения сетецентрических войн и предполагает управление из единого центра всеми видами и родами войск в режиме реального времени. В состав автоматизированной системы управления входят аппаратные связи, командно-штабные машины, мобильные командные пункты и другая техника. «Андромеда-Д» обеспечивает управление частями и подразделениями ВДВ, а также взаимодействие с другими войсковыми формированиями в боевых условиях [9]. Получение криминалистически значимой информации в новых реалиях сетецентрических операций, позволят военно-следственным отделам устанавливать причастность к гибели военнослужащих лиц, дистанционно управляемых оружием. В полярных широтах для размещения военнослужащих предусматриваются различные технические решения: модульные строения, дома на льду по технологии «Швабе», которая позволяет возводить здания и сооружения на неустойчивых основаниях, в том числе на льду. Теоретические и практические навыки, полученные следственными органами по изучению новых технических устройств, методик, систем, комплексов позволят сформировать тактические приемы при производстве следственных действий с использованием инновационных технологий и криминалистической техники.

Выводы

На основании изложенного, представляется возможным сформировать следующую авторскую позицию:

- целесообразно сформировать самостоятельное следственное управления СК РФ по Арктической зоне РФ;
- планирование и осуществление поисково-познавательной, следственной и процессуальной деятельности в Арктике должно учитывать особенности климатически-географического, социального, организационного, процессуального и технико-криминалистического характера;
- рассмотреть возможность оснащение следственных подразделений специальными судами – ледоколами, судами ледокольного типа, буранами, вездеходами, вертолетами;

- привлекать специалистов и экспертов из воинских подразделений;
- при проведении процессуальных и следственных действий использовать инновационные образцы криминалистических комплексов на основе: спутников, беспилотных летательных аппаратов, малогабаритные подводные аппараты, автоматизированные комплексы управления, позволяющие получать информацию доказательственного значения как в дискретном, дистанционном, так и обычных режимах.

Литература

1. Следственный комитет РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sledcom.ru/>. – Заглавие с экрана. – (дата обращения: 10.12.2022).
2. Рывкин С.Ю. Особенности проведения следственных действий в Арктике/ С.Ю. Рывкин, А.Г. Туров// Пробелы в российском законодательстве. – 2020. -Т.13. -№ 5. – С. 193–196.
3. Бринюк Н.Ю. Военная безопасность в Арктике/ Н.Ю. Гринюк // Труды Шестой международной конференции. – 2015. – С. 300–328.
4. Швед В.В. Роль следователя-криминалиста в районах Крайнего Севера на примере работы СУ СК России по Мурманской области/ В.В. Швед// Следствием установлено. – 2018. – № 4 (8). – С. 48–50.
5. Хафизова Е. Техника для Арктики [Электронный ресурс] // сайт. – URL: <https://spec-technika.ru/2016/12/vorota-arktiki-spectehnika-oborudovanie-i-reshenija-dlja-osvoenija-zapoljarja/?ysclid=lbo1findrr917566544> (дата обращения 10.12.2022).
6. Букин О.А. Малые робототехнические комплексы в освоении Арктики [Электронный ресурс] // сайт. – URL: <https://pro-arctic.ru/05/06/2015/technology/16756?ysclid=lbo1723x2l319273817> (дата обращения 10.12.2022).
7. Andøya Space Defence Launches Complete Surveillance System for the Arctic [Elektronnyi resurs] // URL: <http://www.highnorthnews.com/en/andoya-space-defence-launches-complete-surveillance-system-arctic/> (data obrashcheniya 10.12.2022).
8. Доценко Л.А. Создание индивидуальных спасательных средств для применения на морских объектах в арктических условиях// Арктика – экономика и экология. –2017. -№ 2 (26). С. 93–97.
9. Государственная корпорация по содействию разработке, производству и экспорту высоко-

котехнологичной промышленной продукции «Ростех» РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rostec.ru/news/tehnika-pokoryayushchaya-arktiku/>. – Заглавие с экрана. – (дата обращения: 10.12.2022).

FORENSIC MODEL OF CRIME INVESTIGATIONS IN THE ARCTIC ZONE

Ryvkin S. Yu.

St. Petersburg Institute of the RPA of the Ministry of Justice of Russia

The article examines the research in order to identify innovative solutions when using special tools, systems, a complex for effectively solving the tasks facing the investigative authorities on the disclosure and investigation of criminal cases in the polar latitudes, including the death of military personnel. The conclusion is substantiated that it is necessary to equip investigative units with special vessels – icebreakers, icebreaker-type vessels, blizzards, all-terrain vehicles, helicopters. It is proposed to involve specialists and experts from military units, and when conducting procedural and investigative actions, to use innovative samples of forensic complexes based on: satellites, unmanned aerial vehicles, small-sized underwater vehicles, automated control systems that allow obtaining information of evidentiary value both in discrete, remote, and conventional modes.

Keywords: death of military personnel, unmanned vehicles, small-sized underwater vehicles, forensic equipment, ATVs, network-centric warfare, death of military personnel, ships, submarines, ATVs, investigative actions, redundant hybrid network.

References

1. Investigative Committee of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: <https://sledcom.ru/>. – Title from the screen. – (accessed: 10.12.2022).
2. Ryvkin S. Yu. Features of investigative actions in the Arctic/ S. Yu. Ryvkin, A. G. Turov// Gaps in Russian legislation. – 2020. -Vol.13. -No. 5. – pp. 193–196.
3. Brinyuk N.Y. Military security in the Arctic/ N.Y. Grinyuk // Proceedings of the Sixth International Conference. – 2015. – pp.300–328.
4. Shved V.V. The role of a forensic investigator in the Far North regions on the example of the work of the SU IC of Russia in the Murmansk region/ V.V. Shved// The investigation has established. – 2018. – № 4 (8). – Pp. 48–50.
5. Hafizova E. Technique for the Arctic [Electronic resource] // website. – URL: <https://spec-technika.ru/2016/12/vorota-arktiki-spectehnika-oborudovanie-i-reshenija-dlja-osvoenija-zapoljarja/?ysclid=lbo1findrr917566544> (accessed 10.12.2022).
6. Bukin O.A. Small robotic complexes in the development of the Arctic [Electronic resource] // website. – URL: <https://pro-arctic.ru/05/06/2015/technology/16756?ysclid=lbo1723x2l319273817> (accessed 10.12.2022).
7. Andøya Space Defense Launches Complete Surveillance System for the Arctic [Elektronnyi resurs] // URL: <http://www.highnorthnews.com/en/andoya-space-defence-launches-complete-surveillance-system-arctic/> (data obrashcheniya 10.12.2022).
8. Dotsenko L.A. Creation of individual rescue equipment for use on marine objects in Arctic conditions// Arctic – economics and ecology. –2017. -No. 2 (26). pp. 93–97.
9. State Corporation for the Promotion of the Development, Production and Export of High-tech industrial Products “Rostec” of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: <https://rostec.ru/news/tehnika-pokoryayushchaya-arktiku/>. – Title from the screen. – (accessed: 10.12.2022).

Право на доступ к устойчивым источникам энергии: международно-правовые аспекты

Аратский Илья Дмитриевич,

аспирант кафедры международного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: Aratskiy1996@gmail.com

Актуальность исследования. Искоренение энергетической бедности подразумевает обеспечение всеобщего доступа к достаточному количеству энергии в целом и электроэнергии в частности. На самом фундаментальном уровне люди должны удовлетворять свои основные потребности, такие как еда, теплый кров и безопасность, каждая из которых является их естественным правом и требует надежного доступа к той или иной форме современных и устойчивых источников энергии. В связи с вышеизложенным, полагаем, именно в международном праве актуальным становится вопрос о придании категории «право на доступ к устойчивым источникам энергии» нормативного характера и отнесении такой категории к международному праву прав человека. *Цель исследования.* Целью исследования является всесторонний международно-правовой анализ категории «право на доступ к устойчивым источникам энергии» и определение правового режима (статуса) такой категории. *Результаты и выводы исследования.* Во-первых, представители зарубежной юридической доктрины склонны относить право на доступ к устойчивым источникам энергии к объекту регулирования международного права прав человека, однако, определяется исследуемая категория через призму различных международно-правовых аспектов. Во-вторых, право на доступ к устойчивым источникам энергии уже встречается (косвенно) в действующих международных договорах как универсального, так и регионального характера. В-третьих, ведущие договорные органы в системе ООН по правам человека также высказываются за закрепление права на доступ к устойчивым источникам энергии как базового права человека, кроме того, практика ряда международных судебных органов подтверждает указанный тезис.

Ключевые слова: международное право, международное право прав человека, устойчивая энергетика, доступ к устойчивым источникам энергии, право на доступ к устойчивым источникам энергии, международные договоры, зарубежная юридическая доктрина, органы системы ООН по правам человека, международные суды.

На международно-правовом уровне цель номер 7 в области устойчивого развития, одна из семнадцати целей устойчивого развития (далее – ЦУР), установленных в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 2015 г. A/RES/70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», конкретно посвящена вопросам, связанным с доступом к устойчивым источникам энергии. Полное название цели: «Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех» [2]. Д. Меллендорф в этой связи пишет: «описывая важность этой цели, ООН говорит: «энергетика занимает центральное место почти во всех крупных вызовах и возможностях, с которыми сталкивается сегодня мир..., доступ к энергии для всех имеет важное значение»» [19, с. 186].

В связи с вышеизложенным, на наш взгляд, актуальным в современном международном праве является вопрос, каким образом соотносится доступ к устойчивым источникам энергии с международным правом прав человека и, забегая вперед, правомерно ли считать такой доступ конкретным правом с международно-правовой точки зрения. Ввиду сугубо узкой проблематики обратимся преимущественно к юридической доктрине, а также к органам по правам человека, международным договорам и в меньшей степени к судебной практике. Так, в доктрине международного права вопросы доступа к устойчивым источникам энергии рассмотрены гетерогенно, при этом в отечественной доктрине исследуемый феномен не встречается, в связи с чем проанализируем труды зарубежных ученых в контексте рассматриваемой проблематики.

Одним из наиболее известных и авторитетных профессоров в исследуемой области может быть признан А.Д. Брэдбрук, существенное число работ которого прямо или косвенно посвящено исследуемому феномену. Так, в одной из первых профильных работ автором в 1996 г. поднимается вопрос о правовом регулировании категории «право на доступ» к устойчивым источникам энергии [7, с. 108–113]. Кроме того, в другой работе автор указывает на конкретную применимость международного права к регулированию ряда устойчивых источников энергии в части достижения доступа к ним [5, с. 316–317]. В другой работе Брэдбрук в соавторстве с профессором Д. Гардам отмеча-

ют, что признание ограничений правовой модели и существенных недостатков, присущих акценту на правах человека, не умаляет того факта, что формулирование доступа к источникам энергии в качестве правовой нормы поможет обеспечить повышенное внимание к этому вопросу во всем мире [8, с. 414]. Авторы резюмируют: «возможно, органы, занимающиеся вопросами прав человека, смогут добиться большего» [ibid, с. 415].

Следующая работа Брэдбрука и Гардам в соавторстве с М. Кормье также посвящена вопросам регулирования доступа к устойчивым источникам энергии в рамках прав человека. Авторы утверждают о смещении акцентов в рамках международно-правового регулирования рассматриваемой проблематики – так, несмотря на «огромную важность» обеспечения всеобщего доступа к устойчивым источникам энергии, вопросы, связанные с энергетической безопасностью, устойчивым развитием и экологией привлекают более пристальное внимание соответствующих международных учреждений [9, с. 550–551]. По мнению авторов, международному сообществу стоит принять факт того, что доступ к современной и устойчивой энергии совместим с существующими социальными и экономическими правами и, более того, является неотъемлемой частью их достижения [ibid, с. 551]. При этом авторы заключают: «хотя принятие утверждения о том, что доступ к современным источникам энергии является независимым правом человека, было бы идеальным решением, мы считаем этот результат нереалистичным в свете текущих международных политических тенденций» [ibid]. В этой связи авторы предлагают рассмотреть возможность принятия «Руководящих принципов», уточняющих положения и стратегии для достижения всеобщего доступа к устойчивым источникам энергии [ibid, с. 552].

Наконец, статья с актуальным названием «Право устойчивой энергетики: прошлое и будущее» также представляет собой попытку автора рассмотреть доступ к устойчивым источникам энергии с точки зрения норм права прав человека. Брэдбрук задается релевантным вопросом: какую роль может сыграть международное право в обеспечении доступа к современным и устойчивым источникам энергии? По мнению автора, одним из вариантов было бы объявить такой доступ правом человека и тем самым обратиться к существующей правозащитной сети [6, с. 520]. В этой связи актуальным также видится исследование М. Клемсона, согласно позиции которого право человека на доступ к устойчивой энергии вполне может быть воспринято многими как моральное право, однако, такая категория еще не получила прямого признания в международном праве, при этом, по мнению автора, право человека на доступ к устойчивой энергии имеет такое же или большее значение, чем другие права третьего поколения [10, с. 80–81]. Отметим, что, по мнению П. Кроссли, автора фундаментального исследования «Право возобновляемых источников энергии: международный

анализ», идея о том, что доступ к энергии является правом человека, уже отражена в ЦУР (конкретно – упоминавшаяся ранее цель номер 7) [11, с. 67], что представляется корректным.

Ф. Рубен и Г. Мете, развивая положение об обязательствах в рамках международного права в исследуемой области, отмечают, что всеобщий доступ к устойчивым источникам энергии лежит в основе свода международного права как «мета-норма», а также что международное право прав человека придает дополнительную нормативность такой «мета-норме» – так, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. закрепляет, среди прочего, право на питание и жилище, которое предполагает, если прямо не гарантирует, право на энергию в смысле права потребителей на доступ к безопасным, чистым и устойчивым источникам энергии [22, с. 78]. В этой связи отметим, что такая «мета-норма», по мнению авторов, была закреплена в вышеупомянутой Резолюции Генассамблеи в части ЦУР 7 и 13. Профессор К. Рэдджвелл в своих первых работах также рассматривала исследуемый феномен применительно к энергозависимым отраслям через призму промышленных корпораций, отмечая, что право на развитие включает в себя право на доступ к источникам энергии: «доступ к теплу и свету лежит в основе самой жизни» [21, с. 28].

Интересной видится позиция Д. Азарии, признающей основополагающее значение доступа к энергии для государств в части уровня жизни населения. Автор подходит к изучению такого доступа через призму международной ответственности, также задаваясь риторическим вопросом: существует ли «право человека на устойчивую энергию» [3, с. 196]? По мнению автора, нет договора о правах человека, конкретно устанавливающего такое право, однако толкование существующих договоров может устанавливать обязательства не лишая произвольно доступа к источникам энергии уязвимых лиц применительно к международному обычному праву и международному праву прав человека. Азария пишет, что доступ к современным источникам энергии имеет центральное значение для поддержания высокого и комфортного уровня жизни людей, в связи с чем автор утверждает о нарушении государствами ряда своих обязательств в соответствии с договорами о правах человека, такими как Европейская конвенция по правам человека и Европейская социальная хартия, в случае произвольного лишения государствами граждан доступа к источникам энергии – по мнению Азарии, «этот вопрос имеет далеко идущие последствия для государств» [ibid, с. 197].

М.А. Хельдевег в своих работах связывает право на доступ к устойчивым источникам энергии «с задачей уравнивания устремлений в рамках энергетической трилеммы» (надежность, доступность и устойчивость – прим.). По мнению автора, право на доступ к таким источникам является социальным правом, реализация которого зависит от правильного выбора правового управления

[13, с. 2]. Для придания же нормативной целостности энергетической справедливости ее можно рассматривать с точки зрения социального права на доступ к надежной и устойчивой энергии, которая должна быть привязана к «устойчивой институциональной среде» [14, с. 3]. В этой связи в качестве примера рассматривается Амстердамский договор, официально признающий энергетику как «услугу, представляющую общий экономический интерес», доступ к которой защищен Хартией Европейского союза по правам человека [ibid, с. 1].

Ш. Блюстейн в работе «На пути к праву на устойчивую энергию» справедливо утверждает, что энергия представляет собой краеугольный камень современной жизни и играет решающую роль в процессе развития, поскольку доступ к устойчивым и современным источникам энергии способствует искоренению нищеты, спасению жизней, улучшению здоровья и помогает удовлетворять основные потребности человека [4, с. 174]. Автор пишет: «законное право на устойчивую энергию должно обуславливать доступ к такой энергии на основе равенства и без какой-либо дискриминации, чего будет потенциально достаточно для выполнения тех услуг, которые необходимы для достойной жизни населения» [ibid, с. 181]. При этом, по справедливому утверждению Блюстейна, для закрепления права на доступ к устойчивым источникам энергии даже в рамках международного «мягкого права» требуется вклад различных субъектов (в т.ч. бенефициаров и государств), которые были бы обязаны признавать и защищать такое право [ibid, с. 182].

Д.С. Нгай определяет доступ к устойчивым источникам энергии как право человека через призму вооруженных конфликтов, отмечая, что по сей день остаются вопросы относительно того, как реализовать это право в контексте устойчивого развития без ущерба для других прав человека и как наилучшим образом защитить это право в вооруженном конфликте в свете военной необходимости в соответствии с международным гуманитарным правом [20, с. 620]. Т. Кайме и Р.Л. Гликсман, анализируя международно-правовой статус инициативы «Устойчивая энергетика для всех» (SE4ALL), пишут, что эффективная основа для успешного внедрения такой инициативы может быть создана на основе существующих норм международного права в области прав человека и права устойчивого развития, однако, особо подчеркивая, что в настоящее время только Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. является единственным документом в рамках международного права, в котором прямо признается индивидуальное право на доступ к энергии [18, с. 1406, 1438]. Р. Гаретто отмечает, что устойчивое развитие и права человека тесно связаны, и пишет, что доступ к источникам энергии является фундаментальным правом человека, связанным с такими ключевыми принципами, как человеческое достоинство и равенство [12, с. 180]. Наконец, отметим, что право на доступ к устойчивым источникам энергии также является предметом

научного обсуждения в рамках профильных международных мероприятий – так, в 2017 г. небезызвестная Всемирная организация юристов (ВОЮ) организовала ежегодный Конгресс «Энергетика: мир и справедливость для всех: Право на доступ к устойчивым источникам энергии для постоянного развития стран». Как отмечается на сайте мероприятия, «главная цель Конгресса ВОЮ состоит в том, чтобы включить в качестве одной из резолюций Декларации Арубры утвержденное консенсусом новое универсальное право человека: право на доступ к устойчивым источникам энергии для содействия долгосрочному развитию» [1].

Итак, очевидно, что доступ к устойчивым источникам энергии рассматривался (и рассматривается) многими юристами-международниками как фундаментальное право человека. В действительности же на практике цели в области устойчивого развития не могут быть достигнуты без всеобщего доступа к устойчивым источникам энергии. Тем не менее, право на доступ к таким источникам энергии прямо не закреплено в международном праве прав человека или в международных договорах, в связи с чем на сегодняшний день органы по правам человека и суды используют творческие подходы в попытке интегрировать современные цели и устремления через существующую международно-правовую инфраструктуру.

Во-первых, ЦУР и Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года включают в себя основные элементы правовой базы в области прав человека для поддержки реализации ЦУР – так, ЦУР в определенной степени «основаны» на Всеобщей декларации прав человека 1948 года и международных договорах по правам человека, ядром которых являются Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года и Конвенция о правах ребенка 1989 года. Кроме того, как было отмечено выше, ряд положений, закрепленных в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., также коррелирует с вопросами, связанными с обеспечением всеобщего доступа к устойчивым источникам энергии.

Во-вторых, несмотря на отсутствие в этих документах конкретного положения, прямо признающего и гарантирующего право на доступ к устойчивым источникам энергии, органы по правам человека «уточнили» основные права, чтобы рассмотреть связь между энергией и правами человека, в том числе в связи с правом на окружающую среду надлежащего качества. Утверждаем, что конкретные категории прав человека, гарантированные различными международными договорами (напр., право на жизнь, на жилье, на здоровье, на благоприятную окружающую среду и т.п.) имплицитно предполагают наличие у бенефициара таких прав фактического доступа к современным и устойчивым источникам энергии.

Указанный тезис, в частности, может быть подтвержден ссылкой на позицию ряда органов

по правам человека – так, еще в 1991 г. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам (КЭСКОП) заявил, что концепция «надлежащего жилья» подразумевает доступ к энергии для приготовления пищи, отопления и освещения, и что договаривающиеся стороны (государства) должны обеспечить, чтобы личные финансовые расходы (напр., расходы на электроэнергию) не были настолько высокими, чтобы препятствовать достижению других основных прав [24]. В 2017 году КЭСКОП пошел еще дальше, конкретно рекомендуя властям Австралии более активно бороться с выбросами парниковых газов и развивать генерацию возобновляемых источников энергии (ВИЭ) [23], что, очевидно, взаимосвязано с доступом к устойчивым источникам энергии. Кроме того, Комитет по правам ребенка (КПР) в 2018 г. также одобрил постепенный отказ от ископаемого топлива во всем мире для защиты права детей на здоровье и в двух заявлениях прямо призвал Японию [28] и Австралию [27] ускорить их переход на возобновляемые и устойчивые источники энергии, что также неразрывно связано с доступом к таким источникам.

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ) в 2017–2019 гг. выступил с аналогичными заявлениями в отношении Гайаны [26] и Нигерии [25] в контексте развития, расширения прав и возможностей и равенства посредством инвестиций в рабочие места и инфраструктуру в области экологически чистой и устойчивой энергии, отметив основополагающую связь с усилиями по реализации ЦУР номер 7 [Ibid]. Кроме того, в 2019 году в знаменательном совместном заявлении по правам человека и изменению климата КЭСКОП, КЛДЖ, КПР, Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и Комитета по правам инвалидов четко увязываются права человека, возобновляемая энергия и изменение климата, особенно в контексте наиболее уязвимых категорий населения и мест, и, хотя в заявлении прямо не признается независимое право на доступ к устойчивым источникам энергии, в нем подчеркивается роль сокращения выбросов и развития ВИЭ в части уважения и защиты широкого спектра прав человека, охраняемых на международном уровне [17]. При этом, как известно, улучшение доступа к чистой и устойчивой энергии в соответствии с задачей 7.1 ЦУР номер 7 является одним из практических подходов к продвижению защищаемых прав, что признается большинством сторонников рассматриваемого подхода. Наконец, Совет по правам человека ООН опубликовал отчет Специального докладчика на тему «Вопрос об обязательствах в области прав человека, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой». Существенная часть отчета (параграфы 48, 74, 84, 85, 87, 109, 112 (а, с, р), 114, 115, 116 (с)) в различных аспектах посвящены продвижению доступа к устойчивой энергетике в корреляции с правами человека [29], кроме

того, более 155 государств уже юридически обязаны (в рамках национального и международного права) уважать и защищать право на здоровую окружающую среду, тесно взаимосвязанное с правом на устойчивую энергию [Ibid].

В-третьих, актуально обратиться к региональным международным договорам и судебной практике. Подразумеваемое право человека на доступ к устойчивым источникам энергии может быть обеспечено, чтобы помочь соответствовать наилучшим достижимым стандартам физического и психического здоровья, гарантированным, к примеру, Африканской хартией прав человека и народов 1981 г. (ст. 16 Хартии), и права на здоровье и «здоровую» окружающую среду, закрепленные Дополнительным протоколом 1988 г. к Американской конвенции о правах человека в области экономических, социальных и культурных прав (ст. 10 и 11 Протокола).

Два недавних решения Межамериканского суда по правам человека (МАСПЧ) подтверждают этот тезис. Одно из них предписывало государствам – участникам Американской конвенции о правах человека 1969 г. (конкретно – Гватемале) предоставлять доступ к энергии уязвимым слоям населения, с тем чтобы оно имело возможность реализовывать основные права человека, защищаемые конвенцией [16]. В другом, в форме консультативного заключения, МАСПЧ в 2017 г. утверждал, что надлежащая защита окружающей среды имеет важное значение для благополучия человека, а также для осуществления многочисленных прав, в частности, прав на жизнь, личную неприкосновенность, здоровье и здоровую окружающую среду [15]. Эти права, на наш взгляд, могут быть расширены за счет доступа к устойчивым источникам энергии и экологически чистым технологиям, что в том числе подтверждается исследованной доктриной.

Таким образом, сформулируем ряд основных выводов.

Во-первых, право на доступ к устойчивым источникам энергии определяется в известной степени гомогенно зарубежной юридической доктриной (А.Д. Брэдбрук, Д.Г. Гардам, Ф. Рубен, Г. Мете, Д. Азария, Ш. Блюстейн, Д.С. Нгай, Т. Кайме, Р.Л. Гликсман и др.) как объект международного права прав человека с перспективно присущими механизмами гарантий и защиты, однако, полагаем, на текущем этапе развития международного правового регулирования энергетических отношений утверждать о таком праве как о сформированной категории преждевременно.

Во-вторых, в пользу признания права на доступ к устойчивым источникам энергии как закрепленного в международных договорах права свидетельствуют уже согласованные нормы и положения иных международных договоров, косвенно затрагивающих исследуемую проблематику, при этом такие договоры могут носить как универсальный (напр., Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин), так и реги-

ональный (напр., Африканская хартия прав человека и народов) характер.

В-третьих, доклады, заявления и замечания ведущих органов системы ООН по правам человека равно как ряд решений международных судебных органов также свидетельствуют о формировании категории «право на доступ к устойчивым источникам энергии» в современном международном праве. Так, в пользу закрепления такого права высказывались Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Комитет по правам ребенка, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, Комитет по правам инвалидов и Совет по правам человека. Кроме того, были рассмотрены решения Межамериканского суда по правам человека, также косвенно поддерживающего придание исследуемому феномену нормативного характера в рамках международного права.

В заключение отметим, что право на доступ к устойчивым источникам энергии как категория в рамках международного права прав человека могло бы разрешить ряд практических проблем в исследуемой области. Полагаем, государствам как основным субъектам международного права необходимо «договориться» о восприятии такого доступа как неотъемлемого права человека, что в перспективе способствовало бы как искоренению нищеты, борьбе с голодом и изменением климата, так и конвергенции международного права и устойчивого развития и, как следствие, улучшению уровня жизни людей, в том числе в рамках доступности устойчивой энергетики широким слоям населения на современном этапе развития энергетических отношений и международного права.

Литература

1. Ежегодная конференция Всемирной Ассоциации Юристов, Аруба, 2017 // URL: https://www.sdvlaw.com/event_view.asp?key=14 (дата обращения: 05.02.2023).
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/1 от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» // URL: <https://undocs.org/A/RES/70/1> (дата обращения: 05.02.2023).
3. Azaria, D. State Responsibility and Community Interest in International Energy Law: A European Perspective // *Cambridge International Law Journal*. – 2016. – Vol. 5 (Iss. 2). – P. 169–201.
4. Blustein, S. Towards a Right to Sustainable Energy // *Environmental Liability*. – 2012. – Vol. 5. – P. 173–185.
5. Bradbrook, A.J. A Legislative Framework for Renewable Energy and Energy Conservation // *Journal of Energy & Natural Resources Law*. – 1997. – Vol. 15 (Iss. 4). – P. 313–337.
6. Bradbrook, A.J. Sustainable Energy Law – the Past and the Future // *Journal of Energy & Natural Resources Law*. – 2012. – Vol. 30 (Iss. 4). – P. 511–521.
7. Bradbrook, A.J. The development of a legislative framework for renewable energy and energy conservation // *Renewable Energy*. – 1996. – Vol. 8 (Iss. 1–4). – P. 107–116.
8. Bradbrook, A.J., Gardam, J.G. Placing Access to Energy Services within a Human Rights Framework // *Human Rights Quarterly*. – 2006. – Vol. 28 (Iss. 3). – P. 389–415.
9. Bradbrook, A.J., Gardam, J.G., Cormier, M. A Human Dimension to the Energy Debate. Access to Modern Energy Services // *Journal of Energy & Natural Resources Law*. – 2008. – Vol. 26 (Iss. 4). – P. 526–552.
10. Clemson, M. Human Rights and the Environment: Access to Energy // *New Zealand Journal of Environmental Law*. – 2012. – Vol. 16. – P. 39–81.
11. Crossley, P. *Renewable Energy Law – An International Assessment*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 269 p.
12. Garetto, R. Sustainable Development and Equal Access to Energy Sources. A Human Rights Based Approach // 6th SWS International Scientific Conference on Social Sciences. – 2019. – Vol. 6 (Iss. 1). – P. 177–182.
13. Heldeweg, M.A. Investing in energy justice; modes of legal energy governance, especially of energy community initiatives // *World Jurist Association Congress*. – 2017. – P. 1–19.
14. Heldeweg, M.A., Saintier, S. Renewable energy communities as 'socio-legal institutions': A normative frame for energy decentralization? // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. – 2020. – Vol. 119. – P. 1–14.
15. Inter-American Court of Human Rights (IACtHR), Advisory Opinion OC-23/17 of November 15, 2017 Requested by the Republic of Colombia, The Environment and Human Rights, paragraphs 47–70 // URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_ing.pdf (дата обращения: 05.02.2023).
16. Inter-American Court of Human Rights (IACtHR), Case of the Río Negro Massacres v. Guatemala, Judgment of September 4, 2012, (preliminary objection, merits, reparations and costs), paragraphs 281–284 // URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_250_ing.pdf (дата обращения: 05.02.2023).
17. Joint Statement on human rights and climate change by the Committee on the Elimination of Discrimination against Women, the Committee on Economic, Social and Cultural Rights, the Committee on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families, the Committee on the Rights of the Child and the Committee on the Rights of Persons with Disabilities, 14.05.2020, HRI/2019/1, paragraphs 11, 12 // URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/5399935.84156036.html> (дата обращения: 05.02.2023).

18. Kaime T., Glicksman R.L. An International Legal Framework for SE4All: Human Rights and Sustainable Development Law Imperatives // *Fordham International Law Journal*. – 2015. – Vol. 38 (Iss. 5). – P. 1405–1444.
19. Moellendorf, D. Responsibility for Increasing Mitigation Ambition in Light of the Right to Sustainable Development // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. – 2020. – Vol. 13. – P. 181–192.
20. Ngai, J.S-h. Energy as a Human Right in Armed Conflict: A Question of Universal Need, Survival, and Human Dignity // *Brooklyn Journal of International Law*. – 2012. – Vol. 37 (Iss. 2). – P. 579–622.
21. Redgwell, C. International Legal Responses to the Challenges of a Lower Carbon Future: Energy Law for the Twenty-first Century // Farrall, S., Ahmed, T., French, D. *Criminological and Legal Consequences of Climate Change*. – Oxford: Hart Publishing, 2012. – 272 p.
22. Roeben V., Mete G. What do we mean when we talk about international energy law? // Cameron P.D., Mu X., Roeben V. *The global energy transition: law, policy and economics for energy in the 21st century*. – Oxford: Hart Publishing, 2020. – 376 p.
23. UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR), Concluding observations on the fifth periodic report of Australia, 11.07.2017, E/C.12/AUS/CO/5, paragraph 12 // URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/6571372.15137482.html> (дата обращения: 05.02.2023).
24. UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR), General Comment No. 4: The Right to Adequate Housing (Art. 11 (1) of the Covenant), 13.12.1991, E/1992/23, paragraph 8 (b, c) // URL: <https://www.refworld.org/docid/47a7079a1.html> (дата обращения: 05.02.2023).
25. UN Committee on the Elimination of Discrimination against Women (CEDAW), Concluding observations on the combined seventh and eighth periodic reports of Nigeria, 24.07.2017, CEDAW/C/NGA/CO/7–8, paragraph 39 (b) // URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/3874811.82813644.html> (дата обращения: 05.02.2023).
26. UN Committee on the Elimination of Discrimination against Women (CEDAW), Concluding observations on the ninth periodic report of Guyana, 30.07.2019, CEDAW/C/GUY/CO/9, paragraph 42 // URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/693621.411919594.html> (дата обращения: 05.02.2023).
27. UN Committee on the Rights of the Child (CRC), Concluding observations on the combined fifth and sixth periodic reports of Australia, 01.11.2019, CRC/C/AUS/CO/5–6, paragraph 41 (b) // URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/3294469.71416473.html> (дата обращения: 05.02.2023).
28. UN Committee on the Rights of the Child (CRC), Concluding observations on the combined fourth and fifth periodic reports of Japan, 05.03.2019, CRC/C/JPN/CO/4–5, paragraph 37 (e) // URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/4021436.57207489.html> (дата обращения: 05.02.2023).
29. UN Human Rights Council (HRC), Issue of human rights obligations relating to the enjoyment of a safe, clean, healthy and sustainable environment – Report of the Special Rapporteur, 08.01.2019, A/HRC/40/55 // URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/4872169.19660568.html> (дата обращения: 05.02.2023).

THE RIGHT OF ACCESS TO SUSTAINABLE ENERGY SOURCES: INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS

Aratskiy I.D.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Relevance of the study. The eradication of energy poverty implies ensuring universal access to sufficient energy in general and electricity in particular. At the most fundamental level, people must meet their basic needs, such as food, warm shelter and security, each of which is their natural right and requires reliable access to some form of modern and sustainable energy sources. In connection with the above, we believe that the issue of giving the category «right of access to sustainable energy sources» a normative character and attributing such a category to international human rights law becomes relevant particularly in international law. *The purpose of the study.* The purpose of the study is a comprehensive international legal analysis of the category «right of access to sustainable energy sources» and the definition of the legal regime (status) of such a category. *Results and conclusions of the study.* Firstly, representatives of foreign legal doctrine tend to attribute the right of access to sustainable energy sources to the object of regulation of international human rights law, however, the category under study is determined through the prism of various international legal aspects. Secondly, the right of access to sustainable energy sources is already found (indirectly) in existing international treaties of both universal and regional nature. Thirdly, the leading treaty bodies in the UN human rights system also advocate the consolidation of the right of access to sustainable energy sources as a basic human right, in addition, the practice of a number of international judicial bodies confirms this thesis.

Keywords: international law, international human rights law, sustainable energy, access to sustainable energy sources, the right of access to sustainable energy sources, international treaties, foreign legal doctrine, UN human rights bodies, international courts.

References

1. An annual conference of the World Association of Lawyers, ARUBA, 2017 // URL: https://www.sdvlaw.com/event_View.asp?key=14 (date of 02.02.2023).
2. Resolution of the UN General Assembly A/Res/70/1 of September 25, 2015 “Transformation of our world: agenda in the field of sustainable development for the period until 2030” // URL: <https://undocs.org/a/a/a/a/Res/70/1> (accessed: 05.02.2023).
3. Azaria, D. State Responsibility and Community Interest in International Energy Law: A European Perspective // *Cambridge International Law Journal*. – 2016. – Vol. 5 (Iss. 2). – P. 169–201.
4. Blustein, S. Towards a Right to Sustainable Energy // *Environmental Liability*. – 2012. – Vol. 5. – P. 173–185.
5. Bradbrook, A.J. A Legislative Framework for Renewable Energy and Energy Conservation // *Journal of Energy & Natural Resources Law*. – 1997. – Vol. 15 (Iss. 4). – P. 313–337.
6. Bradbrook, A.J. Sustainable Energy Law – the Past and the Future // *Journal of Energy & Natural Resources Law*. – 2012. – Vol. 30 (Iss. 4). – P. 511–521.
7. Bradbrook, A.J. The development of a legislative framework for renewable energy and energy conservation // *Renewable Energy*. – 1996. – Vol. 8 (Iss. 1–4). – P. 107–116.
8. Bradbrook, A.J., Gardam, J.G. Placing Access to Energy Services within a Human Rights Framework // *Human Rights Quarterly*. – 2006. – Vol. 28 (Iss. 3). – P. 389–415.

8. Bradbrook, A.J., Gardam, J.G., Cormier, M. A Human Dimension to the Energy Debate. Access to Modern Energy Services // *Journal of Energy & Natural Resources Law*. – 2008. – Vol. 26 (Iss. 4). – P. 526–552.
9. Clemson, M. Human Rights and the Environment: Access to Energy // *New Zealand Journal of Environmental Law*. – 2012. – Vol. 16. – P. 39–81.
10. Crossley, P. *Renewable Energy Law – An International Assessment*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 269 p.
11. Garetto, R. Sustainable Development and Equal Access to Energy Sources. A Human Rights Based Approach // 6th SWS International Scientific Conference on Social Sciences. – 2019. – Vol. 6 (Iss. 1). – P. 177–182.
12. Heldeweg, M.A. Investing in energy justice; modes of legal energy governance, especially of energy community initiatives // *World Jurist Association Congress*. – 2017. – P. 1–19.
13. Heldeweg, M.A., Saintier, S. Renewable energy communities as 'socio-legal institutions': A normative frame for energy decentralization? // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. – 2020. – Vol. 119. – P. 1–14.
14. Inter-American Court of Human Rights (IACtHR), Advisory Opinion OC-23/17 of November 15, 2017 Requested by the Republic of Colombia, The Environment and Human Rights, paragraphs 47–70 // URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_ing.pdf (дата обращения: 05.02.2023).
15. Inter-American Court of Human Rights (IACtHR), Case of the Río Negro Massacres v. Guatemala, Judgment of September 4, 2012, (preliminary objection, merits, reparations and costs), paragraphs 281–284 // URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_250_ing.pdf (дата обращения: 05.02.2023).
16. Joint Statement on human rights and climate change by the Committee on the Elimination of Discrimination against Women, the Committee on Economic, Social and Cultural Rights, the Committee on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families, the Committee on the Rights of the Child and the Committee on the Rights of Persons with Disabilities, 14.05.2020, HRI/2019/1, paragraphs 11, 12 // URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/5399935.84156036.html> (дата обращения: 05.02.2023).
17. Kaime T., Glicksman R.L. An International Legal Framework for SE4All: Human Rights and Sustainable Development Law Imperatives // *Fordham International Law Journal*. – 2015. – Vol. 38 (Iss. 5). – P. 1405–1444.
18. Moellendorf, D. Responsibility for Increasing Mitigation Ambition in Light of the Right to Sustainable Development // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. – 2020. – Vol. 13. – P. 181–192.
19. Ngai, J.S-h. Energy as a Human Right in Armed Conflict: A Question of Universal Need, Survival, and Human Dignity // *Brooklyn Journal of International Law*. – 2012. – Vol. 37 (Iss. 2). – P. 579–622.
20. Redgwell, C. *International Legal Responses to the Challenges of a Lower Carbon Future: Energy Law for the Twenty-first Century* // Farrall, S., Ahmed, T., French, D. *Criminological and Legal Consequences of Climate Change*. – Oxford: Hart Publishing, 2012. – 272 p.
21. Roeben V., Mete G. What do we mean when we talk about international energy law? // Cameron P.D., Mu X., Roeben V. *The global energy transition: law, policy and economics for energy in the 21st century*. – Oxford: Hart Publishing, 2020. – 376 p.
22. UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR), Concluding observations on the fifth periodic report of Australia, 11.07.2017, E/C.12/AUS/CO/5, paragraph 12 // URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/6571372.15137482.html> (дата обращения: 05.02.2023).
23. UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR), General Comment No. 4: The Right to Adequate Housing (Art. 11 (1) of the Covenant), 13.12.1991, E/1992/23, paragraph 8 (b, c) // URL: <https://www.refworld.org/docid/47a7079a1.html> (дата обращения: 05.02.2023).
24. UN Committee on the Elimination of Discrimination against Women (CEDAW), Concluding observations on the combined seventh and eighth periodic reports of Nigeria, 24.07.2017, CEDAW/NGA/CO/7–8, paragraph 39 (b) // URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/3874811.82813644.html> (дата обращения: 05.02.2023).
25. UN Committee on the Elimination of Discrimination against Women (CEDAW), Concluding observations on the ninth periodic report of Guyana, 30.07.2019, CEDAW/GUY/CO/9, paragraph 42 // URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/693621.411919594.html> (дата обращения: 05.02.2023).
26. UN Committee on the Rights of the Child (CRC), Concluding observations on the combined fifth and sixth periodic reports of Australia, 01.11.2019, CRC/C/AUS/CO/5–6, paragraph 41 (b) // URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/3294469.71416473.html> (дата обращения: 05.02.2023).
27. UN Committee on the Rights of the Child (CRC), Concluding observations on the combined fourth and fifth periodic reports of Japan, 05.03.2019, CRC/C/JPN/CO/4–5, paragraph 37 (e) // URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/4021436.57207489.html> (дата обращения: 05.02.2023).
28. UN Human Rights Council (HRC), Issue of human rights obligations relating to the enjoyment of a safe, clean, healthy and sustainable environment – Report of the Special Rapporteur, 08.01.2019, A/HRC/40/55 // URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/4872169.19660568.html> (дата обращения: 05.02.2023).

Исполнение иностранных судебных поручений в порядке международной вежливости («comitas gentium»)

Карандашева Наталия Николаевна,
аспирант, Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: nnkarandasheva@gmail.com

Цель: выявление правовых и доктринальных подходов к исполнению иностранных судебных поручений в отсутствие международных договоров и оценка международной вежливости в качестве общепризнанного принципа права.

Метод: на основе сравнительного правового анализа правовых и доктринальных подходов к определению понятия международной вежливости («comitas gentium») выявляются особенности содержания данного понятия; на основе формально-юридического метода исследования выявляются характерные признаки порядка международной вежливости.

Результаты: на основе анализа отечественной доктрины в статье ставится вопрос об обоснованности отнесения международной вежливости к общепризнанным принципам права, принципам международного публичного и международного частного права, а также к принципам международного гражданского процесса. В этой связи в статье опровергается аргументация квалификации международной вежливости в качестве международного принципа и обосновывается исполнение судебных поручений на основании принципа международного сотрудничества, закрепленного в Принципах трансграничного гражданского процесса / УНИДРУА /ALI / UNIDROIT Principles and Rules of Transnational Civil Procedure (далее – Принципы АЛИ/УНИДРУА) при отсутствии международного договора.

Ключевые слова: международный гражданский процесс; принципы международного гражданского процесса; иностранные судебные поручения; Принципы АЛИ/УНИДРУА; порядок международной вежливости; comitas gentium; принцип международного судебного сотрудничества.

Одним из актуальных вопросов, который обсуждается в правовой доктрине, является вопрос определения места международной вежливости в праве РФ. Исследование данного вопроса, как правило, проводится в рамках одной отрасли – международного частного права без анализа категориального аппарата международного публичного права, что представляется не вполне верным.

В юридической науке не сложилось единого представления о том, что понимать под международной вежливостью («comitas gentium»). Исследование основных правовых позиций к применению порядка международной вежливости позволило прийти к выводу, что обозначенные в юридической доктрине и в праве подходы противоречивы и тем самым осложняют возможность формирования единообразной практики применения порядка международной вежливости.

Отправной точкой в формировании концепции международной вежливости служит разработанная представителями голландской школы в конце XVII века доктрина международной вежливости, которая впервые представила основную дилемму коллизионного права – территориальный суверенитет и потребности международной торговли [43]. Международная вежливость зарождалась в рамках образования национальных государств в Европе, когда мир был разделен на отдельные и независимые государства, территориальный суверенитет которых считался исключительным и абсолютным. Концепция международной вежливости позволяла правам, приобретенным по законам одной страны, иметь силу на территории другой.

По мнению американского ученого У. Доджа, история международной вежливости начинается с Ульриха Губера (1636–1694), который сформулировал окончательный вывод всей голландской школы в своей диссертации «De Conflictu Legum». У. Губер первым использовал и обосновал понятие «comitas gentium» для описания правомерности применения иностранного права. В теории У. Губера вежливость выступала не только теоретическим, но и правовым обоснованием при разрешении проблем коллизионного права – суд в одной стране мог применять право другой страны, основываясь на международной вежливости. Таким образом, изначально на доктрину международной вежливости ссылались как на основу для коллизии права и признания решений иностранных судов, т.е. она действовала в качестве принципа как для законодательной вежливости, так и для судебной [9].

Архаичным принципом международная вежливость становится уже в середине XIX века. Так,

К. Вёхтера раскритиковал теорию У. Губера, отмечая, что суд, который является инструментом государственной политики, при разрешении коллизионных дел должен применять право страны суда, а не руководствоваться принципом *comity*. В трудах Дж. Стори и А. Дайси сформировалась доктрина «приобретенных прав»). Признание приобретенных прав обосновывалось «принципом международной вежливости» (*comitas* или *comity*) [23]. Д. Стори отмечал, что государство само определяет пределы применения международной вежливости, то есть принцип общеобязательным не является, хотя его применение и желательно [17].

Анализ исторических взглядов относительно содержания «*comitas gentium*» позволяет сделать вывод о том, что «вежливость» в юридическом смысле не является ни вопросом абсолютного обязательства, с одной стороны, ни проявлением простой вежливости и доброй воли, с другой стороны. На разных исторических этапах трактовка данного понятия была неоднозначной. В основном с конца XVII до середины XIX века преобладающим мнением представителей голландской школы было отнесение международной вежливости к принципам, в рамках которых была оценена возможность независимого государства до определённого исторического момента на своей территории в отношении законодательных, исполнительных или судебных актов другого государства (т.е. использовался по инерции), принимая во внимание как международный долг и удобство, так и права своих граждан или других лиц, находящихся под защитой его законов. Со времен У. Губера принято множество основополагающих международных договоров, получивших всемирное распространение, однако, международная вежливость не нашла своего закрепления. Ввиду изложенного можно отметить, что международная вежливость является архаичным принципом, который имеет исключительно историческое обоснование в обстоятельствах, когда не было иных прагматичных концепций, обосновывающих применение иностранного права, тем самым международная вежливость перестала быть основой взаимодействия между государствами.

Международная вежливость – общепризнанный принцип международного публичного права

Можно ли отнести международную вежливость к общепризнанным принципам международного публичного права, если общепризнанными принципами являются основополагающие императивные нормы (именуемые в юридической доктрине и практике как *jus cogens*), принимаемые и признаваемые государствами, отклонение от которых недопустимо.

Международно-правовые принципы служат основой для решения вопросов, возникающих при осуществлении судопроизводства, а также обеспечивают международные стандарты правосудия. В доктрине международного публичного права представлено несколько концепций, в рамках

которых выделяется разное количество принципов. Например, Г.И. Тункина выделяет 10 основных принципов международного публичного права, закрепленных в Уставе ООН, Декларации принципов международного права, в Заключительном акте ОБСЕ [19]. А.Н. Бабай и В.С. Тимошенко выделяют 13 общепризнанных принципов и норм международного права [5; 6]. Следует отметить, что наибольшей поддержкой в доктрине пользуется позиция о выделении 10 принципов. В то же время отсутствует согласованность относительно содержательной части указанных принципов.

Как справедливо отмечает Л.П. Ануфриева, вводит в заблуждение отсутствие разграничения основных и общепризнанных принципов международного публичного права [3; 4].

Международная вежливость не упоминается в данных перечнях, что обуславливает вывод о невозможности отнесения международной вежливости ни к основным, ни к общепризнанным принципам международного публичного права. Неоднозначна трактовка понятия и содержания международной вежливости и в юридической науке.

В зарубежной доктрине ученые подвергают сомнению восприятие международной вежливости в качестве принципа. Так, Герш Лаутерпахта отмечал, что понятие «международная вежливость» охватывает определенные обыкновения, которым государства добровольно следуют из соображений этикета, удобства, а также в целях поддержания добрососедских отношений. Соответственно международная вежливость не может признаваться международным обычаем, принципом права, признанными всеми цивилизованными народами [44]. Ян Хендрик Верзийл, указывает, что международная вежливость относится к обыкновениям международного права. Испанский ученый А. Труйоль-и-Серра отмечает, что международная вежливость относится к правилам дипломатического протокола. Так, П. Каленский пишет, что «международная вежливость» смутное и трудноопределимое понятие [17]. В целом анализ зарубежной доктрины свидетельствует о критике и однозначном отношении к международной вежливости. Единство мнений представленных авторов сводятся к единому пониманию международной вежливости в международном публичном праве как обычая или обыкновению.

Анализ доктринальных источников российского права также свидетельствует о том, что международную вежливость нельзя отнести к общепризнанным принципам международного публичного права. Так, Л.П. Ануфриева, исследуя генезис понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права», говорит о фактическом отождествлении Комиссией международного права ООН двух категорий: «общепризнанные принципы и нормы международного права» и *jus cogens* [4]. Специфика общепризнанных принципов международного публичного права проявляется в их императиве. Как справедливо отмечено Б.Л. Зимненко, отсутствие такой императивности означает поте-

рю своей функции идеологического начала среди норм международного права, обязывающих различных его субъектов [16]. Определение в словаре международного публичного права также подчеркивает, что международная вежливость относится к неким идеальным стандартам международного взаимодействия и понимается как «акты добрососедства, дружелюбия, гостеприимства, подчеркнутая уважения, упразднения формальностей, предоставление льгот, привилегий и услуг иностранным государствам и их гражданам не в силу требований международно-правовых норм, а по доброй воле государства...» [33]. Следует согласиться с позицией А.А. Костина, который отказывает международной вежливости в императивном характере и не относит ее к международным обычаям [17].

Таким образом, международная вежливость не может быть причислена ни к норме международного права, ни к общепризнанному принципу международного публичного права (в том числе и к основным принципам международного публичного права).

Важно отметить, что в практике Международного суда ООН не встречались случаи применения международной вежливости как общепризнанного принципа права в качестве основания исполнения иностранного судебного поручения. И в национальных судах иностранных государств понятие «международная вежливость» либо не применяется вовсе (страны Европы), либо ее применение крайне ограничено (страны общего права). В этой связи следует согласиться с А.А. Костиным, что отсутствие признания и применения порядка международной вежливости в зарубежных странах свидетельствует о невозможности однозначного определения международной вежливости в качестве общего принципа права, признанного всеми цивилизованными народами согласно подп. с п. 1 ст. 38 Статута Международного суда ООН [17].

В правоприменительной практике США, как отмечено в статье Dodge, William S., международная вежливость не связывает государства на международном уровне и не приводит к международной ответственности. Суды и Конгресс могут устанавливать правила международной вежливости по своему усмотрению, и, если предположить, что эти правила предоставляют исполнительной власти свободу действий, президент волен отказать в международной вежливости в конкретном случае. Международное право и международная вежливость являются посредниками в отношениях между правовой системой США и другими странами, но они принципиально различны. Международное право связывает США и порождает международную ответственность. Международная вежливость носит диспозитивный характер, позволяя Соединенным Штатам самим решать, в какой степени признавать или сдерживать иностранные государственные субъекты [42].

В странах азиатского региона, рассуждая о возможности применения международной вежливости во взаимоотношениях с зарубежными странами,

стоит обратить внимание на сложившуюся практику по заключению двусторонних договоров о правовой помощи по гражданским, коммерческим и уголовным делам, а также отсутствие правоприменительной практики использования порядка международной вежливости в отношении исполнения иностранных судебных поручений.

Представляется, что категория «международная вежливость», в качестве принципа международного публичного права, не может рассматриваться как основание для исполнения иностранного судебного поручения и имеет лишь моральную силу как определенное правило этикета, принятое при взаимодействии государств друг с другом. В этой связи международная вежливость может быть отнесена к определенному порядку, который положен в основу многочисленных международных договоров.

Международная вежливость – принцип международного гражданского процесса?

К принципам международного гражданского процесса в доктрине относят основополагающие идеи, правила поведения, фундаментальные формы национального и международного права, легально закрепленные или официально признаваемые в определенной правовой системе. И.В. Гетьман-Павлова [18], Н.Ю. Ерпылева [13], Н.М. Юрова [41] под принципами международного гражданского процесса понимают основные идеи, лежащие в основе регулирования транснациональных гражданских процессуальных отношений. Значимая роль общих принципов права, как источников международного гражданского процесса, заключается в восполнении пробелов в правовых порядках государств.

По мнению А.В. Саенко, система принципов международного гражданского процесса состоит из: принципов национального гражданского процессуального права, принципов международного частного права, общепризнанных принципов международного права, специальных принципов международного гражданского процесса. Следует отметить, что основные принципы, содержащиеся в нормах национального гражданского процессуального законодательства, распространяются на судебные разбирательства с участием иностранных лиц (например, принцип независимости и беспристрастности суда, принцип осуществления правосудия в разумные сроки и т.д.) [32]. Исследуя систему принципов международного гражданского процесса, важно отметить, что международная вежливость упоминается в данной системе как принцип международного частного права, оказывающий влияние на международный гражданский процесс (Л.П. Ануфриева, Г.К. Дмитриева, Т.Н. Нешатаева) [1; 25; 26]. При этом, в доктрине есть позиция о том, что к принципам международного частного права также относится и принцип международной вежливости (Л.П. Ануфриева, М.М. Богуславский, И.В. Гетьман-Павлова, А.В. Саенко) [2; 8; 20; 31]. Однако, представляется необоснован-

ным отнесение международной вежливости к принципам международного частного права ввиду отсутствия единого подхода к системе принципов международного частного права в юридической доктрине, что оставляет место для научной дискуссии. С другой стороны, ряд ученых (Г.К. Дмитриева, О.А. Данилочкина, И.Д. Соболев) [22; 25; 35] в своих работах выделяют принципы международного частного права, в которых отсутствует международная вежливость. В рамках данного направления, предложенный Г.К. Дмитриевой перечень принципов международного частного права, а после дополненный работами О.А. Данилочкина и И.Д. Соболева, является примером углубленного понимания правовой природы международного частного права и позволяет уяснить системное единство взаимосвязанных отраслей международного частного права, международного публичного права и международного гражданского процесса.

Подробный анализ принципов международного гражданского процесса, позволяет прийти к выводу, что понятие «международная вежливость» не может быть однозначно определено как принцип международного гражданского процесса.

Международная вежливость как основание исполнения иностранных судебных поручений

В доктрине существуют несколько позиций относительно оснований исполнения иностранных судебных поручений. Одни ученые (М.М. Петрова, А.И. Стихина) [30; 37] проводят параллель с институтом признания и исполнения иностранных судебных решений в отсутствие международного договора и ссылаются на принцип взаимности как на основание исполнения иностранных судебных поручений. Вторая группа авторов (Беляева Н.Г., Давыденко Д.А. Муранов, С.В. Николютин, Т.С. Османов) [7; 10; 28; 29] определяют, что в данных условиях оказание правовой помощи возможно на правилах международной вежливости. Третья группа (например, Г.К. Дмитриева, В.А. Канашевский, Н.И. Марышева) в качестве такого основания обозначают принцип международной вежливости («*comitas gentium*») [21; 23; 24], ссылаясь на правоприменительную практику РФ.

Представляется справедливой оценка международной вежливости, представленная Р.В. Зайцевым и Т.В. Сорокиной, которые обосновывают, что доктрина международной вежливости по своей правовой природе и юридической конструкции не предполагает формулирование условий исполнения судебных поручений на территории запрашиваемого государства [14; 36].

Отсутствие в российском законодательстве нормативного закрепления понятия «международная вежливость» приводит к нечеткости и расплывчатости формулировок, а также к неясности их сущности. В правоприменительной практике и отечественной доктрине в отношении исполнения иностранных судебных поручений употребляются различные понятия: «международная вежливость»,

«условия международной вежливости», «порядок международной вежливости», «принцип международной вежливости», «формула вежливости». Определение одного и того же юридического явления столь широким понятийным рядом вряд ли можно считать допустимым. Одно юридическое не может быть описано широким набором понятий.

Интерес с точки зрения определения сущности международной вежливости в правоприменительной практике представляет собой Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 (ред. от 11.07.2014) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах РФ (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» (Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 (ред. от 11.07.2014) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» // СПС КонсультантПлюс //.) в котором говорится, что при отсутствии международного договора судебное поручение направляется через органы Министерства юстиции РФ и Министерство иностранных дел РФ в порядке международной вежливости (принципа взаимности). Аналогичное положение содержится в п. 27 Постановления Пленума ВС РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» [39], но лишь с тем исключением, что в указанном постановлении не упоминается в скобках принцип взаимности, который отождествляется с порядком международной вежливости в Постановлении ВАС 2013 г.

Понятие международной вежливости несомненно связано с понятием взаимности. В настоящее время наметилась тенденция к признанию и исполнению в государственных судах судебных решений, вынесенных в тех странах, в которых признаются и исполняются российские судебные решения (на основании принципа взаимности). В то же время некоторые проблемы возникают при отождествлении понятий «принципа вежливости» и «принципа взаимности» в отечественной правоприменительной практике. С.В. Николаев в своей работе отмечает, что «международная вежливость может иметь место там, где есть взаимность» [27]. Предполагается, что порядок вежливости является первичным в отношении исполнения иностранного судебного поручения с теми странами, с которыми нет международных договоров. А государство, которое делает первый шаг, ожидает взаимности.

Что же касается определения места взаимности в отношении исполнения и признания иностранных судебных и арбитражных решений, следует обратить внимание на подход Б.Л. Зимненко, который относит взаимность к юридическому факту, влекущему возникновение, изменение и/или прекращение соответствующих правоотношений [16]. В.П. Звекон определяет взаимность как одно из начал международного сотрудничества, обеспе-

чивающего права и интересы государств, их граждан и организаций [15].

Развитие науки международного частного права, изменение доктринального подхода к взаимодействиям различных правовых систем, а также правоприменительная практика как отечественная, так и зарубежная, подтверждает мнение о том, что международная вежливость более не может однозначно являться основанием для исполнения иностранных судебных поручений. Анализ научных взглядов относительно содержания юридических понятий позволяет сделать вывод о том, что «вежливость» в юридическом смысле не является ни вопросом абсолютного обязательства, с одной стороны, ни проявлением простой вежливости и доброй воли, с другой стороны.

Учитывая критику рассмотрения международной вежливости в качестве принципа, который регулирует исполнение иностранных судебных поручений, следует рассмотреть упоминающиеся в правоприменительной практике РФ «порядок международной вежливости». Прежде всего, следует сказать о близких взаимосвязанных понятиях как общественный порядок и правопорядок. Представляется, что в упоминание «порядка международной вежливости» в правоприменительной практике идет речь об общественном порядке. Так, А.А. Юнусов говорит о том, что правопорядок является частью общественного порядка, поскольку общественный порядок – это система общественных отношений, складывающихся в результате соблюдения субъектами правоотношений всех социальных норм, а сам правопорядок предполагает соблюдения именно правовых норм [40]. Буквальное толкование слова «порядок», согласно академическому нормативному толковому словарю русского языка, – состояние налаженности, организованности, благоустроенности; правильность, систематичность чего-либо [34].

В отличие от понятия «принцип международной вежливости» определение «порядок международной вежливости» представляет собой более понятную и уместную словесную конструкцию и в рассматриваемом ключе отражает соответствие содержания и определения данного понятия по отношению к иностранным судебным поручениям. В пользу использования понятия «порядок международной вежливости» свидетельствует то, что данная конструкция наиболее ясно дает понять, что «международная вежливость» в юридическом смысле не является вопросом абсолютного обязательства. Отсутствие в определении слова «принцип» снимает двойственность толкования данного явления.

Международный гражданский процесс и принцип международного судебного сотрудничества

Принимая во внимание, что международная вежливость более не может однозначно являться основанием для исполнения иностранных судебных поручений, данное обстоятельство порождает поиск

перспективного механизма исполнения иностранных судебных поручений в условиях отсутствия международно-правового регулирования между странами. Для удобства и единообразия решения вопроса процессуальных действий за рубежом предлагается рассмотреть возможность исполнения иностранных судебных поручений в отсутствие международных договоров в силу Принципа международного сотрудничества (Принцип 31), закрепленного в Принципах АЛИ/УНИДРУА) [31].

Фундаментальный свод процессуального права Принципов АЛИ/УНИДРУА позволяет государствам максимально гибко подходить к вопросу исполнения иностранных судебных поручений, а толкование универсальных основополагающих принципов может позволить определить не только порядок передачи иностранных судебных поручений, но и раскрыть вопрос исполнения или отказа от исполнения судебного поручения.

В современной отечественной науке сложилось единое представление о возможности применения принципов транснационального гражданского процесса. Например, В.А. Канашевский отмечает, что в будущем (и это не исключено) Принципы УНИДРУА могут служить не только основой для реформирования национального процессуального законодательства, но также рассматриваться в качестве своеобразных обычаев, общепризнанного стандарта при разрешении международных споров национальными судами [23]. Н.Ю. Ерпылева выделяет принцип международного юрисдикционного сотрудничества, который обозначает, что суды государства, которое восприняло настоящие Принципы, оказывают содействие юрисдикционным органам любого иностранного государства, если данные органы действуют в рамках судопроизводства, соответствующего настоящим Принципам. Такое содействие предполагает принятие обеспечительных мер, а также сотрудничество в части исследования, обеспечения и предоставления доказательств [12].

Вместе с тем А.В. Саенко, развивая точку зрения о принципах МГП как основных началах регулирования трансграничных процессуальных отношений, относит принцип международного судебного сотрудничества к специальным принципам международного гражданского процесса, указывая на то, что международное сотрудничество в области гражданского судопроизводства состоит из:

1) исполнения государственными судами поручений иностранных судов, а также, соответственно, обращение государственных судов с поручениями к иностранным судам;

2) признания и исполнения решений иностранных судебных органов [32].

Е.П. Ермакова из разработанных принципов транснационального гражданского процесса считает, что только международное сотрудничество между судами и принцип признания решений иностранных судов непосредственно относятся к принципам международного гражданского процесса [11].

В работе Л.В. Терентьевой отмечено, что данный принцип работает и при установлении юрисдикции в отношении трансграничных частноправовых споров и происходит в рамках национальной судебной системы одного государства [38]. Необходимо отметить, что сотрудничество государств в сфере исполнения иностранных судебных поручений предполагает не только заключение международных договоров, но и в положительном отношении к иностранным юрисдикциям в национальном праве.

Концепция взаимодействия судов соответствует сегодняшней политике государства в сфере развития судебной системы. Взаимодействие равных иностранных и отечественных судов обеспечивают друг другу правовую поддержку для рассмотрения гражданских дел, защищая интересы справедливого правосудия. Интересная практика внедрения Принципов АЛИ/УНИДРУА для развития региональных моделей в Европейском союзе привела к официальному принятию проекта ЕЛІ-УНИДРУА по Европейским правилам гражданского процесса в начале 2014 года, это может послужить примером того, как существующие принципы могут работать для эффективного международного гражданского процесса.

Применение принципа международного сотрудничества в рамках исполнения иностранных судебных поручений, с одной стороны, не вызывает затруднений, поскольку данный принцип является международно-правовым, выработан практикой применения и проверен временем. С другой стороны, возможность применения данного принципа по отношению к исполнению иностранных судебных поручений является новым.

Литература

1. Ануфриева Л.П. Международное частное право. В 3-х томах. Том 3. Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс: Учебник. – М.: Издательство БЕК, 2001. – 768 с.
2. Ануфриева Л.П. Международное частное право: В 3 т. Т. 1. Общая часть: учебник. М.: БЕК, 2002. 288 с.
3. Ануфриева Л.П. Принципы в современном международном праве (некоторые вопросы понятия, природы, генезиса, сущности и содержания). Московский журнал международного права. 2021;(1):6–27. URL: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27> (дата обращения: 20.10.2022).
4. Ануфриева Л.П. Enigma российской Конституции 1993 года: «общеизвестные принципы и нормы международного права» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/enigma-rossiyskoy-konstitutsii-1993-goda-obshchepriznannye-printsipy-i-normy-mezhdunarodnogo-prava> (дата обращения: 23.10.2022).
5. Бабай А.Н., Тимошенко В.С. Общеизвестные принципы и нормы международного права как составная часть российской правовой системы // Международное публичное и частное право. 2006. № 6. С. 30–33.
6. Бабай А.Н., Тимошенко В.С. Роль общеизвестных принципов и норм международного права в правовой системе России // Закон. 2006. № 11. С. 95–100.
7. Беляева Н.Г. Особенности рассмотрения дел с участием иностранных лиц в арбитражном суде: практическое пособие. М., 2012. С. 136.
8. Богуславский М.М. Международное частное право: Учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М: Юристъ, 2002. – 462 с.
9. Гетьман-Павлова И.В. Понятие «Вежливость» в коллизионной доктрине Ульрика Губера // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-vezhlivost-v-kollizionnoy-doktrine-ulrika-gubera> (дата обращения: 27.10.2022).
10. Давыденко Д., Муранов А. Вопросы признания и (или) приведения в исполнение иностранных решений в России // Корпоративный юрист. 2007. № 3. С. 46.
11. Ермакова Е.П. Унификация правил о порядке рассмотрения гражданских споров в Европейском Союзе и США и ее влияние на эволюцию принципов гражданского судопроизводства в странах Латинской Америки (статья) // Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов». Серия: Юридические науки. № 5, 2009. С. 141.
12. Ерпылева Н.Ю. – Международное гражданско-процессуальное право: понятие, предмет и система // Международное право. – 2013. – № 4. – С. 16–160. DOI: 10.7256/2306-9899.2013.4.10362 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=10362 (дата обращения: 10.10.2022).
13. Ерпылева Н.Ю. Понятие, источники и принципы международного гражданско-процессуального права. // «Законодательство и экономика». 2012. № 3. С. 36.
14. Зайцев Р.В. Признание и приведение в исполнение в России иностранных судебных актов / Под ред. В.В. Яркова. М., 2007. С. 21.
15. Звекон В.П. Международное частное право: Курс лекций. М.: Норма, 2001. С. 113.
16. Зимненко Б.Л. К вопросу об исполнении и признании иностранных судебных и арбитражных решений при условии взаимности // Журнал российского права. 2006. № 8 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ispolnenii-i-priznanii-inostrannyh-sudebnyh-i-arbitrazhnyh-resheniy-pri-uslovii-vzaimnosti> (дата обращения: 26.11.2022).
17. Костин, А.А. Правовые основания признания и исполнения иностранных судебных решений в Российской Федерации: монография / А.А. Костин. – Москва: Статут, 2020. – 207 с. – ISBN 978-5-8354-1599-1. – Текст: электрон-

- ный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1225740> (дата обращения: 20.10.2022).
18. Международный гражданский процесс: учебник для бакалавриата и магистратуры / И.В. Гетьман-Павлова, А.С. Касаткина, М.А. Филатова: под общ. ред. И.В. Гетьман-Павловой. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 271 с.
 19. Международное право: учебник / под ред. Г.И. Тункина. М.: Юрид. лит., 1994–512 с.
 20. Международное частное право: краткий курс лекций / И.В. Гетьман-Павлова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 207 с.
 21. Международное частное право: учебник для академического бакалавриата / под ред. Н.И. Марышевой. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 507 с.
 22. Международное частное право в вопросах и ответах: учебное пособие / Данилочкина О.А. – Москва: Проспект, 2016. – 80 с.
 23. Международное частное право: учебник / В.А. Канашевский. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Международные отношения, 2019. – 1064 с.
 24. Международное частное право: учебник / отв. ред. Г.К. Дмитриева. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2016. – 680 с.
 25. Международное частное право: Учебник / отв. ред. Г.К. Дмитриева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012. – 688 с.
 26. Нешатаева Т.Н. Международное частное право и международный гражданский процесс. М.: Городец, 2004. – 624 с.
 27. Николаев С.В. Взаимность в международном праве // Новый юрид. журн. 2012. № 2. С. 88.
 28. Николукин С.В. Институт оказания правовой помощи в гражданском процессе с участием иностранных лиц: вопросы теории и практики // Современный юрист. 2012. № 1. С. 107.
 29. Османов Т.С. Практические вопросы применения судами Российской Федерации международных соглашений: справочно методическое пособие. М., 2011. С. 42.
 30. Петрова М.М. Тенденции развития правового регулирования в сфере оказания международной правовой помощи по сбору и получению доказательств, находящихся на территории иностранных государств, по гражданским делам // Адвокат. – 2011. – № 11. – С. 74.
 31. Принципы трансграничного гражданского процесса = ALI/UNIDROIT Principles of Transnational Civil Procedure / Пер. с англ. [Виноградова Е.А., Филатова М.А.]. М.: Инфотропик Медиа, 2011. – 240 с.
 32. Саенко А.В. Принципы международного гражданского процесса: диссертация... кандидата юридических наук. Москва, 2013.
 33. Словарь международного права / Отв. ред. Егоров С.А., – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2014. – 495 с. ISBN 978–5–8354–1010–1. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/463079> (дата обращения: 25.11.2022).
 34. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
 35. Соболев И.Д. Основополагающие начала и принципы международного частного права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovopolagayuschie-nachala-i-printsipy-mezhdunarodnogo-chastnogo-prava> (дата обращения: 07.10.2022).
 36. Сорокина Т.В. Институт судебных поручений в гражданском судопроизводстве Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2015.
 37. Стихина А.И. Способы установления содержания норм иностранного права судом // Арбитражные споры. 2008. № 1. С. 148.
 38. Терентьева Л.В. Судебная юрисдикция по разрешению трансграничных частноправовых дел в контексте принципа международного сотрудничества государств // Lex Russica. 2021. № 3 (172). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-yurisdiksiya-po-razresheniyu-transgranichnyh-chastnopravovyh-del-v-kontekste-printsipa-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 17.11.2022).
 39. Шукин А.И. Принципы осуществления правосудия по гражданским делам с участием иностранных лиц // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4. С. 96–108; № 5. С. 94–107.
 40. Юнусов, А.А. Соотношение законности и правопорядка в теории права / А.А. Юнусов, А.Г. Ахвердян // Юрист Юга России и Закавказья. – 2019. – № 1(25). – С. 34–37.
 41. Юрова Н.М. Международное гражданское процессуальное право: теоретические основы имплементации норм в правовой системе Российской Федерации. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 104.
 42. Dodge, William S., International Comity in American Law (January 30, 2015). 115 Columbia Law Review 2071, UC Davis Legal Studies Research Paper No. 470, // URL: <https://ssrn.com/abstract=2558175> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2558175> (дата обращения: 17.11.2022).
 43. Hessel E. Yntema, The Comity Doctrine, 65 MICH. L. REV. 9 (1966). // URL: <https://repository.law.umich.edu/mlr/vol65/iss1/3> (дата обращения: 17.11.2022).
 44. Lauterpacht H. Op. cit. P. 43.

EXECUTION OF FOREIGN LETTERS ROGATORY AS A MATTER OF INTERNATIONAL COMITY (“COMITAS GENTIUM”)

Karandasheva N.N.

Moscow State University of Law them. O.E. Kutafin (MSAL)

Objective: identification of legal and doctrinal approaches to the execution of foreign letters rogatory in the absence of international treaties and evaluation of international comity as a generally recognized principle of law.

Method: on the basis of a comparative legal analysis of legal and doctrinal approaches to the definition of the concept of international comity ("comitas gentium") the features of the content of this concept are identified; on the basis of the formal-legal method of research the characteristic features of international comity are identified.

Results: based on the analysis of domestic doctrine the article raises the question of the validity of attributing international politeness to the generally recognized principles of law, the principles of international public and private international law, as well as to the principles of international civil procedure. In this regard, the article refutes the arguments of qualification of international comity as an international principle and justifies the execution of letters rogatory based on the principle of international cooperation enshrined in the UNIDROIT / ALI / UNIDROIT Principles and Rules of Transnational Civil Procedure in the absence of an international treaty.

Keywords: international civil procedure; principles of international civil procedure; foreign judicial assignments; ALI/UNIDROIT Principles; order of international comity; comitas gentium; principle of international judicial cooperation.

References

1. Anufrieva L.P. International private law. In 3 volumes. Volume 3. Cross-border bankruptcies. International commercial arbitration. International civil procedure: Textbook. – M.: BEK Publishing House, 2001. – 768 p.
2. Anufrieva L.P. International private law: In 3 vols. 1. General part: textbook. M.: BEK, 2002. 288 p.
3. Anufrieva L.P. Principles in modern international law (some issues of the concept, nature, genesis, essence and content). Moscow Journal of International Law. 2021;(1):6–27. URL: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27> (accessed: 10/20/2022).
4. Anufrieva L.P. Enigma of the Russian Constitution of 1993: "generally recognized principles and norms of international law" // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No.3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/enigma-rossiyskoy-konstitutsii-1993-goda-obschepriznannye-printsipy-i-normy-mezhdunarodnogo-prava> (date of appeal: 10/23/2022).
5. Babai A.N., Timoshenko V.S. Generally recognized principles and norms of international law as an integral part of the Russian legal system // International public and private law. 2006. No. 6. pp. 30–33.
6. Babai A.N., Timoshenko V.S. The role of generally recognized principles and norms of international law in the legal system of Russia // Law. 2006. No. 11. pp. 95–100.
7. Belyaeva N.G. Features of consideration of cases involving foreign persons in the arbitration court: a practical guide. M., 2012. p. 136.
8. Boguslavsky M.M. International private law: Textbook. – 4th ed., reprint. and add. – M: Jurist, 2002. – 462 p.
9. Getman-Pavlova I.V. The concept of "Politeness" in the conflict doctrine of Ulrich Huber // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2013. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-vezhlivost-v-kollizionnoy-doktrine-ulrika-gubera> (date of appeal: 10/27/2022).
10. Davydenko D., Muranov A. Issues of recognition and (or) enforcement of foreign decisions in Russia // Corporate Lawyer. 2007. No. 3. p.46.
11. Ermakova E.P. Unification of the rules on the procedure for consideration of civil disputes in the European Union and the USA and its impact on the evolution of the principles of civil procedure in Latin America (article) // Journal "Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia". Series: Legal Sciences. No. 5, 2009. p. 141.
12. Erpyleva N. Yu. – International civil procedure law: concept, subject and system // International Law. – 2013. – No. 4. – pp. 16–160. DOI: 10.7256/2306-9899.2013.4.10362 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=10362 (date of application: 10.10.2022).
13. Erpyleva N. Yu. The concept, sources and principles of international civil procedure law. // "Legislation and Economics". 2012. No. 3. p. 36.
14. Zaitsev R.V. Recognition and enforcement of foreign judicial acts in Russia / Edited by V.V. Yarkov. M., 2007. p. 21.
15. Zvekov V.P. International private law: Course of lectures. M.: Norma, 2001. p. 113.
16. Zimnenko B.L. On the issue of execution and recognition of foreign judicial and arbitration decisions on condition of reciprocity // Journal of Russian Law. 2006. No.8 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ispolnenii-i-priznanii-inostrannyh-sudebnyh-i-arbitrazhnyh-resheniy-pri-uslovii-vzaimnosti> (accessed: 11/26/2022).
17. Kostin, A.A. Legal grounds for recognition and enforcement of foreign judgments in the Russian Federation: monograph / A.A. Kostin. – Moscow: Statute, 2020. – 207 p. – ISBN 978-5-8354-1599-1. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1225740> (date of appeal: 10/20/2022).
18. International civil procedure: textbook for bachelor's and master's degree / I.V. Getman-Pavlova, A.S. Kasatkina, M.A. Filatova: under the general editorship of I.V. Getman-Pavlova. – M.: Yurayt Publishing House, 2017. – 271 p.
19. International law: textbook / edited by G.I. Tunkin. M.: Legal lit., 1994–512 p.
20. Private international law: a short course of lectures / I.V. Getman-Pavlova. – 4th ed., reprint. and additional – M.: Yurayt Publishing House, 2013. – 207 p.
21. Private International law: textbook for academic bachelor's degree / edited by N.I. Marysheva. – 4th ed., ispr. and add. – M.: Yurayt Publishing House, 2015. – 507 p.
22. Private international law in questions and answers: textbook / Danilochkina O.A. – Moscow: Prospect, 2016. – 80 p.
23. Private international law: textbook / V.A. Kanashevsky. – 4th ed., reprint. and additional – M.: International Relations, 2019. – 1064 p.
24. Private International law: textbook / ed. by G.K. Dmitriev. – 4th ed., reprint. and add. – Moscow: Prospekt, 2016. – 680 p.
25. Private International Law: Textbook / ed. by G.K. Dmitriev. 3rd ed., reprint. and additional M.: Prospect, 2012. – 688 p.
26. Neshataeva T.N. International private law and international civil procedure. M.: Gorodets, 2004. – 624 p.
27. Nikolaev S.V. Reciprocity in international law // Novy jurid. journal. 2012. No. 2. p. 88.
28. Nikolyukin S.V. Institute of Legal Assistance in civil proceedings involving foreign persons: issues of theory and practice // Modern Lawyer. 2012. No. 1. p. 107.
29. Osmanov T.S. Practical issues of the application of international agreements by courts of the Russian Federation: a reference manual. M., 2011. p. 42.
30. Petrova M.M. Trends in the development of legal regulation in the field of international legal assistance in collecting and obtaining evidence located on the territory of foreign states in civil cases // Advocate. – 2011. – No. 11. – p. 74.
31. Principles of cross-border civil procedure = ALI/UNIDROIT Principles of Transnational Civil Procedure / Translated from English. [Vinogradova E.A., Filatova M.A.]. M.: Infotropik Media, 2011. – 240 p.
32. Saenko A.V. Principles of international civil procedure: dissertation... candidate of Legal Sciences. Moscow, 2013.
33. Dictionary of International Law / Ed. Egorov S.A., – 3rd ed., reprint. and add. – Moscow: Statute, 2014. – 495 p. ISBN 978-5-8354-1010-1. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/463079> (date of reference: 11/25/2022).
34. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / RAS, Institute of Linguistics. Research; Edited by A.P. Evgenieva. – 4th ed., ster. – M.: Rus. yaz.; Polygraph Resources, 1999.
35. Sobolev I.D. Fundamental principles and principles of private international law // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2015. No.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovopolagayuschie-nachala-i-printsipy-mezhdunarodnogo-chastnogo-prava> (date of application: 07.10.2022).
36. Sorokina T.V. Institute of Court Orders in Civil Proceedings of the Russian Federation. Diss. ... cand. jurid. sciences'. – Voronezh, 2015.
37. Stikhina A.I. Methods of establishing the content of the norms of foreign law by the court // Arbitration disputes. 2008. No. 1. p. 148.
38. Terentyeva L.V. Judicial jurisdiction for the resolution of cross-border private law cases in the context of the principle of international cooperation of States // Lex Russica. 2021. No. 3 (172). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-yurisdiksiya-po-razresheniyu-transgranichnyh-chastnopravovyh-del-v>

- kontekste-printsipa-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva (date of application: 17.11.2022).
39. Shchukin A.I. Principles of the administration of justice in civil cases involving foreign persons // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. 2018. № 4. p. 96–108; № 5. p. 94–107.
 40. Yunusov, A.A. Correlation of legality and law and order in the theory of law / A.A. Yunusov, A.G. Akhverdyan // *Lawyer of the South of Russia and Transcaucasia*. – 2019. – № 1(25). – Pp. 34–37.
 41. Yurova N.M. *International civil procedural law: theoretical foundations of the implementation of norms in the legal system of the Russian Federation*. Moscow: Volters Kluwer, 2010. p. 104.
 42. Dodge, William S., *International Comity in American Law* (January 30, 2015). 115 *Columbia Law Review* 2071, UC Davis Legal Studies Research Paper No. 470, // URL: <https://ssrn.com/abstract=2558175> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2558175> (date of application: 17.11.2022).
 43. Hessel E. Yntema, *The Comity Doctrine*, 65 *MICH. L. REV.* 9 (1966). // URL: <https://repository.law.umich.edu/mlr/vol65/iss1/3> (date of application: 17.11.2022).
 44. Lauterpacht H. *Op. cit.* P. 43.

Международный правовой анализ реализации санкций и контрсанкций в области гражданской авиации в условиях проведения СВО

Ли Дапэн,

Исследователь Центра воздушного и космического права
Китайского политико-юридического университета
E-mail: dapengli1989@163.com

С началом специальной военной операции (далее СВО) гражданская авиация станет противным объектом санкций и контрсанкций. Что касается контрсанкций, совершенных Россией, если с точки зрения конвенции Россия нарушает обязанности, предусмотренных в воздушного судна «Конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования» и воздушного судна «Конвенции о международной гражданской авиации», но если ее контрсанкции представляют собой реторию, разрешенные международным обычным правом, то незаконность контрсанкций может быть исключена, нельзя небрежно определять, что контрсанкции нарушают международное право. Тем не менее, если Россия ограничивает право на требование третьей страны, которые не является заинтересованной страной, что может быть превышено за пределы контрсанкций, разрешенных международным обычаем, что может быть незаконным со стороны международного права.

Ключевые слова: СВО, Санкции в областях гражданской авиации, Международное договорное право, Международное обычное право

В настоящее время санкции стали основным инструментом внешней политики стран, которые применяются ими для достижения своих политических и экономических целей [1]. Воздушные суда часто пересекают национальные границы, летают по всему миру и имеют высокую стоимость, поэтому, финансовый лизинг с целью использования воздушных судов стал одним из наиболее глобальных видов коммерческой деятельности, а также объектом санкций и последующих контрсанкций. Ситуация весьма существенно усугубилась на фоне проведения СВО, так как на сегодняшний день соответствующие стороны ввели жесткие санкции и контрсанкции против авиационной отрасли, что серьезно повлияло на отрасль финансового лизинга с целью использования воздушных судов. Все эти многочисленные санкции и контрсанкции имеют четкую правовую основу, однако проблема их международно-правовой оценки единого разрешения пока не получила. Этот проблемный аспект действует вне зависимости от того, что каждая страна имеет право осуществлять внешнеэкономическую и торговую деятельность по своему желанию и самостоятельно определять объекты и методы торговли [1]. Одновременно с этим, внутреннее управление современной страны стеснено ее собственной конституцией и законами, а ее участие в международном торговом обороте и иных международно-правовых отношениях ограничивается международным верховенством права [2]. Поэтому, будь то санкции, инициированные западными странами во главе с США или контрсанкции, введенные Россией в ответ на санкции, они должны сдерживаться международным правопорядком и сталкиваться с двойной оценкой международного договорного права и международного обычного права.

С позиций международного договорного права и международного обычного права, в данной статье анализируется международная правомерность санкций западных стран во главе с США в отношении гражданской авиации России при СВО, а также контрсанкций, принятых Россией.

Санкции и контрсанкции против гражданской авиации в условиях СВО

После объявления СВО, США, ЕС и Великобритания ввели жесткие санкции в отношении гражданской авиационной отрасли России. Министерство торговли США внесло поправки в Правила экспортного контроля, чтобы полностью запретить экспорт воздушных судов и двигателей в Россию [3]. ЕС

Статья подготовлена при финансовой поддержке Национального исследовательского проекта Министерства юстиции КНР по вопросам верховенства права и теории права «Исследование международно-правовых вопросов по авиационной безопасности» (19SFB2055).

запретило государствам-членам и физическим лицам предоставлять России сопутствующие товары (включая самолеты и их детали) и технологии (включая техническое обслуживание, капитальный ремонт, проверку, замену, модификацию самолетов и т.д.) и запретило предоставление России услуги по финансированию, страхованию и перестрахованию в отношении авиационной предметов и технологий (с 28 марта 2022 г. применяется ретроспективно к договорам, заключенным сторонами до 26 февраля 2022 г.) [4]. Великобритания запретила поставку в Россию предметов и технологий, связанных с авиационным, а также предоставление России услуг по финансированию, страхованию и перестрахованию, связанных с предметами и технологиями самолетов [5].

Санкции, введенные США, ЕС и Великобританией, охватывают операции по финансовому лизингу во всех сферах, что являются всеобъемлющими и точными и направлены на то, чтобы авиакомпании РФ не могли приобретать воздушные суда на международном рынке.

В ответ на санкции Россия приняла ряд контрсанкционных мер в области финансового лизинга самолетов. В частности, Россия приняла две контрсанкционные меры.

Законопроект об исполнении обязательств

22 марта 2022 года Законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» внесен в Государственную думу РФ (далее – Государственная дума) для рассмотрения. В законопроекте предусмотрено, что если в связи с наложенными на Россию санкциями исполнение тех или иных обязательств объективно невозможно, то данные обязательства будут прекращаться полностью или частично. Также в нем указано, что неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства не считается нарушением договора, если в связи с наложенными на Россию санкциями его надлежащее исполнение является объективно невозможным. Также отмечается, что кредитор имеет право в одностороннем порядке расторгнуть договор, если должник не выполняет или ненадлежащим образом выполняет свои обязательства из-за санкций против России. Данный проект будет применяться ретроспективно с 24 февраля 2022 года [6].

Указ о регистрации лизинговых иностранных самолетов

14 марта 2022 года Президент России Владимир Путин подписал Указ, в котором аэрофлоту РФ разрешено сохранять свои самолёты и продолжать эксплуатацию иностранных самолётов, а также разрешено регистрировать свои права на лизинговые иностранные самолеты. В свою очередь, соответствующим органам разрешено зарегистрировать и выдать свидетельство лётной годности [7].

Эти два закона вызывают следующие два правовых последствия: так, сегодня иностранным

лизингодателям запрещено забирать самолеты из России. Во-вторых, самолеты, зарегистрированные за границей, могут эксплуатироваться на территории России. Более того, Россия снова регистрирует свидетельство лётной годности, чтобы эксплуатировать данные самолеты в России. Контрсанкции России носят в определенной степени целенаправленный характер и направляются на то, чтобы иностранные лизингодатели не могли забирать самолеты с территории России, а также на то, чтобы минимизировать влияние санкций на авиатранспортную отрасль России.

По сути, контрсанкции относятся к области односторонних санкций. Односторонние санкции представляют собой ситуацию, при которой одна или несколько стран или групп стран, которые «автономно» решают принять экономические, торговые или другие принудительные меры без принуждения многосторонних договорных механизмов, чтобы заставить другую страну изменить свою политику и имеют характер «самозащиты», которые развиваются из «реторсии» [1]. Законность традиционных контрсанкций не имеет четких границ и вызывает спорность, в связи с чем, необходимо оценивать их с точки зрения международного договорного права и международного обычного права.

Правовой анализ контрсанкций в области гражданской авиации со стороны международного договорного права

С точки зрения международного договорного права, контрсанкции России сталкиваются со следующими спорными вопросами: во-первых, правомерно ли использование отечественного законодательства для предотвращения возврата самолета арендодателям? Во-вторых, правомерно ли признание двойного гражданства самолетов в соответствии с отечественным законодательством? Рассмотрим данные вопросы более детально.

Запрет, выдвинутый лизингодателям

«Протокол по авиационному оборудованию» к Конвенции «О международных гарантиях в отношении подвижного оборудования» конкретно предусматривает две меры по оказанию помощи в отношении воздушного судна, в том числе: (а) заявление на аннулирование регистрации воздушного судна; (б) осуществление экспорта и физического перемещения воздушного судна с места их нахождения. Но эти две меры должны быть согласованы с должником и могут быть осуществлены только в пределах, согласованных с должником. С предварительного согласия должника, данная статья позволяет кредитору обращаться к органу воздушного судна и сотрудничать с ним в процедурах аннулирования и экспорта. В соответствии с Конвенцией «О международных гарантиях в отношении подвижного оборудования» данные процедуры в основном осуществляются по двум путям: один из них – через суд, а другой представляет собой заявление на ре-

гистрацию безотзывного аннулирования и разрешения на экспорт (irrevocable de-registration and export request authorization, далее – IDERA). Так называемый IDEAR выдается должником и порождает следующие последствия: (а) уполномочивает уполномоченную сторону (кредитора) обращаться в орган регистрации воздушного судна и другие соответствующие органы за разрешением на аннулирование и экспорт воздушного судна и разрешение является безотзывным; (б) орган регистрации воздушного судна или другой орган обязан уважать заявление уполномоченной стороны и сотрудничать с ним [8]. IDEAR вступает в силу после подписания должником и регистрации в органе регистрации воздушного судна.

Очевидно, что IDEAR представляет собой специальную систему, созданную «Протоколом по авиационному оборудованию» к Конвенции «О международных гарантиях в отношении подвижного оборудования» для облегчения лизингодателем трансграничного возврата воздушного судна. В частности, это представляет собой безотзывное письменное разрешение, выданное арендаторам лизингодателем, позволяющее арендаторам в одностороннем порядке обратиться в орган регистрации воздушного судна государства и другие соответствующие органы с просьбой об аннулировании и экспорте воздушного судна. В соответствии с данной лицензией, договаривающееся государство обязано сотрудничать с арендатором в проведении процедуры аннулирования и экспорта воздушного судна, с тем, чтобы лизингодатель смог быстро вернуть воздушное судно.

Стоит отметить, что РФ является стороной Авиационного протокола «Кейптаунской конвенции», поэтому, когда иностранный лизингодатель получает IDERA, он обязан сотрудничать с арендатором в проведении процедур аннулирования и экспорта воздушных судов.

Разрешение авиационному оборудованию иметь двойное гражданство

В отличие от общего движимого имущества воздушное судно всегда имеет национальность. Согласно Конвенции «О международной гражданской авиации» 1944 года, а именно ст. 17, воздушное судно имеет национальность страны [9] в которой оно регистрируется. Согласно ст. 18 Конвенции, регистрация воздушного судна может быть перенесена из одной страны в другую, но не может быть зарегистрирована в более чем двух странах. Поэтому, самолет имеет только одну национальность и не может иметь более двух национальностей [9]. Государство национальной принадлежности воздушного судна обязано обеспечивать безопасную эксплуатацию своего зарегистрированного воздушного судна, независимо от того, где эксплуатируется воздушное судно. Данное зарегистрированное воздушное судно должно соответствовать законам и правилам по безопасности государства, в котором регистрируют воздушное судно.

В сделках финансового лизинга воздушного судна, право собственности на воздушное судно принадлежит лизингодателю, но лицо, которое фактически эксплуатирует авиационное оборудование, является арендатором. Если авиационное оборудование регистрируют в стране лизингодателя, страна-лизингодатель не сможет эффективно контролировать авиационное оборудование из-за фактической эксплуатации авиационного оборудования в стране арендатора. Наоборот, если авиационное оборудование регистрируется в стране арендатора, в случае невыполнения лизингодателем обязательств, арендатор также столкнется с очень сложными процедурами при возврате авиационного оборудования, включая аннулирование первоначальной национальности, возвращение авиационного оборудования, перерегистрацию национальности и прочим [10]. Поэтому, чтобы адаптироваться к развитию международного финансирования авиационного оборудования и лучше регулировать и контролировать вопросы авиационной безопасности при международном финансировании авиационного оборудования, на 23-й сессии Ассамблеи ИКАО приняли статью 83-бис Конвенции о международной гражданской авиации. Статья 83-бис предусматривает, что в случае, если зарегистрированное воздушное судно в Договаривающемся государстве, сдается в аренду, зафрахтовывается или обменивается эксплуатантом другого Договаривающегося государства, государство регистрации может по соглашению с таким другим государством передать ему все или часть своих функций и обязанностей как государства регистрации в отношении этого воздушного судна. Государство регистрации больше не несет ответственности за переданные функции или обязательства. Однако для аналогичных соглашений между договаривающимися государствами их необходимо зарегистрировать в Совете ИКАО, либо уведомить другие договаривающиеся Государства напрямую, в противном случае, передача не будет иметь силы в отношении других договаривающихся Государств.

Можно заметить, что согласно статье 83-бис Конвенции, ответственность за управление воздушными суднами и их регулирование, может быть передана от государства первоначальной регистрации воздушного судна государству эксплуатации по соглашению между ними. Исходя из этого, Россия достигла таких договоренностей с Бермудскими островами, Ирландией и другими странами, для решения вопроса национальности воздушных судов российских авиакомпаний, предоставляемых иностранными лизингодателями. Например, в 1999 г. между Бермудскими островами и Россией было достигнуто двустороннее соглашение о передаче регулирующих функций (Agreement between the Government of Bermuda Department of Civil Aviation and Federal Aviation Administration of Russia Concerning the Transfer of Regulatory Oversight Functions and Duties). Согласно конвенции, для воздушных судов, эксплуатируемых в России, Бермудские

острова, как страна регистрации, передает обязанности по Приложению 1 «Выдача свидетельств авиационному персоналу», Приложению 2 «Правила полетов» и Приложению 6 «Эксплуатация воздушных судов» к Конвенции о международной гражданской авиации.

Очевидно, что хотя среди договаривающихся сторон Конвенции «О международной гражданской авиации» ответственность за управление и регулирование воздушных судов может быть передана от страны первоначальной регистрации воздушного судна стране, в которой воздушное судно эксплуатируется, воздушным судам не разрешается иметь двойное гражданство, Воздушное судно может быть зарегистрировано в другом Договаривающемся государстве только после того, как оно было аннулировано с первоначальным государством регистрации.

Правовой анализ контрсанкций РФ со стороны международного обычного права

Вообще международное обычное право в отношении контрсанкций в основном отражается в «Проекте положений об ответственности государств» (далее именуемый «Проект»), составленном Комиссией международного права Организации Объединенных Наций. Несмотря на то, что данный проект не вступил в силу, он носит международный обычный правовой характер.

Реторсия представляет собой поведение, которое, хотя обычно является незаконным, разрешается в исключительных случаях в качестве ответа государства на нарушение его прав другим государством [11]. Согласно положениям статьи 22 «Проекта», когда государство не выполняет своих международных обязательств перед другим государством, его незаконность может быть исключена, если поведение представляет собой контрсанкции. Следовательно, контрсанкции против нарушений договорных обязательств могут быть незаконными, но противоправность может быть исключена, если нарушение совпадает с критериями законности контрсанкции по обычному международному праву.

Контрсанкции являются одним из наиболее противоречивых вопросов ответственности государств за международно-противоправное поведение [12]. Обычно считается, что законность контрсанкции зависит от следующих элементов: целевое государство ранее совершило международно-противоправное деяние, они соразмерны и прочих [13]

Противоправность предшествующего поведения со стороны международного права

Реторсия является ответом на нарушение международного права, то есть на международно-противоправное деяние. Международное обычное право наделяет каждое государство полномочиями принимать ответные меры, когда его интересы нарушаются другим государством, то есть вводить ограниченное вмешательство в сферу интересов другого государства [11].

Согласно пункту 1 статьи 49 Проекта, контрсанкции должны быть направлены на международные противоправные деяния, отвечающие двум элементам: приписываемые ответственному государству и нарушение международных обязательств. Прежде всего, статьи 4–11 части первой «Проекта» содержат конкретные положения о «действиях, которые могут быть отнесены к государству», в которых действия, совершаемые государственными органами, являются действиями, которые могут быть отнесены к государству. Обычно считается, что международная легитимность экономических санкций проистекает из двух аспектов: одним из них является выполнение решения Совета Безопасности ООН о коллективных санкциях, а другим – контрсанкции, разрешенные международным правом, то есть санкции, принимаемые против страны-правонарушителя страной, которая непосредственно совершила международное противоправное деяние. Экономические санкции западных стран во главе с США не реализуют и коллективных санкционных постановлений Совета Безопасности ООН и западные страны во главе с США не пострадали от международно-противоправных действий в СВО. Таким образом, с точки зрения России, экономические санкции, введенные западными странами во главе с США, не являются санкциями в рамках существующей международно-правовой базы и не имеют таковой.

Соразмерность

Общепризнанным принципом является то, что реторсии должны быть пропорциональны противоправному деянию, против которого они направлены, что представляет собой общепринятый принцип. Согласно статье 51 Проекта, контрсанкции должны быть пропорциональны нанесенному ущербу и должны учитывать тяжесть международно-противоправного деяния и соответствующие права. Требование соразмерности фактически отражает характер контрсанкции, то есть цель контрсанкции состоит в том, чтобы побудить другую сторону выполнить свои международные обязательства, а не наказать их.

При оценке соразмерности контрсанкции необходимо не только учитывать степень ущерба, понесенного страной, принимающей контрсанкции, а также степень контрсанкции, но и сравнивать «количество» этих двух мер и учитывать серьезность деяния и серьезность соответствующих прав, то есть провести «качественное» сравнение между ними. Например, в деле о Gabčíkovo-Nagymaros Project постоянная палата международного правосудия постановила, что совместное использование ресурсов судоходных рек является универсальным и основным законным правом, а односторонние действия Чехословакии лишили Венгрию права на эти природные ресурсы, что является базовым правом, поэтому контрсанкции Чехословацкой Словакии были не пропорциональны [14]. Можно заметить, что в этом деле постоянная палата международного правосудия приняла меру

пропорциональности в отношении характера прав, от которых пострадало потерпевшее государство и ответственное государство. Кроме того, на практике бывают ситуации, когда арбитражные суды используют наличие альтернативных мер с меньшим ущербом в качестве одного из критериев для оценки соразмерности контрсанкции [15]. Тем не менее критерии оценки «соразмерности» в обычном международном праве все еще очень неясны, что затрудняет оценку соразмерности.

В рамках санкций и контрсанкций, введенных США, Британией, ЕС и Россией в области авиации, США, Британия и ЕС приняли законы и другие формы, запрещающие своим гражданам предоставлять самолеты, технологии, услуги и т.д. в Россию, в то время как Россия принимает ряд мер по предотвращению вывоза самолетов из России иностранцами. Нет никакой очевидной разницы в характере прав между санкциями и контрсанкциями. Поэтому трудно сделать вывод о том, что контрсанкции, совершаемые Россией, не являются незаконными.

Временность

Согласно пункту 2 статьи 49 Проекта, контрсанкции ограничиваются приостановлением действия определенных международных обязательств перед ответственным государством. Временное неисполнение – срок для осуществления контрсанкции. Этот срок связывается с целью контрсанкций, то есть целью контрсанкций является побуждение ответственного государства к выполнению своих обязательств. Цели наказать ответственное государство в данном случае нет. Следовательно, контрсанкции не должны продолжаться до тех пор, пока ответственное государство не выполнит свои обязательства.

В соответствии со статьей 49.3, статьей 53 и статьей 52.3 (b) Проекта, контрсанкции должны позволять исполняющей стороне возобновить выполнение соответствующих обязательств. Контрсанкции прекращаются, как только ответственное государство выполняет свои обязательства в отношении международно-противоправного поведения в соответствии с частью второй и контрсанкции должны быть прекращены как можно скорее. Также необходимо прекратить принимать контрмеры, если соответствующее государство обращается в компетентный суд или трибунал, компетентный принимать обязательные для исполнения решения. Статья 53 «Проекта» является акцентом на статье 49, так как в ней подчеркивается, что контрсанкции должны быть прекращены «немедленно» при выполнении обязательств ответственным государством. В настоящее время санкции, введенные США, Великобританией и ЕС, продолжают действовать, поэтому продолжение контрсанкций из России является обоснованным.

Вопросы по процессу

В статье 52 «Проекта» предусматривают процессуальные вопросы принятия контрсанкции. Согласно

пункту 1 статьи 52 Проекта, потерпевшее государство сможет потребовать от ответственного государства выполнения своих обязательств по прекращению ущерба и возмещению ущерба, а также обязано уведомить ответственное государство о любом решении. Принцип данного положения заключается в том, что контрсанкции могут повлечь за собой более серьезные последствия для другой стороны, поэтому о них необходимо уведомить заранее. Пункт 2 статьи 52 «Проекта» позволяет потерпевшему государству принимать «необходимые срочные контрсанкции для защиты своих прав», то есть «Проект» позволяет потерпевшему государству принимать меры для своей защиты, если требование об уведомлении в пункте 1 препятствует реализации контрсанкции.

О своих контрсанкциях Россия не уведомила заранее другие страны, в более серьезной ситуации заблаговременное уведомление других стран о принимаемых контрсанкциях может привести к тому, что иностранные субъекты начнут подготовку к возврату самолета сразу после уведомления, что может полностью свести на нет цель контрсанкций России. Поэтому вопрос о том, соответствуют ли применяемые Россией контрсанкции требованиям международного обычного права в процедурном отношении необходимо рассматривать в общей ситуации, и нельзя просто считать, что они не соответствуют процессуальным требованиям «Проекта» из-за отсутствия предварительного уведомления и переговоров.

Видно, что с точки зрения международного обычного права еще есть пространство для дискуссии о том, нарушают ли контрсанкции России обычное международное право и нельзя просто определить, что контрсанкции России нарушают международное обычное право.

Заключение

Корень разрушительной силы экономических санкций со стороны западных стран заключается в их доминирующем положении на мировом рынке финансового лизинга самолетов и в их абсолютной монополии в авиастроительной отрасли. Поэтому для того, чтобы эффективно бороться с любыми аналогичными санкциями и контрсанкциями, которые могут возникнуть в будущем, Китай должен стремиться улучшить свой статус и свою долю на мировом рынке финансового лизинга самолетов, особенно поощрять и поддерживать китайские лизинговые компании в предоставлении воздушного судна китайского производства, что станет важной возможностью для самолета C919 разрушать монополию Boeing и Airbus, а также возможностью для выхода на международный рынок.

Литература

1. Хуо Чжэнсинь. Международно-правовые значения закона об контрсанкции против иностранных санкций /Хуо Чжэнсинь // Сравнительное правоведение. – № 4–2021 – с. 144.

2. Боденхаймер. Юриспруденция Боденхаймера. /переводчик Pan Handian/ Юридическое издательство – 2014 – с. 46.
3. Расширение санкций против России и Беларуси в соответствии с Правилами экспортного контроля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.federalregister.gov/documents/2022/04/14/2022-07937/expansion-of-sanctions-against-russia-and-belarus-under-the-export-administration-regulations-ear>. (дата обращения 20.12.2022)
4. РЕГЛАМЕНТ СОВЕТА (ЕС) 2022/328. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/328/oj> (дата обращения 3.11.2022)
5. Регламент Россия (Санкции) (Выход из ЕС) (Поправка) (№ 6) 2022 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukSI/2022/241/made> (дата обращения 3.11.2022 г.)
6. Законопроект № 92282–8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/92282-8> (дата обращения 3.11.2022 г.)
7. Федеральный закон от 14.03.2022 № 56-ФЗ.
8. Статья IX (5) Авиационного протокола Donald Gray, Jason MacIntyre and Jeffrey Wool, The Interaction between Cape Town Convention Repossession Remedies and Local Procedural Law: a Civil Law Case Study, Cape Town Convention Journal, Vol. 4, 2015, No. 1, P. 26.
9. Конвенция о международной гражданской авиации (с изменениями на 26 октября 1990 года)
10. Брайан Ф. Х., Габриэль С.С. Принципы и практика международного авиационного права// изд-во Кембриджского университета – 2014 г. – с. 343.
11. Ханс Кельзен. Принципы международного права./Ван Тизя// издательство Huaxia. – 1989 – с. 20.
12. Джеймс Кроуфорд, Положения об ответственности государств за международно-противоправные поведения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/rsiwa/rsiwa_c.pdf (дата 3.11.2022)
13. Масахико А. Экономические санкции в международном праве и практике // Routledge Press-2019- с. 11.
14. Проект Габчиково-Надьмарош Территориальная юрисдикция Международной комиссии по реке Одер, Решение № 16, 1929 г., PCIJ, Серия А, № 23, с. 27.
15. МЦУИС, Archer Daniels Midland Company и Tate & Lyle Ingredients Americas, Inc. против Мексиканских Соединенных Штатов, дело № ARB(AF)/04/05, решение, 21 ноября 2007 г., п. 160.

STUDY ON THE LEGITIMACY OF THE ANTI-SANCTIONS MEASURES IMPOSED BY RUSSIA IN CIVIL AVIATION INDUSTRY IN THE CONTEXT OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION

Li Dapeng

China University of Political Science and Law

With the beginning of the special military operation, civil aviation will become a nasty object of sanctions and counter-sanctions. Russia hereby has imposed some anti-sanctions measures confronting those sanctions. As for Russia's anti-sanctions measures, from the perspective of treaty law, Russia has violated the treaty obligations of Cape Town Convention and Chicago Convention. However, from the perspective of international customary law, Russia's anti-sanction measures constitute the countermeasures permitted by international law. Therefore, Russia's responsibility incurred by the violation of Cape Town Convention and Chicago Convention is excluded. In short, it cannot be simply concluded that Russia's anti-sanction measures violate international law.

Keywords: special military operation, civil aviation industry sanctions, treaty law, international customary law, countermeasures.

Referents

1. Huo Zhengxin. International legal meanings of the law on counter-sanctions against foreign sanctions / Huo Zhengxin // Comparative Law. – No. 4–2021 – p. 144.
2. Bodenheimer. Bodenheimer's Jurisprudence. / translator Pan Handian / Legal publishing house – 2014 – p. 46.
3. Expansion of sanctions against Russia and Belarus in accordance with the Export Control Rules. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.federalregister.gov/documents/2022/04/14/2022-07937/expansion-of-sanctions-against-russia-and-belarus-under-the-export-administration-regulations-ear>. (accessed 12/20/2022)
4. COUNCIL REGULATION (EU) 2022/328. [Electronic resource]. Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/328/oj> (accessed 11/3/2022)
5. Regulation Russia (Sanctions) (Withdrawal from the EU) (Amendment) (No. 6) 2022 [Electronic resource]. Access mode: <https://www.legislation.gov.uk/ukSI/2022/241/made> (Accessed 11/3/2022)
6. Bill No. 92282–8. [Electronic resource]. Access mode: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/92282-8> (date of access 3.11.2022)
7. Federal Law No. 56-FZ dated March 14, 2022.
8. Article IX(5) of the Aviation Protocol Donald Gray, Jason MacIntyre and Jeffrey Wool, The Interaction between Cape Town Convention Repossession Remedies and Local Procedural Law: a Civil Law Case Study, Cape Town Convention Journal, Vol. 4, 2015, no. 1, P. 26.
9. Convention on International Civil Aviation (as amended on October 26, 1990)
10. Brian F. Havel & Gabriel S. Sanchez, The Principles and Practice of International Aviation Law, Cambridge University Press, 2014, p.343.
11. Hans Kelsen. Principles of international law. / Wang Tiej / Huaxia publishing house. – 1989 – p. 20.
12. James Crawford, Provisions on State Responsibility for Internationally Wrongful Conduct. [Electronic resource]. Access mode: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/rsiwa/rsiwa_c.pdf (date 11/3/2022)
13. See Masahiko Asada, Economic Sanctions in International Law and Practice, Routledge Press, 2019, p.11.
14. See. Gabčíkovo-Nagyymaros Project, p. 56, paras. 85 and 87, citing Territorial Jurisdiction of the International Commission of the River Oder, Judgment No. 16, 1929, P.C.I.J., Series A, No. 23, p. 27.
15. ICSID, Archer Daniels Midland Company and Tate & Lyle Ingredients Americas, Inc.v. the United Mexican States, Case No. ARB(AF)/04/05, award, 21 November 2007, para. 160.

Правовые последствия неприменимости срока давности на основе понятия реактивности международного уголовного процесса

Манзанга Овид Кпанья,

аспирант юридического факультета Казанского федерального университета,

E-mail ovidemanzanga@gmail.com

Неприменимость срока давности является одним из основополагающих принципов международного уголовного правосудия. Это догматический принцип, который невозможно подвергать сомнению без причины, выходящей за рамки обычного. В данной статье делается попытка выявить темную сторону этого принципа в противостоянии с понятием судебной реактивности. Интерес этой конфронтации в том, что оба понятия опираются на время. Одно игнорирует ход времени, а другое основывает существование правосудия на времени, и скорости. Именно так нам удастся обнаружить некоторые непредвиденные последствия неприменимости срока давности. Эти последствия не разрушают качества этого принципа, но обнаруживают форму непонимания, которая из него вытекает. Это стало возможным благодаря понятию судебной реактивности, которое опирается на способность международного уголовного правосудия быстро реагировать на совершение преступления.

Ключевые слова: срока давности, неприменимость срока давности, безнаказанность, международное уголовное правосудие, судебная реактивности.

Введение

С самого начала, неприменимость срока давности является одним из основополагающих принципов международного уголовного права [1, с. 340] и противоречит идее, согласно которой по истечении определенного установленного срока (срока давности) общество (правосудие) не может де-юре преследовать или применять приговоры оглашены судьей [2, с. 387]. В результате можно понять, что предполагаемый преступник может быть привлечен к ответственности в любое время. С момента его формализации и с течением времени, этот принцип воспринимается как реальный правовой институт на службе борьбы с безнаказанностью, в отличие от срока давности, который некоторые авторы классифицируют как институт милосердия.

Следует сказать, что до нынешнего развития международного права этот принцип никоим образом ставился под сомнение ни в каком другом международно-правовом тексте, прецедентном праве или доктрине. В данном исследовании вопрос в том, чтобы оценить его немногие неожиданные последствия по отношению к реальности, на которой основано понятие судебной реактивности чтобы придавать больше значения срока реакции международного уголовного правосудия.

Из-за незнания времени реакции, подразумеваемого неприменение срока давности, международное уголовное правосудие впадает в форму бездействия (I), которая, как это ни парадоксально, может обеспечить безнаказанность за эти наиболее серьезные преступления (II).

I. *В отличие от срока давности, незнание времени, подразумеваемое принципом неприменимости срока давности, способствует бездействию международного уголовного правосудия и подрывает понятие судебной реактивности*

Прежде всего напомним, что перед лицом безнаказанности срок давности преподносится как надежное средство обеспечения безнаказанности преступников. Это преступление останется безнаказанным [3, с. 12], потому что факты просто утрачены или срок давности просто прошел [4, с. 684 и 685]. Скорее, это юридические последствия, выявленные в судебном процессе, которые больше всего беспокоят сообщество и способствуют радикализации неприменимости срока давности. На самом деле преследование судопроизводства будет объявлено неприемлемо на основании срока давности [5, § 1366] и будет прекращено независимо от степени ее эволюции. В последнем случае оправдание заключается в том, что его процессу-

альный режим позволяет ссылаться на него в любое время в ходе судебного разбирательства, даже впервые перед судьей апелляционной палаты.

Хотя верно то, что прекращение уголовного преследования обеспечивает безнаказанность, прежде всего следует признать, что это является логическим следствием либо бездействия, либо опоздания судебной реакции. По правде говоря, общество должно привлечь к ответственности, как и в случае штатного гражданского иска, который отвергается из-за срока давности. С этой точки зрения можно прийти к выводу, что этот правовой институт, призванный ограничить во времени реакцию правосудия, представляет собой в то же время средство давления, касающегося осуществления преследования и гарантии, что это преследования будет осуществлено в указанные сроки.

В первом случае средства давления противоречиво относятся к определенным функциям, возложенным на срок давности, и представляют собой необходимость того, чтобы правосудие отреагировало как можно быстрее, и позволило обществу выполнить свое обязательство преследовать и судить. В действительности за исключением преступлений, в отношении которых закон (*sensu lato*) предусматривает подачу жалобы жертвы [6, с. 681], общество несет исключительную обязанность преследовать любые преступления, независимо от степени его серьезности. Прокурор, ответственный за преследование, добивается признания нарушений законов и преступлений, совершенных на территории, на которую распространяет свою юрисдикцию. Это обязательство реагировать и действовать, используя нормативные и судебные средства от имени общества.

С этой точки зрения давность никоим образом не может пониматься как правовой институт снисхождения или как инструмент уголовной политики, призванный очистить суды, как думают некоторые авторы [7, с. 237–255]. Давность не сможет рассматриваться как *волевое действие прокурора*, которое отказывается от преследования до истечения установленного срока реакции; или как правовой институт в пользу предполагаемого преступника.

Напротив, очевидно, что давность скорее рассматривается как логическое следствие небрежности со стороны прокурора, который должен бы отреагировал; или государству и международному сообществу, не имеющих в распоряжении надлежащих рамок, позволяющих быстро реагировать.

Кроме того, когда на понятие небрежности мы ссылаемся при попытке установить ответственность общества или прокурора, срок давности не будет означать, что общество извиняет преступника, как это вполне можно представить в учреждениях о помиловании или президентское помилование, амнистия. Эти учреждения четко указывают на желание освободить осужденного от исполнения приговора или избежать уголовного преследования против подозреваемого [8, с. 688 и 689].

С одной стороны, эти институты основаны на понятии прощения, которое может быть моти-

вировано любыми другими средствами, включая социальный мир. С другой стороны, давность, которая не позволяет судье рассматривать дело без вмешательства со стороны другой власти, скорее следует понимать, как внешний признак дисфункции общества. Это значит неспособность общества взять на себя роль, которая была у него с конца правления частного правосудия.

Фактически, более уместно полагаться на понятие времени, чтобы выступить против этого отказа правосудия, который сулит и гарантирует безнаказанность. Ещё, давность в результате небрежности не может одновременно рассматриваться как мера общественного интереса в контексте борьбы с безнаказанностью. В данном случае только *судебная реакция* могла бы учитывать и сохранить этот общественный интерес. Само собой разумеется, что в отсутствие судов практически невозможно говорить о понятии судебной реактивности. Что осталось наконец? Только надежда преследовать и судить когда-нибудь?

Во втором случае отметим, что установленный период, в течение которого прокурор должен действовать, гарантирует обществу и жертвам что действие подготавливается и должно быть осуществлено в течение нескольких лет, и это при отсутствии непосредственности судебной реакции. Эта уверенность также является результатом давления, оказываемого сроком давности, потому что в действительности, опасаясь взять на себя тяжелую ответственность за ее бездействие, прокурор, как представитель общества, предпримет акты преследования.

Эти процедурные акты, как объясняется в юридической доктрине, демонстрируют, что органы прокуратуры не забыли реагировать [9, с. 456]. Однако этого, казалось бы, простого аргумента было бы достаточно, чтобы обоснованно опровергнуть аргумент, что срок исковой давности основан на забывании [10, с. 96.]. Потому что забвение, являющееся основанием давности, будет пониматься как простая презумпция, вытекающая из безответственности общества, которую неприменимость срока давности пытается прятать.

Но, наконец, это притворство, предполагающее игнорирование проходящего времени, может быть причиной последствий, по меньшей мере неожиданных, а значит, и уверенности в безнаказанности.

II. *Незнание времени, подразумеваемое принципом неприменение срока давности, парадоксальным образом может обеспечить безнаказанность за международные преступления*

Фактически, игнорируя срок судебной реакции и негативных последствий [11, с. 282], неприменимость срока давности практически больше похожа на простое обещание осуществлять расследование и преследование в любое время. Простой отказ забыть факты и простить тех, кто упивался причинением огромных страданий многим семьям и отдельным людям ужасающими методами.

Однако понятие судебной реактивности, которое пытается зондировать почву международного

уголовного правосудия, его способность адаптироваться и иметь возможность свободно и быстро отреагировать, напоминает, что безнаказанность возникает из-за отсутствия реакционного правосудия, то есть правосудие не отреагировало на совершение преступных действий. Судебная реактивности предлагает рассматривать безнаказанность не в ее окончательном виде, как это следует воспринимать, ссылаясь на недопустимость, вытекающую из срока давности, а, скорее, с точки зрения роли, которую играет институционализация международного уголовного правосудия: *расследовать, преследовать и судить*.

Потому что, согласно ООН, безнаказанность можно понимать как «отсутствие юридически или фактически осуществлении уголовного преследования, а также гражданской, административной ответственности преступников что касается цельного процесса, направленного на то, чтобы позволить им предъявить обвинение, арест, судить и, если они будут признаны виновными, их приговор к соответствующим мерам наказания, включая компенсацию за ущерб, понесенный их жертвами» [12, с. 6].

Межамериканский суд по правам человека фактически устанавливает взаимосвязь между «глобальной неспособностью расследовать, преследовать, задержать, судить и осудить виновных в нарушениях прав, защищаемых Американской конвенцией, и обязательство Государства, которое должно бороться с такой ситуацией всеми доступными правовые средства...» [13]. Брюссельские принципы против безнаказанности и международного правосудия определяют безнаказанность как «бездействие при расследовании, преследовании и осуждении физические или юридические лица, ответственные за серьезные нарушения прав человека и международного гуманитарного права» [14].

В свете этих трех определений, безнаказанность априори сводится к отсутствию судебной реакции. Борьба с безнаказанностью – это, прежде всего, угроза судебной реакции, которая окажет давление на потенциальных преступников. Но тогда это будет характеризоваться эффективным судебным преследованием, которое будет соответствовать выполнению этой угрозы. Безнаказанность существенно сравнивают с эффективностью преследования.

Это важное сближение можно также увидеть в Римском статуте МУС, утверждающий, что «самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества, не должны оставаться безнаказанными и что их действенное преследование должно быть обеспечено как мерами, принимаемыми на национальном уровне, так и активизацией международного сотрудничества» [15].

Связывая отказ обеспечения безнаказанности с эффективностью правосудия, само собой разумеется, что на этом уровне ставка этой совокупности правил, применимых к преступлениям и на-

казаниям, больше не является угрозой наказания, а скорее его реализация. Таким образом, существование или принятие законов не гарантирует эту борьбу с безнаказанностью, учитывая, что она царит вне зависимости от действующего политического режима, когда любое правосудие не может действовать временно или окончательно, частично или полностью. Таким образом можно понять борьбу с безнаказанностью, на основе понятие судебной реактивности как быстрое и эффективное осуществление судебного механизма преследования после совершения преступления.

Эффективность этого механизма относится к доступным теоретическим и практическим средствам, поскольку необходимо будет обеспечить, с одной стороны, правовую основу, на основе которой общество должно реагировать, чтобы избежать произвола и с другой стороны, технические и материальные ресурсы, начиная с учреждения суда. Скорость осуществления, в свою очередь, выявляет нераздельность понятия безнаказанности и времени, которое принцип неприменимость срока давности пытается скрыть надеждой. В этом смысле этот период, идущий без остановки, одновременно чреват угрозой непредсказуемой безвозвратной безнаказанности или даже ухудшения качества предстоящего процесса.

В первом случае заинтересованность в быстрой реакции основана на риске безвозвратного прекращения преследования после, например, смерти подозреваемого. Действительно, если медлительность и бездействие судебной системы сохраняют это смешанное чувство безнаказанности и надежды, смерть подозреваемого неизбежно закрывает эту двусмысленность, поскольку в современном уголовном праве не будет никакого процесса против мертвеца.

В конечном итоге общество никогда не узнает судебной истины о виновности или невиновности лица, предположительно совершившего преступление, потерпевшие больше ничего не будут знать о предполагаемом преступнике. Причиной такой безнаказанности будет только то, что правосудия вовремя не отреагировало на совершенные и известные преступления.

Даже если жертвы и ассоциации жертв также враждебно относятся к понятию давности, тем не менее следует подчеркнуть, что неприменимость срока давности не учитывает их права как людей, непосредственно пострадавших от этих великих страданий, представляющих собой международные преступления. Внимание международного уголовного правосудия сосредоточено исключительно на подозреваемом. Между тем, до тех пор, пока правосудие остается бездействующим, никакие меры не могут быть приняты для их. Эта печальная реальность проистекает из первоначальной идеи преследования, которая всегда преобладала в международных уголовных процессах.

Цель международных уголовных судов заключалась в том, чтобы преследовать и наказать главных виновных в этих ужасных преступлениях.

Во второй части этого исследования мы увидим, что в таком небольшом формате жертва, не являющаяся стороной [16, с. 61–79] в уголовном процессе, не была представлена как приоритет этой системы уголовного правосудия. Мы также вернемся в деталях к отчасти удовлетворительному развитию, закреплённому в Римском статуте МУС в отношении места жертв.

А пока давайте всегда отмечать в рамках борьбы с безнаказанностью, что в международном праве есть обязательство проводить быстрое расследование. Это результат:

свода принципов защиты и поощрения прав человека посредством борьбы с безнаказанностью, устанавливающий правило, согласно которому государства должны незамедлительно проводить углубленные, независимые расследования нарушений прав человека, прав человека и международного гуманитарного права и принять адекватные меры в отношении виновных, в частности, в области уголовного правосудия, с тем чтобы виновные в серьезных преступлениях по международному праву были привлечены к ответственности, преданы суду и приговорены соответствующие наказания » [17].

Этот текст указывает на ответственность государства, которое остается даже на международном уровне единственным лицом, несущим основную ответственность расследовать в отношении преступлений, совершенных на его территории, или любых других преступлений, когда оно имеет юрисдикцию. Однако давайте вспомним этот трюизм, согласно которому международное уголовное правосудие может преследовать вместо государства только в исключительных случаях. С этой целью международное уголовное правосудие не подлежит этому обязательству. Но, тем не менее, можно сослаться на него с целью оправдания, например, его вмешательство, и возражая соответствующему государству в отношении того факта, что его судебная система ранее или быстро не реагировала на международное уголовное преступление.

Во втором случае медлительность правосудия отрицательно сказывается на качестве предстоящего судебного разбирательства. Речь идет о достоверности и достаточности доказательств, потому что невозможно привлечь к ответственности, если невозможно доказать. Более того, международное уголовное право считает, что достаточность доказательств является основополагающим элементом, который может поддержать проведение уголовного судопроизводства. Таким образом, при утверждении обвинения или обвинительного заключения Палата предварительного производства или Судебная палата следят за тем, чтобы прокурор собрал достаточные доказательства, подходящие для проведения разбирательства.

Тем не менее очевидно, что течение времени безвозвратно угрожает надежности этих доказательств. Чтобы избежать, исчезновения вещественных доказательств или чтобы воспоминания

не стали размытыми, нужно быстро реагировать, даже если «со временем появятся какие-то другие доказательства» [18]. Поиск истины должен проводиться как можно быстрее, потому что есть такие доказательства, которые не выдерживают времени. Это наблюдение было сделано группой экспертов Камбоджа, которая после проведения международного расследования пришла к следующему заключению:

«Прошло уже 20 лет с тех пор, как красные кхмеры были отстранены от власти в Камбодже, и время, прошедшее с тех пор, как они совершили свои зверства, немедленно затрудняет привлечение лидеров к ответственности. Эта трудность принимает различные формы, начиная со смерти возможных свидетелей, неточного воспоминания о событиях того периода у оставшихся в живых свидетелей и ухудшения, и исчезновения вещественных доказательств» [20, с. 18.].

Далее мы увидим, что в данном случае такое наблюдение не стало препятствием для уголовного преследования в рамках международного уголовного правосудия. Но, чтобы избежать путаницы, важно уточнить, что ставка данного этапа скорее является осуществленным процессом, а не вынесением какого-либо вердикта. Пока существует связка признаков, которая может интересовать работы прокурора, надо ее анализировать и оценить возможность судебного преследования.

Это небольшое уточнение объясняет идею, согласно которой судебная реактивность даёт привилегии на прагматический аспект эффективности борьбы с безнаказанностью. Кроме того, осуществление процесса позволяет системе правосудия выполнять конкретные действия, которые должны постепенно пролить свет на предполагаемые злодеяния, вплоть до полного судебного решения. С этой целью аргумент о быстром действии должен иметь смысл, требующий от правосудия, в частности международного прокурора, реагировать в той мере, в какой международные преступления являются актами, которые не могут ускользнуть от взгляда во всем мире из-за их особых характеристик.

Заключение

Наконец, при нынешнем положении дел любой аргумент, основанный на судебной реактивности как способности и скорости правосудия, кажется, бесильным перед лицом неприменимости срока давности как детемпорализация международной судебной реакции. В отсутствие структурной и организационной системы международного уголовного правосудия, этот принцип, в конечном счете, служит интересам правосудия, ссылаясь на эту извечную поговорку: *лучше поздно, чем никогда*.

Фактически, как только правосудие собралось все условия, необходимые для организации справедливого судебного разбирательства в отношении всех сторон, и обеспечит надежность доказательств, на которые оно намеревается основывать

свои действия, очевидно, что не будет никаких причин быть против этого преследования. Однако судебный опыт показывает, что можно очень долго ждать эту международную судебную реакцию или даже никогда не дожидаться, но одного фактора достаточно, чтобы её возвращать ко времени, – это срочность.

Литература

1. Верле, Г. Принципы международного права: Принцип учебника/ Гехард Верле; пер. с англ. С.В. Саяпина.-О.: Феникс; М. Транслит, 2011. с. 340.
2. Шарль Кальво, Словарь международного публичного и частного права, Париж/Берлин, Педоне, Гийомен Руссо/Путткаммер и Мюльбрехт, 1885 г., том I, с. 387.
3. Фурми, В. Нарушение давности публичных действий, Университет Пантеон-Ассас, 2011, с. 12.
4. Сундунова, Ф.Р. и Тарханова, И.А. Уголовное право в России. Общая часть: учебник, 2е изд. перераб. И доп. М.: Статут, 2016, с. 684 и 685. См. Ст. 78 Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ.
5. Guinchard, S. и Buisson, J. Уголовный процесс, Lexis Nexis, 8-е изд., 2012 г., § 1366.
6. Например, в случаях предусмотрено в статье 76 УК РФ. См. Сундунова, Ф.Р. и Тарханова, И.А. там же.с. 681.
7. Руиз Фабри, Х. и др. «Институты помилования (амнистии, помилования, давности) в международном праве и сравнительном конституционном праве», Archives de politique Criminal, vol. 28, нет. 1, 2006, с. 237–255.
8. Руиз Фабри, Х. и др. соч. 255.
9. Лузоло Бэмби, Э. Дж. и Bayona Ba Meya, N-A. Руководство по уголовному процессу, Kinshasa PUC, 2011, с. 456.
10. Костац, К. «Право на забвение», Газ. Пал. 1995, 1 2, Доктрина, с. 96.
11. Фарж, П. «Ожидание и надежда», А. Дж. Пеналь, 2016, с. 292. См. Локар, Э. Трактат по криминалистике, том VII, Desvignes Ed., Лион, 1940, с. 282.
12. «Обновленный свод операций защиты и защиты прав человека путем перехода с безнаказанностью» (далее «Принципы Организации исходят из положения безнаказанности»), E/CN.4/2005/102/Add.1, 8 февраля 2005 г.с. 6.
13. Межамериканский суд По Правам человека, дело буласио Против Аргентины, решение от 18 сентября 2003 г.
14. Брюссельская группа по рассмотрению правосудия, Брюссельские рекомендации по согласованию с безнаказанностью и международному рассмотрению, процедура по итогам симпозиума по борьбе с безнаказанностью: вызовы и перспективы, 11–23 марта 2002 г., Брюссель.
15. Павия, М-Л. «Место потерпевшего перед международными уголовными трибуналами», Archives de politiquecriminale, 2002/1 (n° 24), с. 61–79.
16. Римский статут МУС, упомянутый выше, четвертый абзац преамбулы.
17. Принцип 19 Принципов организации жены объединенных наций «В отношении безнаказанности», E/CN.4/2005/102/Add.1, 8 февраля 2005 г.
18. Дельмас-Марти, М. гл. IV, «Уголовная ответственность под контролем (давность, амнистия, иммунитеты)», Кассезе А. и Дельмас-Марти, М. Национальные юрисдикции и международные преступления, Париж, PUF, 2002.
19. Доклад Группы экспертов по Камбодже, учрежденной резолюцией 52/135 Генеральной Ассамблеи от 18 февраля 2005 г.

LEGAL CONSEQUENCES OF THE INAPPLICABILITY OF THE STATUTE OF LIMITATIONS BASED ON THE CONCEPT OF REACTIVITY OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL PROCESS

Manzanga O.K.

Kazan Federal University

The Non-Applicability of Statutory Limitations is one of the founding principles of international criminal justice. This is a dogmatic principle, which cannot be questioned without a reason that is out of the ordinary. This article tries to reveal the dark side of this principle in a confrontation with the notion of judicial reactivity. The interest of this confrontation is that the two notions rely on time. One ignores the passage of time, and the other bases the existence of justice on time, speed. This is how we manage to detect some unsuspected consequences of the Non-Applicability of Statutory Limitations. These consequences do not destroy the quality of this principle, but reveal the form of misunderstanding that flows from it. This was made possible by the notion of judicial reactivity, which relies on the ability of international criminal justice to respond quickly to the commission of a crime.

Keywords: statute of limitations, inapplicability of the statute of limitations, impunity, international criminal justice, judicial reactivity.

References

1. Werle, G. Principles of international criminal law: textbook / Gehard Werle; per. from English. C.V. Sayapina.-O.: Phoenix; M. Translit, 2011. p. 340.2.
2. Charles Calvo, Dictionary of public and private international law, Paris/Berlin, Pédone, Guillaumin Rousseau/Puttkaammer & Mühl-brecht, 1885, volume I, c. 387.
3. Fourmy, V. The disorder of the prescription of public action, Panthéon-Assas University, 2011, c. 12.
4. Sundurov, F.R. and Tarkhanova, I.A. Criminal law in Russia. General part: textbook, 2nd ed. revised And extra. M.: Statute, 2016, p. 684 and 685. See Art. 78 of the Criminal Code of the Russian Federation” dated 13.06.1996 N 63-FZ.
5. Guinchard, S. и Buisson, J. Criminal procedure, Lexis Nexis, 8th ed., 2012, § 1366.
6. For example, in the case provided for in Article 76 of the Criminal Code. CM. Sundurov, F.R. and Tarkhanova, I.A. there. With. 681.
7. Ruiz Fabri, H. et al. “The institutions of clemency (amnesty, pardon, prescription) in international law and comparative constitutional law”, Archives de politique criminal, vol. 28, no. 1, 2006, p. 237–255.
8. Ruiz Fabri, H. et al. “The institutions of clemency (amnesty, pardon, prescription) in international law and comparative constitutional law”, Archives de politique criminal, vol. 28, no. 1, 2006, p. 237–255.
9. Luzolo Bambi, E-J. и Bayona Ba Meya, N-A. Criminal Procedure Manual, Kinshasa PUC, 2011, с. 456.
10. Costaz, C. “The right to be forgotten”, Gaz. Pal. 1995, 1 2, Doctrine, c. 96.

11. Farge, P. "Waiting and hoping", *AJ Pénal*, 2016, c. 292.
12. Locard, E. *Treatise on criminalistics*, tome VII, Desvignes Ed., Lyon, 1940, c. 282.
13. Inter-American Court of Human Rights, *Bulacio v. Argentina*, judgment of 18 September 2003
14. Vervaele John, A.E. "Serious Human Rights Violations and International Crimes. From jus (non) puniendi of the nation state to an imperative deber puniendi drawn from jus cogens", *Revue de sciencecriminale et de droit penal comparé*, 2014/3 (N° 3), c. 487–521.
15. Pavia, M–L. "The place of the victim before the international criminal tribunals", *Archives de politique criminale*, 2002/1 (n° 24), c. 61–79.
16. Rome Statute of the ICC, cited above, fourth preambular paragraph.
17. Principle 19 of the United Nations *Wife Principles on impunity*", E/CN.4/2005/102/Add.1, 8 February 200517.
18. Delmas-Marty, M. chap. IV, "Criminal responsibility in check (prescription, amnesty, immunities)", in Cassese A. и Delmas-Marty, M. *National jurisdictions and international crimes*, Paris, PUF, 2002.
19. Report of the Panel of Experts on Cambodia established pursuant to General A. Resolution 52/135 18.

Недопустимость нарушения публичного порядка как вид отрицания недобросовестного поведения в праве

Седова Жанна Игоревна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Российский государственный университет правосудия
E-mail: Zhanna.sedova@EL5-energo.ru

Следует признать, что недобросовестное поведение составляет часть общественной жизни и требует наиболее срочного и эффективного правового регулирования посредством закрепления в праве запретов, являющихся твердыми нормами. В праве можно выделить новый метод правового регулирования общественных отношений – отрицание недобросовестного поведения. Совокупность приемов, способов правового регулирования и средств воздействия права, отрицающих в общественных отношениях любое проявление недобросовестности, называется методом правового регулирования. Нормативная автономность принципа добросовестности требует собственного метода правового регулирования. Одним из видов такого отрицания является недопустимость нарушения публичного порядка, закреплённая в нормах-запретах международного и национального права. В статье приводятся правовые средства, соответствующие указанному виду отрицания, рассматриваются особенности применения оговорки о публичном порядке в целях защиты международного и национального публичных порядков, выделяются некоторые элементы международного публичного порядка.

Ключевые слова: принцип добросовестности, отрицание недобросовестного поведения, публичный порядок, оговорка о публичном порядке, односторонние меры ограничительного характера.

Принцип добросовестности и такое его свойство, как нормативная автономность, являются основанием для выделения в праве нового метода правового регулирования общественных отношений – отрицания недобросовестного поведения. Любое недобросовестное поведение вызывает негативную реакцию в обществе и отрицается им путем установления в нормах права запретов известных практике видов недобросовестного поведения.

Звеньями системы права по С.С. Алексееву являются: юридические нормы; правовые институты; отрасли права, которые, в свою очередь, характеризуются наличием особого метода регулирования, ориентированного на способы правового регулирования (дозволения, запрещения, обязывания) [1, с. 51].

В.В. Ершов в поддержку высказываний Г.В.Ф. Гегеля о том, что «отрицание и есть неправо..., право... переходит в неправу в видимость» и «неправо есть... видимость сущности, полагая себя как самостоятельную» [3, с. 137–138], делает вывод, что «право, «возвратившись» из своего «отрицания» неправом, «...становится действительным, ибо действительность есть то, что действует и сохраняет себя в своем инобытии...» [3, с. 137–138], то есть более определенным, эффективным и продуктивным» [4, с. 89–91].

В.А. Белов включает отрицание в определение гражданско-правовой формы, под которой он понимает «результат научного анализа случаев оценки общественных отношений и их элементов нормами гражданского права, который может выражаться в утверждении либо отрицании возможности и (или) необходимости определенного поведения участников этих отношений» [2, с. 397–398].

В теории права В.В. Лазарев определяет «метод правового регулирования» как совокупность приемов и средств воздействия права на определенную сферу общественных отношений [6]. В.Д. Перевалов аналогично рассматривает «метод правового регулирования» как совокупность средств, способов и приемов юридического воздействия на поведение людей [7]. С.А. Комаров называет методом правового регулирования совокупность юридических приемов и средств, при помощи которых осуществляется правовое регулирование качественно однородных, обособленных общественных отношений [5].

Определяющим значением отрицания недобросовестного поведения в праве является то, что оно представляет собой метод правового регулирования, выраженный в применении как участниками правоотношений, так и судами способов правового

регулирующие (запретов, обязываний и дозволенных, основанных на принципе добросовестности) и соответствующих им правовых средств.

Каждому виду недобросовестности должен противостоять конкретный вид отрицания недобросовестного поведения. В свою очередь, каждый вид отрицания недобросовестного поведения должен коррелировать с присущими ему правовыми средствами. Эта корреляционная взаимосвязь представляет собой юридический механизм, применение которого создает справедливый баланс интересов участников правоотношений и в целом гармонизирует общественную жизнь.

Принципы справедливости и добросовестности нуждаются в собственном методе правового регулирования для того, чтобы эффективно защищать законные права и интересы субъектов правоотношений.

Отрицание недобросовестного поведения закрепляется в твердых нормах права, одни из которых по способу правового регулирования могут быть объединены в нормы-запреты, направленные на защиту публичного порядка от недобросовестных практик в коммерческом обороте.

Одним из видов отрицания недобросовестного поведения является недопустимость нарушения публичного порядка (отрицается поведение, направленное на несоблюдение требований публичного порядка, то есть поведение, связанное с применением нормы иностранного права, последствия которого явно противоречат национальному публичному порядку страны места суда).

По способу правового регулирования данный вид отрицания следует классифицировать как норму-запрет национального и международного права. При этом важно отметить, что под «публичным порядком» следует понимать как национальный, так и международный публичный порядки.

Для целей обоснования того, что существует определенный вид отрицания недобросовестного поведения, необходимо выделить те правовые средства, которые помогают в реализации именно данного вида отрицания и по выбору суда могут быть применены для защиты, в частности, императивных требований публичного порядка от нарушений (от недобросовестного поведения).

Можно выделить следующие правовые средства, соответствующие такому виду отрицания недобросовестного поведения как недопустимость нарушения публичного порядка:

1) Применение оговорки о публичном порядке: не применяется норма иностранного права, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку) РФ и применяется соответствующая норма национального права страны места суда (ст. 1193 ГК РФ). Современное развитие правоприменения нормы статьи 1193 ГК РФ видится в том, что убытки, причиненные российскому лицу в результате применения контрагентом, находящимся под контролем иностранца, норм иностранного права [недружественных односторонних мер ограничительного

характера], противоречащих публичному порядку РФ, подлежат возмещению в порядке статьи 15 ГК РФ. Несмотря на то, что статья 1193 ГК РФ прямо предусматривает в качестве санкции только неприменение нормы иностранного права, противоречащей публичному порядку РФ, можно утверждать, что за нарушение публичного порядка возможно применение еще одной меры ответственности – это возмещение российскому лицу по статье 15 ГК РФ убытков, причиненных ему вследствие применения контрагентом иностранных норм недружественных государств, устанавливающих односторонние ограничительные меры в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц.

2) Установление факта нарушения принципа или нормы, формирующих международный публичный порядок.

3) Ограничение применения норм иностранного семейного права, если такое применение противоречило бы основам правопорядка (публичному порядку) РФ: неприменение нормы иностранного семейного права и применение законодательства РФ (ст. 167 СК РФ).

4) Отмена арбитражным судом решения (его части) третейского суда, противоречащего публичному порядку РФ (ст. 233 АПК РФ).

5) Отказ арбитражного суда в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения (его части) третейского суда, если такое приведение в исполнение противоречит публичному порядку РФ (ст. 239 АПК РФ).

6) Отказ арбитражного суда в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда полностью или в части в случае, если такое исполнение противоречило бы публичному порядку РФ (ст. 244 АПК РФ).

7) Отказ арбитражного суда исполнять поручение иностранного суда или компетентного органа иностранного государства, если такое исполнение поручения нарушает основополагающие принципы российского права или иным образом противоречит публичному порядку РФ (ст. 256 АПК РФ).

8) Отказ суда в принудительном исполнении решения иностранного суда, если исполнение решения может нанести ущерб суверенитету РФ или угрожает безопасности РФ либо противоречит публичному порядку РФ (ст. 412 ГПК РФ).

9) Отказ суда в признании и исполнении решения иностранного третейского суда (арбитража), если такое признание и исполнение противоречат публичному порядку РФ (ст. 417 ГПК РФ).

10) Отмена судом решения третейского суда (его части), если такое решение (его часть) противоречит публичному порядку РФ (ст. 412 ГПК РФ).

11) Отказ суда в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения (его части) третейского суда, если такое приведение в исполнение противоречит публичному порядку РФ (ст. 426 ГПК РФ).

12) Отказ в признании и приведении в исполнение арбитражного решения, если такое призна-

ние и приведение в исполнение этого решения противоречат публичному порядку этой страны (ст. V Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г.).

13) Исключение судом применения положения права, выбранного сторонами, только в тех случаях и в той мере, в которых последствия такого применения явно противоречили бы основополагающим понятиям публичного порядка (*order public*) по праву суда (ст. 11 Принципов выбора права, применимого к международным коммерческим договорам, утв. Гаагской конференцией по международному частному праву от 19.03.2015; ст. 21 Регламент № 593/2008 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I»)» от 17.06.2008).

14) Отказ в применении правового положения любого государства в том случае, если такое применение явно противоречит публичному порядку (*order public*) суда (ст. 35 Регламента № 650/2012 Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 04.07.2012 «О юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов по вопросам наследования, а также о создании Европейского свидетельства о наследовании»).

15) Отказ в просьбе об оказании помощи, если выполнение просьбы нарушило бы суверенитет, безопасность или публичный порядок (*order public*) стороны или права и основные свободы лиц, подпадающие под юрисдикцию этой стороны (ст. 16 Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (ETS N 108) от 28.01.1981; ст. 8 Протокольного решения Совета министров иностранных дел СНГ «О проекте Соглашения о взаимной правовой помощи по административным вопросам в сфере обмена персональными данными» от 07.04.2017).

16) Отказ в регистрации товарного знака ЕС, если он противоречит общественным интересам, публичному порядку, принципам гуманности и морали (ст. 8 Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 17.03.2016 № 13 «О проекте Договора о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза»).

17) Согласно подпункту «б» пункта 5.1 статьи 125 Конституции Российской Федерации Конституционный Суд РФ вправе разрешать вопрос «о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации».

Таким образом, все вышеперечисленные правовые средства соответствуют одному виду отрицания недобросовестного поведения – запрету, направленной на недопустимость нару-

шения основ национального правопорядка (публичного порядка) нормой иностранного права. При этом исключительность ситуации неприменения национальными судами нормы иностранного права характеризуется сложностью оценки судом последствий применения такой нормы иностранного права, которая должна пройти тест на явное противоречие публичному порядку страны суда, применяющего оговорку о публичном порядке.

Например, если явное противоречие последствий применения иностранной нормы публичному порядку России установлено судом, то не имеет значение, что норма иностранного права подлежит применению по соглашению сторон о выборе применимого права или в силу коллизионных норм международных договоров, законов Российской Федерации, так как суд эту норму не применит (пункт 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 09.07.2019 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»). В качестве средства, нивелирующего неприменение нормы иностранного права, применяется соответствующая норма российского права.

В случае если решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража) налагают обязанности на Российскую Федерацию, Конституционный Суд РФ вправе разрешать вопрос о возможности (в том числе невозможности) исполнения такого решения, если оно противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации, в порядке подпункта «б» пункта 5.1 статьи 125 Конституции Российской Федерации и пункта 3.3 части 1 статьи 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации». Важно отметить, что с запросом по данному вопросу компетенции могут обратиться в КС РФ только квалифицированные субъекты: Президент РФ, Правительство РФ, Верховный Суд РФ, Генеральная прокуратура РФ. При этом срок обращения с таким запросом не установлен, что означает возможность обращения уполномоченных субъектов по мере необходимости.

Российское процессуальное право также устанавливает нормы, направленные на недопустимость нарушения публичного порядка: суд отменяет решение третейского суда или отказывает в признании и выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения иностранного суда, третейского суда, если такое решение или его признание и приведение в исполнение противоречат национальному публичному порядку страны места исполнения решения (пункт 5 части 1 статьи 412, пункт 2 части 1 статьи 417, пункт 2 части 4 статьи 421, пункт 2 части 4 статьи 426 Гражданского процессуального кодекса РФ, пункт 2 части 4 статьи 233, пункт 2 части 4 статьи 239 Арбитражного процессуального кодекса РФ, абзац третий подпункта 2 пункта 2 статьи 34, абзац тре-

тий подпункта 2 пункта 1 статьи 36 Закона о международном коммерческом арбитраже, подпункт «b» пункта 2 статьи V Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10.06.1958 (далее – «**Нью-Йоркская Конвенция 1958 г.**»).

Надо разграничить две ситуации, последствием которых является неисполнимость решения иностранного национального суда, третейского суда, – это, когда:

- решение противоречит публичному порядку Российской Федерации;
- признание и исполнение решения противоречат публичному порядку Российской Федерации.

В статье 230 «Оспаривание решений третейских судов» Арбитражного процессуального кодекса РФ под «решением третейского суда» понимаются два вида актов: (1) «решение третейского суда» по Федеральному закону Российской Федерации от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» и (2) «решение международного коммерческого арбитража» по Закону Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338–1 «О международном коммерческом арбитраже».

В пункте 51 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 53 от 10.12.2019 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» (далее – «**постановление Пленума № 53**») указано, что под «публичным порядком» для целей применения норм об оспаривании и принудительном исполнении арбитражных решений следует понимать обладающие высшей императивностью и универсальностью, особой общественной и публичной значимостью фундаментальные правовые начала (принципы), которые составляют основу построения политической, экономической, правовой системы России. Одним из последствий противоречия публичному порядку является отмена или отказ в принудительном исполнении решения третейского суда. Экстраординарность характера оговорки о публичном порядке подчеркнута Верховным Судом РФ посредством установления правил применения российскими государственными судами данной оговорки для отмены или отказа в принудительном исполнении решения третейского суда, а именно, суд должен определить наличие совокупности двух признаков: (1) имеет место нарушение фундаментальных принципов построения политической, экономической, правовой системы России; (2) такое нарушение может иметь следующие последствия: нанесение ущерба государственным суверенитету или безопасности; затрагивать интересы больших социальных групп; нарушать конституционные права и свободы физических или юридических лиц.

Нарушением публичного порядка Российской Федерации будет являться применение иностранных государственных односторонних мер ограни-

чительного характера [8] (т.е. односторонних недружественных мер ограничительного характера иностранного государства).

Значимость охраны публичного порядка для государства велика. Например, пункт 5 части 1 статьи 412 Гражданского процессуального кодекса РФ допускает отказ в принудительном исполнении решения иностранного суда в случае, если такое «исполнение решения может нанести ущерб суверенитету Российской Федерации или угрожает безопасности Российской Федерации либо противоречит публичному порядку Российской Федерации». Таким образом, данная норма ставит в один ряд по негативной силе правовых последствий ущерб суверенитету страны, угрозу безопасности страны и противоречие публичному порядку страны. Такое сравнение подчеркивает существенный негативный эффект от нарушения публичного порядка, который по своей силе приравнивается к ущербу суверенитету и угрозе безопасности государства.

Верховный Суд РФ не стал в указанном постановлении Пленума № 53 давать развернутый перечень ситуаций, нарушающих публичный порядок, чтобы не ограничивать судебское понимание публичного порядка и судебскую дискрецию по применению оговорки о публичном порядке, задав лишь вектор анализа возможных последствий с учетом фактических обстоятельств дела. Суды оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению (часть 1 статьи 71 Арбитражного процессуального кодекса РФ). При этом дискуссии в рамках рабочей группы по подготовке проекта указанного постановления Пленума касались, в том числе, практики применения государственными арбитражными судами оговорки о публичном порядке, которая начала складываться в неверном направлении из-за чрезмерно широкого толкования судами разъяснений пункта 29 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.12.2005 № 96 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» в части того, что публичный порядок основывается на соразмерности мер гражданско-правовой ответственности последствиям нарушения с учетом вины (См., например, Определение Арбитражного суда города Москвы от 08.05.2019 по делу № А40–84581/19–141–767 и Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.07.2019 по делу № А40–84581/19: компания BV Energy (GULF) DMCC (Объединенные Арабские Эмираты) против НАК «Узбекистон хаво йуллари» (Республика Узбекистан), – в котором суд применил оговорку о публичном порядке в связи с неприменением международным коммерческим арбитражем статьи 333 ГК РФ, отменив решение МКАС при ТПП РФ от 05.02.2019 по делу № М-59/2018, вынесенное на основании применимого права Российской Федерации.) Такая судебная практика основана

на применении государственными арбитражными судами оговорки о публичном порядке в случае неприменения или нарушения решением третейского суда статьи 333 или пункта 5 статьи 393 Гражданского кодекса РФ, при этом государственным судом игнорируется тот факт, что решение третейского суда вынесено по российскому праву.

Противоречие решения третейского суда публичному порядку Российской Федерации возникает только в том случае, когда согласно статье 1193 Гражданского кодекса РФ последствия применения нормы иностранного права явно противоречат основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации с учетом характера отношений, осложненных иностранным элементом.

Следует обратить особое внимание на то, что применение российского права при вынесении решения третейским судом или международным коммерческим арбитражем, расположенным на территории Российской Федерации, не может создать ситуацию нарушения публичного порядка Российской Федерации в принципе. Нарушить национальный публичный порядок Российской Федерации можно только нормой иностранного права, но не российского права. Никакое нарушение императивной нормы российского гражданского законодательства в данном случае не может являться фактом, свидетельствующим о нарушении публичного порядка Российской Федерации, так как отсутствуют основания для применения судом оговорки о публичном порядке в связи с неприменением нормы иностранного права при вынесении решения третейским судом или международным коммерческим арбитражем.

Например, нарушение решением третейского суда статьи 333 «Уменьшение неустойки» Гражданского кодекса РФ, предусматривающей принцип обязательной соразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства, или пункта 5 статьи 393 «Обязанность должника возместить убытки» Гражданского кодекса РФ, устанавливающей принцип соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства, не может свидетельствовать о нарушении публичного порядка Российской Федерации, если данное решение третейского суда вынесено по российскому праву. Значит, о нарушении публичного порядка Российской Федерации сами по себе не могут свидетельствовать, в частности, нарушение императивной нормы российского гражданского законодательства, если решение третейского суда вынесено по праву Российской Федерации. Применение оговорки о публичном порядке в случае нарушения статьи 333 или пункта 5 статьи 393 Гражданского кодекса РФ решением третейского суда, вынесенным по российскому праву, будет, по сути, представлять собой пересмотр решения третейского суда по существу, что не допустимо. Проверка обоснованности решения третейского суда компетентным государственным судом не допускается.

В силу части 6 статьи 232 Арбитражного процессуального кодекса РФ при рассмотрении заяв-

ления об оспаривании решения третейского суда компетентный государственный суд не вправе осуществлять переоценку обстоятельств, установленных третейским судом (международным коммерческим арбитражем), либо пересматривать решение третейского суда по существу.

Однако норма национального процессуального права, устанавливающая исключительную компетенцию государственных судов по определенным спорам, является императивной, и ее действие не может быть устранено: ни выбором другого иностранного применимого права по сделке; ни соглашением сторон о передаче спора в третейский суд; ни иными правовыми средствами, направленными на избегание применения исключительной компетенции. При этом исключительная компетенция национальных государственных судов не может быть изменена ни соглашением о передаче спора в иностранный государственный суд (пророгационным соглашением), ни соглашением, исключающим компетенцию собственных национальных судов (дерогационным соглашением). В частности, Российская Федерация исходит из невозможности нивелирования исключительной компетенции российских государственных судов (часть 5 статьи 3, статьи 248, 249 Арбитражного процессуального кодекса РФ, пункт 7 Пленума Верховного Суда РФ № 23 от 27.06.2017 «О рассмотрении судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»).

Согласно пункту 1 статьи 21 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 (далее – «**Минская Конвенция**») «... исключительная компетенция [суда страны-участницы Минской Конвенции], вытекающая из... внутреннего законодательства соответствующей Договаривающейся Стороны [страны-участницы Минской Конвенции], не может быть изменена соглашением сторон». Данная норма о невозможности изменения соглашением сторон исключительной компетенции национального суда, вытекающей из внутреннего законодательства страны-участницы международного договора, представляет собой элемент международного публичного порядка для стран-участниц Минской Конвенции.

Принцип невозможности (недопустимости) обхода исключительной компетенции национальных государственных судов соглашением сторон является общим и применимым к соглашениям о передаче спора третейским судам и международным коммерческим арбитражам.

Таким образом, принцип недопустимости обхода исключительной компетенции национальных государственных судов соглашением сторон спора является элементом международного публичного порядка стран Содружества независимых государств (СНГ), и как следствие, элементом публичного порядка государств-членов СНГ.

Неотъемлемыми элементами международного публичного порядка также являются: (1) международные иммунитеты, присущие государству;

(2) порядок выдачи уполномоченным от имени государства лицом согласия на рассмотрение спора с участием государства в международном коммерческом арбитраже на территории иностранного государства.

Принципы, правовые основы и обязательные элементы международного публичного порядка являются составной частью публичного порядка любого государства. Международный публичный порядок и национальный публичный порядок реципируют друг друга.

Отрицание недобросовестного поведения, как метод правового регулирования, в виде недопустимости нарушения публичного порядка сформулирован в твердых (обязательных) нормах-запретах международного и национального права и имеет присущие только ему правовые средства, направленные на защиту национального и международного публичных порядков от недобросовестных практик.

Литература

1. Алексеев С.С. Государство и право: учебное пособие. – Москва: Проспект, 2015. – 152 с.
2. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть: Учебник. М., 2002.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990.
4. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. – М.: РГУП, 2018. – 627 с.
5. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры. – 9-ое изд., испр. и доп. – Москва: Изд-во Юрайт, 2019. – 506 с.
6. Лазарев В.В. Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 521 с.
7. Перевалов В.Д. Теория государства и права: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / В.Д. Перевалов. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 341 с.
8. Подраздел «Об экономических санкциях и возможности их изменения/отмены» раздела «Внешнеэкономическая деятельность» Обзора вопросов, содержащихся в обращениях граждан, представителей организаций (юридических лиц), общественных объеди-

нений, поступивших в Минэкономразвития России, и принимаемых мер, утвержденного Минэкономразвития России // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://economy.gov.ru> по состоянию на 24.12.2018 // СПС «Консультант Плюс».

INADMISSIBILITY OF VIOLATION OF PUBLIC ORDER AS A TYPE OF DENIAL OF BAD FAITH CONDUCT IN THE LAW

Sedova Zh.I.

Russian State University of Justice

It should be recognized that bad faith behavior is part of social life and requires the most urgent and effective legal regulation by enshrining in the law prohibitions, which are firm norms. In law we can identify a new method of legal regulation of social relations – the denial of bad faith behavior. The totality of techniques, methods of legal regulation and means of influence of law, denying in public relations any manifestation of bad faith, is called the method of legal regulation. The normative autonomy of the principle of good faith requires its own method of legal regulation. One of the types of such negation is the inadmissibility of violation of public order, enshrined in the norms-prohibitions of international and national law. The article presents the legal means corresponding to this type of denial, considers the peculiarities of the public order clause's application aimed to protect international and national public orders, identifies some elements of international public order.

Keywords: principle of good faith, denial of bad faith conduct, public order, public order clause, unilateral restrictive measures.

References

1. Alekseev S.S. State and law: textbook. – Moscow: Prospect, 2015. – 152 p. (In Russ.)
2. Belov V.A. Civil law. The General Part: Textbook. M., 2002. (In Russ.)
3. Hegel G.W.F. Philosophy of Law. – Moscow: Mysl, 1990. (In Russ.)
4. Ershov V.V. Legal and individual regulation of social relations: Monograph. – M.: RGUP, 2018. – 627 p. (In Russ.)
5. Komarov S.A. General Theory of State and Law: textbook for Bachelor's and Master's Degree. – 9th edition, revised and extended – Moscow: Publishing house Yurait, 2019. – 506 p. (In Russ.)
6. Lazarev V.V. Theory of State and Law: textbook for academic baccalaureate / V.V. Lazarev, S.V. Lipen. – 5-th ed. amended and supplemented – Moscow: Publishing house Yurait, 2019. – 521 p. (In Russ.)
7. Perevalov V.D. Theory of State and Law: textbook and practical workbook for Bachelor's and Specialist's Degree / V.D. Perevalov. – 5-th ed., revised. and add. – Moscow: Publishing house Yurait, 2019. – 341 p. (In Russ.)
8. Subsection “On economic sanctions and the possibility of their change/cancellation” of the section “Foreign economic activity” of the Overview of the issues contained in the appeals of citizens, representatives of organizations (legal entities), public associations, received by the Ministry of Economic Development of Russia, and the measures taken, approved by the Ministry of Economic Development of Russia // The document is given according to the publication on the website <http://economy.gov.ru> as of 24.12.2018 // Consultant Plus. (In Russ.)